ISSN 0131—0097

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 34 АВГУСТ 1989

СТУДИЯ, О КОТОРОЙ МОЛЧАТ

ДЕНЬ В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

В ЭПИЦЕНТРЕ БЕДЫ

СТИХИ АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА

ОТОРВАЛИСЬ ОТ ЗЕМЛИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 34 (3239)

19—26 АВГУСТА

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

В полете новый стратегический самолет Ту-160. (См. в номере материал «Оторвались от земли»).
Фото Александра ДЖУСА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 31.07.89. Подписано к печати 15.08.89. А 08900. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 1021. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НАДЕЖДА НА ИВ

Юрий ГОВОРУХИН
Фото Анатолия БОЧИНИНА

«Серьезный проступок совершил председатель колхоза «Новая жизнь» А. И. Иванов, за что был исключен из рядов КПСС. Встал вопрос о его снятии с работы, но люди послали ходоков в райком. Значит, крепко верили колхозники в своего руководителя. Иванов остался председателем». Из статьи в областной газете «Курская правда».

От старинного русского городка Рыльска до колхоза «Новая жизнь» сейчас двадцать минут на машине. А чуть больше года назад сюда можно было, как невесело шутили колхозники, «только вертолетом долететь», в распутицу бездорожье превращало хозяйство в богом проклятый тупик, куда шоферская братия ехала с лютыми проклятиями и при условии приплат за вывозку молока, мяса и другой продукции.

Теперь в «Новую жизнь» гонят на четырех колесах с ветерком от трассы Рыльск — Глушково по асфальтовой дороге, но глубинка осталась глубинкой, не спасают здесь, на центральной усадьбе, в деревне Артюшково, ни новый магазин, ни несколько недавно построенных домов,— улочки грязные, с глубокими колеями, домишки всякие, в основном фасада неказистого, понурые лошадки тянут скрипучие телеги, народ все в телогрейках да сапогах, в общем, без всяких декораций можно снимать тут кино о колхозной жизни 50-х годов.

Впрочем, внешняя непритязательность не отражает внутреннего производственного содержания. Оно вполне по местным меркам сносное — берут здесь по 33 центнера зерна с гектара, по 300 — сахарной свеклы, надаивают более 2,5 тысячи килограммов молока от коровы, а общий хозрасчетный доход приближается к двум миллионам рублей в год. Действительно, вполне неплохо, если учесть, что в хозяйстве 27 механизаторов, 29 животноводов, а всех «трудоспособно-неразбежавшихся» 300 человек. И, конечно же, на пупке и энтузиазме все держится. Об аренде местный люд знает понаслышке, в газетах читает, а еще новые веяния доходят сюда с помощью радио, телевизора, а также многочисленных циркуляров. Потому многое зависит от «головы».

«Голова» тут — Алексей Иванович Иванов. Председательствует уже десять лет. Ноша его, понятное дело, тяжела. Пока мы не сделали крестьян настоящими хозяевами на земле, значительную силу нашей деревни составляют такие руководители — волевые да упрямые, себя и других не жалеющие, тянущие свой воз с необычайной жертвенностью. Тип самоотверженных председателей хорошо изучен отечественной публицистикой и художественной прозой. Правда, ореол их со временем несколько поблек, с началом перестройки в особенности, когда осуждены были волевые методы руководства, но оказалось, что «отцы-командиры» еще нужны, без них пока никуда, далеко нам еще до благодушного демократа-руководителя, нужна и твердая рука, чтобы раскачать, раскочегарить народ.

Алексей Иванович деревенский. И пальто на нем мешковато сидит, и шляпа вроде бы не к месту, и лицо грубоватое, и ладонь широченная, коротколапая, когда шариковую авторучку взял, показалось,

АНОВЫХ

будто она у него так и хрумкнет, как сухая макаронина. Ему бы телогрейку, да шапку, да гаечный ключ в руки — вот тогда все на месте будет.

Сам местный, из соседней деревни Сухая, теперь там колхоз «Красный Октябрь». В свое время председателем в нем был дважды Герой Социалистического Труда Федор Павлович Максимов, приметил он бригадира ученической бригады Лешу Иванова и после десяти классов направил в Курский сельхозинститут учиться на агронома. В 1974 году окончил институт и вернулся в хозяйство, председателем тогда стал Михаил Иванович Алипов — тоже дай бог ему здоровья. Поставил руководить бригадой. Работал. Потом председателем пришел Иван Андреевич Богданов. С ним поначалу поскандалили — Иванов раздал просяную солому деревенским, для личного скота, в том числе вдовам, которые на свеклу не ходили. «Едь, забери у них солому обратно!» — кипятился Богданов. «Ничего я у вдов забирать не буду! — отрезал Иванов.— Тебе детишков не стыдно?!» — «Размазня!» — «Дурак!»

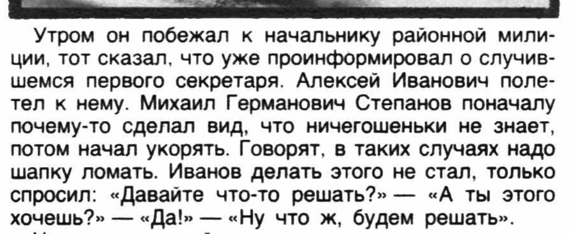
Он ушел из бригады в контору — экономистом. Ну, да потом снова стал начальником участка, бригадиром. С Иваном Андреевичем Богдановым они помирились и даже крепко дружили. Помиришься, и товарищ обязательно оценит твое поведение и будет тебя еще больше уважать... А в 1979 году Иванову предложили стать председателем в колхозе «Новая жизнь». Тут пригодились и навыки экономиста, и опыт бригадира, и агрономическое образование. Вот, собственно, и вся простая биография этого человека.

Так что же все-таки с ним случилось? А вот что. В начале апреля прошлого года, когда посевная набирала ход, срочно потребовались запчасти, на местную службу снабжения надежды, конечно, никакой, он и поехал в соседний Льговский район в спецмастерскую добывать эти самые железки. Добывание — в обычной практике председателей. Способы известные — вась-вась, обмен да магарыч. Он и поехал, поставил, конечно же, ремонтникам пару бутылок водки.

А накануне у него была очередная стычка с районным начальством, в райисполкоме потребовали заключить договоры контрактации на закупку молока у населения, причем оговорили, что это молоко в план колхозу засчитывать не будут. Иванов уперся: зачем ему такие договоры? Если заготконтора, которая должна заниматься этим, своего дела не делает, население не обслуживает, то почему на него навешивают приусадебное молоко? У колхоза и так забот хватает, опять же посевная...

Короче, договор подписывать Алексей Иванович отказался, председатель райисполкома Владимир Васильевич Милонов ему попенял: мол, все заключают, а ты опять ерепенишься, наверное, ищешь себе новых неприятностей. Нервотрепка на том не кончилась, в хозяйстве тоже хватало прорех. Так что у ремонтников Иванов немного перевел дух, покалякал с ними за жизнь, расслабился... И дал уговорить себя на стопку «горькой». А ведь сам был за рулем... На обратном пути, уже на территории своего района, у него в машине полетела тяга. Случилось это у самого поста ГАИ, откуда пришли два милиционера, и они его задержали. «Ребята, в чем дело?» — «Ты пьяный!» — «Да вы со мной и двух слов не сказали!» — «Нам все известно!» Там его замкнули в комнатку, потом повезли на медэкспертизу. Затем вызвали из колхоза машину, она дотянула сломавшийся «уазик» с запчастями до хозяйства.

Иванова отпустили домой.

Утром он побежал к начальнику районной милиции, тот сказал, что уже проинформировал о случившемся первого секретаря. Алексей Иванович полетел к нему. Михаил Германович Степанов поначалу почему-то сделал вид, что ничегошеньки не знает, потом начал укорять. Говорят, в таких случаях надо шапку ломать. Иванов делать этого не стал, только спросил: «Давайте что-то решать?» — «А ты этого хочешь?» — «Да!» — «Ну что ж, будем решать».

Через пять дней коммунисты колхоза на своем собрании обсудили проступок председателя. Говорили резко, без обиняков: минутную слабость допустил человек, ранее никогда не замечавшийся в пристрастии к спиртному, однако момент случайности и отказа тормозов Алексея Ивановича не оправдывает. Решение вынесли суровое для коммуниста: строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Но в райкоме с колхозниками не согласились: «Либеральничаете!» — «Мы его исключать из партии не будем!» — «А мы будем». И исключили — на бюро райкома.

О дальнейшем ходе событий мне рассказывали разные люди — и в «Новой жизни», и в райкоме, и в редакции местной газеты. В принципе никто не отрицал, что делу был задан ход, машина, как говорится, завертелась не сама собой, но с самого начала точку зрения тех, кто не один год проработал с Алексеем Ивановичем, просто отбросили за ненадобностью. Партийный аппарат решал судьбу человека механически, руководствуясь только чьим-то сановным и непререкаемым мнением. Мои собеседники считали, что просто надо было еще раз продемонстрировать всем, кто хозяин в районе. Такой аппаратный подход весьма типичен до сих пор, несмотря на все наши разговоры о перестройке работы партийных органов.

Да, в Рыльском районе перестраивались — говорили о демократизации, об ориентировании на позицию рядовых коммунистов, о борьбе с бюрократизмом. Но в практической ситуации предпочитали придерживаться некой заданной и негнущейся линии влиятельных лиц.

Иванов был членом бюро райкома, поэтому его исключение из партии следовало утвердить на пленуме. Он состоялся в конце апреля. Тогда в Рыльск приехал первый секретарь Курского обкома Александр Иванович Селезнев. Его участие в работе пленума, естественно, придавало особую весомость принятым решениям.

И вот за пять минут до начала работы в приемной первого секретаря райкома, где собралось районное и областное начальство, послышался шум. Он усиливался, и нетрудно было догадаться, что в кабинет не пускали каких-то людей.

Редкий случай — в приемную вышел первый секретарь обкома. Его тут же обступили колхозники из «Новой жизни». Они дружно просили не снимать Иванова с должности председателя. «У нас за всю историю колхоза было 25 председателей, так Иванов только второй толковый да настоящий из них!» — «Знаем, как вы делаете: привезете кота в мешке, вытрусите — нате вам начальника. А мы не хотим!» — «Колхозники ему доверяют!»

Селезнев ответил коротко: председателя мы у вас не забираем, а его партийную судьбу будет решать пленум.

На пленуме 250 человек, собравшихся в зале, не пожелали голосовать за исключение Иванова из партии. Тогда попросили остаться только членов райкома. Высказываться никто не захотел, лишь один секретарь партбюро колхоза Юрий Васильевич Артемьев рубанул, что считает несправедливыми, излишне жестокими меры в отношении Иванова: «Нельзя так с ним. Он же наш!»

— Перемолчали тогда члены райкома.— Юрий Васильевич пересказывал мне прошлое и катал папироску по-настоящему зло. Глотнул воздух, кадык так и подскочил к подбородку.— Эх!.. Молча смотрели, как Степанов руку подымал, молча свои руки подымали... Правда, как заколдованные сидели! Понимали, конечно, что глупость делали. Ну да у нас все битые, против силы не попрем...

Зато «поперли» колхозники. Когда в хозяйство зачастили из райкомовской парткомиссии и пытались вызнать, не проводит ли тут Иванов «агитацию за себя», не готовит ли общественное мнение, пользуясь недовольством незрелых элементов, когда Алексею Ивановичу предложили не будоражить народ и тихонечко написать заявление по собственному желанию, всем этим доброжелателям был дан отпор. А Иванов четко сказал: «Коли люди мне доверяют — буду работать!»

Тогда попытались поставить вопрос о «временной передаче» председательских обязанностей секретарю партбюро колхоза Юрию Васильевичу Артемьеву. На расширенном заседании бюро и правления колхозники единодушно постановили: никому никаких обязанностей не передавать. Горячие головы даже предлагали такую крайнюю меру: в знак солидарности с председателем положить на стол райкома свои партбилеты. Но потом просто написали в защиту Алексея Ивановича письмо-апелляцию.

Люди хотели закрепить свое решение на общем собрании. Хотели послать делегацию в Москву, чтобы до «самого ЦК дойти»...

Но ничего не потребовалось. Вдруг что-то изменилось — и дали обратный ход. В июле на бюро Иванова восстановили в партии, а в августе это решение закрепил пленум. На нем, как рассказывали, голосовали дружно, даже пытались хлопать...

История с Ивановым получила в районе огласку. Суждения мне пришлось выслушать самые разные. Меня больше всего порадовало то, что люди за фактом попытались увидеть тенденцию в стиле работы райкома, оценить происшедшее в духе нынешних веяний. Это несомненный результат перестройки.

Одни говорили: «Вот Иванов — догавкался с начальством. Ему и показали кузькину мать!»

Другие посчитали все случившееся не только демонстрацией силы, но и подтверждением обычной практики местного начальства: «У нас с председателями колхозов не церемонятся, чуть что не так — долой. В колхозе имени Щорса Евгения Яковлевича Ревкова — толкового, знающего — сняли лишь за то, что кому-то из областных руководителей не понравилось, как там на ферме корма готовили... За неполный год треть руководителей хозяйств в районе поменяли. Разве ж так можно?! Не ценят у нас людей. А ведь в районе два совхоза и целых 25 колхозов, тут должно быть больше демократии, тут надо особенно тонко, бережно подходить к смене, учитывать настроения людей. А начальство привыкло всякое мнение, которое не по «ндраву», о колено ломать».

Третьи были еще более категоричны: «У нашего начальства «нижнее ухо», то, которое обращено к людям, весьма туговато. Зато очень чуткое «верхнее ухо», оно быстро улавливает всякие пожелания и рекомендации из области. Наши райкомовцы так

и спешат чью-либо волю выполнить, никогда не поспорят, не попытаются отстаивать свою точку зрения, только: «Чего изволите?» А ведь необязательно все, что «верхний» сказал, то и лучше. Например, обычной практикой стало у нас навешивание дополнительных заданий. К плану первого квартала в этом году некоторым хозяйствам добавили по 200—400 центнеров молока. И это без учета реальных возможностей, условий. Задавили таким планированием «от достигнутого», весь интерес к работе пропадает, стимулов нет. Но сам-то Михаил Германович Степанов, бывший председатель колхоза, должен бы знать, каково на местах-то приходится!.. Только райкомовцы предпочитают с высоким начальством не связываться, интересы района они отстаивать не умеют и не берутся».

— Знаете, мы ведь поначалу руководителям хозяйств ничего не диктовали,— сказал, в свою очередь, Михаил Германович Степанов, когда мы встретились.— Даже весьма демократично подошли к вопросу: область дала новый план, а план для нас закон, вот вы сами и решайте: кто сколько возьмется произвести? Оставили председателей одних в кабинете, чтоб решали. И что же? Никто не взял ношу по силам! Вот тогда и пришлось самому все распределять.

Ну, что тут скажешь? Как можно обвинить Степанова в недемократических грехах? В партийной обойме он не худший, даже, может быть, в первой десятке. Сочувствую, понимаю его и спрашиваю:

— А что вы думаете по поводу частой смены хозяйственников-руководителей?

— Тут критерий один: тянет человек или не тянет на своем посту,— категорично ответил Михаил Германович.— Конечно, кадровые перемены не всем нравятся, но я считаю, что мы не должны бояться ошибок, надо больше пробовать и экспериментировать. Вообще-то нужен, если хотите, генетический отбор руководителей, лидеров нужно примечать еще со школьной скамьи, отбирать, культивировать, делать из наиболее ретивых кадровый резерв, задел. Пока такая работа не налажена, вот и приходится идти на частые замены, чтобы найти необходимого человека.

Нет, не согласен я со Степановым, будто не существует у нас «генетического отбора». Напротив, генезис, а точнее, воспроизводство послушных винтиков партийного и хозяйственного аппарата у нас как раз замечательно налажено. Ставка делается на ретивых исполнителей, на тех, кто не рассуждает и смотрит в рот начальству. Им-то и отдают предпочтение, они-то и делают карьеру. Такой системе не нужны неудобные, строптивые, неравнодушные, сомневающиеся, а значит, думающие люди, она либо обламывает, либо отторгает неординарные личности. Не поддаваясь штамповке, смелые да негнущиеся оказываются среди неугодных и «лишних» — это самые-то талантливые!

Первый секретарь убежден, что имеет право решать судьбы людей, имеет право, как он говорил, на ошибку. Но опять же забывает, что его ошибки дорого обходятся, что в конце концов решающей должна быть не его воля, а позиция людей. Суть — в повороте к общественному мнению. И если райком плохо слышит голос народа, значит, у него неверные ориентиры. И если местным партийным руководителям люди по известным причинам предпочитают не говорить горькую правду, значит, ни о какой перестройке не может быть и речи. Правда, по-старому вести дело райком уже не может, с людьми все-таки в нынешние времена иногда приходится считаться, но по-новому еще не умеет. И случай с Ивановым — тому подтверждение. А «низы» тоже: по-старому не хотят, а по-новому пока не получается, не выходит, сильны инерция, гипноз авторитарной власти.

Голоса пока только доносятся из приемной. А их надо впустить в кабинеты. Потому как настоящая жизнь за их окнами, а не та, которую порой придумывают с самыми благими намерениями старательные функционеры в четырех стенах.

Мы давно и настойчиво рубим сук, на котором сидим, издеваемся над руководителями низшего звена только за то, что судьба их находится в чьих-то руках. К чему и почему мы придумываем этот театр? Почему не говорим — просто, по-человечески — о том, что человек есть мера всех вещей? Какой тут грех? Я лично осуждаю поведение всех участников «воспитательного» спектакля в Рыльске. Я вижу в нем еще одно проявление ханжества. Хватит нам врать самим себе! Давайте займемся делом! Потому что так испохаблен за советское время тот же старинный город Рыльск, так худо в нем живется людям без продуктов и промтоваров, так небезгрешно местное руководство, так долго и трудно нам надо вытаскивать нашу Родину, что только на них, на Ивановых, мы и способны продержаться еще какое-то время, пока сменой тенденций, стилей, методов, самой сменой поколений не будет выправлено положение вещей.

А на другое и других, кроме Ивановых, у меня надежды нет...

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ ПРИ ВЦСПС И ГОСКОМТРУДЕ СССР (ВЦИОМ) ПРОВЕЛ ОПРОС НАСЕЛЕНИЯ ОБ ИТОГАХ СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ. О РЕЗУЛЬТАТАХ ОПРОСА РАССКАЗЫВАЕТ ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ЦЕНТРА КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК ЯКОВ КАПЕЛЮШ.

СЪЕЗД В ОЦЕНКАХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Интервьюеры ВЦИОМ прошли по домашним адресам 2100 случайно отобранных жителей 47 городов и сел и задали им ряд вопросов. В выборке оказались 18 республиканских, краевых и областных центров, 13 периферийных городов, 16 сельских районов многих союзных республик. О географии обследования говорят названия: Городок Львовской области, Киев, Нежин, Ленинград, Вильнюс, Полоцк, Москва, Саратов, Невинномысск, Кудымкар, Тбилиси, Фрунзе, Навои, Новосибирск, Абакан, Магадан...

В каждом населенном пункте адреса респондентов были взяты в избирательных комиссиях или адресных бюро. Исходная процедура случайного систематического отбора проста: каждый, условно скажем, двухсотый избиратель из алфавитного списка в конкретном избирательном участке.

Интерес к Съезду оказался очень высоким. С материалами Съезда в той или иной степени знакомы 93 процента опрошенных. 36 из них — с большей частью или почти со всеми материалами, 27 — примерно с половиной материалов, с меньшей частью — 30. Большое внимание Съезду уделяли горожане и сельские жители, люди всех возрастов. Знакомы с большей частью или почти со всеми материалами 26 процентов молодежи до 29 лет, 38 процентов — 30—54-летних, 46 — 55 лет и старше; 59 — с высшим, 36 — со средним специальным, 24 — со средним общим, 20 — с неполным средним образованием. Эти цифры говорят о немалой информированности различных групп людей и зачастую о достаточно высокой их компетентности. Здесь же отметим, что освещением работы Съезда в прессе, по радио и телевидению удовлетворены 82 процента опрошенных.

Участники опроса оценивали выборы в Верховный Совет СССР с двух сторон. Отдельно процедуру выборов (выдвижение, обсуждение кандидатов, голосование и т. п.) и состав избранного Верховного Совета. Процедурой выборов удовлетворены 60, неудовлетворены 26, затруднились ответить 14 процентов опрошенных. Состав Верховного Совета оценили положительно 53, отрицательно — 22, не смогли ответить 25 процентов опрошенных; судить о списке в пять с половиной сотен фамилий парламентариев, среди которых очень много незнакомых, нелегко. Отсюда затруднения в оценках. Сформировать суждение о процедуре выборов оказалось проще, многому тут способствовала прямая телетрансляция заседаний Съезда. Есть основания полагать, что отношение к процедуре выборов отражает общее отношение участников опроса к решению различных процедурных вопросов на Съезде: большинство респондентов одобряет сложившуюся процедуру, но примерно четвертая часть участников опроса придерживается противоположного мнения. Оценки процедуры выборов и состава Верховного Совета тесно связаны между собой: кто положительно отзывается о процедуре, как правило, удовлетворен и составом, и наоборот. Достаточно сложное построение интегральной оценки и простой расчет средней арифметической приводят к одинаковому результату: избрание Верховного Совета СССР положительно оценили 58, отрицательно — 24, затруднились дать оценку 18 процентов опрошенных.

За этими усреднениями обнаруживаются немалые различия между теми или иными социальными группами. Среди жителей республиканских, краевых и областных центров выборы в Верховный Совет СССР оценили положительно 45 процентов, отрицательно — 37; в периферийных городах — соответственно 60 и 18, среди сельского населения — 63 и 18. По мере движения от сельской «глубинки» к столичным городам доля положительных оценок уменьшается, а отрицательных увеличивается. Другое наблюдение: чем выше образование людей и их информированность о Съезде, тем больше неудовлетворенных выборами. Среди инженеров, экономистов, учителей, врачей и других лиц с дипломами об окончании вузов, среди избирателей, знакомых почти со всеми материалами Съезда, количество негативных оценок избрания Верховного Совета вдвое больше, чем в других группах, и порой лишь немногим уступает количеству позитивных оценок. У членов неформальных объединений отрицательные оценки преобладают над положительными.

Приводя эти данные, воздержусь от размышлений и обобщений. Социолог, занятый оперативными опросами, решает иную задачу — точно провести социальное измерение и объективно представить его результаты. Отмечу лишь, что различные оценки выборов в Верховный Совет связаны, вероятнее всего, с различным уровнем политической культуры людей.

Участников обследования спросили: успешно ли будет работать избранный Съездом Верховный Совет СССР? Утвердительно ответили 34 процента опрошенных, отрицательно — 14, а 52 процента затруднились с ответом: не смог сделать определенный прогноз каждый второй участник опроса. Дать определенный ответ на базе знания оказалось делом весьма трудным, ведь новый государственный орган к моменту опроса никак себя не проявил. Однако есть различные предположения относительно успешности в работе Верховного Совета. Среди тех участников опроса, кого полностью устраивает Верховный Совет, 74 процента уверены в его успехе, среди же тех, кого состав Верховного Совета совершенно не устраивает, 67 процентов предсказывают неуспех.

Избрание Председателя Верховного Совета СССР характеризуется значительно большим единодушием участников опроса. Следует отметить стабильность оценок во времени. Первый такой замер, по горячим следам, на второй день после избрания М. С. Горбачева, сделали специалисты Института социологии АН СССР при помощи телефонных опросов в шести крупных городах и выявили большое согласие избирателей с решением своих полномочных представителей на Съезде народных депутатов. Как показал второй замер, осуществленный Всесоюзным центром изучения общественного мнения спустя две недели, высокий уровень поддержки народом вновь избранного главы государства сохраняется. В столичных городах, на периферии, в сельской местности, различных социальных и демографических группах число лиц, поддерживающих избрание М. С. Горбачева, не опускается ниже 75 процентов. Наибольшим еди-

нодушием выделяются пенсионеры. Наименьшее — проявляют учащиеся и студенты: среди них безоговорочные сторонники М. С. Горбачева составляют 46 процентов, поддерживают его избрание с оговорками — 29, не поддерживают — 14. Оговорки касаются в основном совмещения постов Председателя Верховного Совета СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС, а также проведения безальтернативных выборов.

Участников опроса, не поддерживающих в той или иной мере избрание М. С. Горбачева, попросили назвать другого человека, который, с их точки зрения, мог бы быть Председателем Верховного Совета СССР. Вопрос был открытым, то есть не сопровождался никакими подсказками, опрашиваемые формулировали свои ответы сами. В качестве альтернативной фигуры наиболее часто назывался Б. Н. Ельцин, затем Н. И. Рыжков, А. М. Оболенский.

Эти фамилии встречаются во многих анкетах из различных городов и сел, но ими не исчерпывается перечень возможных кандидатур на пост президента страны.

В ряде анкет названы еще двадцать депутатов: Л. И. Абалкин, Ч. Т. Айтматов, Ю. Н. Афанасьев, А.-М. К. Бразаускас, Р. А. Быков, Ю. П. Власов, А. В. Горбунов, Е. А. Евтушенко, А. М. Емельянов, А. И. Казанник, Г. В. Колбин, Е. К. Лигачев, Б. И. Олейник, Г. Х. Попов, Е. М. Примаков, А. Д. Сахаров, А. А. Собчак, С. Н. Федоров, А. А. Щелканов, А. Н. Яковлев.

Заслуживает особого анализа отношение общественного мнения к принципам комплектования группы альтернативных кандидатов. Неожиданным для многих оказалось выступление депутата А. М. Оболенского, предложившего свою кандидатуру для избрания Председателем Верховного Совета СССР. На Съезде были и другие примеры самовыдвижения депутатов — в комиссии, комитеты и т. п. Участников исследования попросили высказаться по этому поводу. «Самовыдвижение депутатов надо поддерживать» — ответили 57 процентов опрошенных, «не следует поддерживать» — 21, не сумели сформировать определенного мнения — 22. Общественное мнение в целом выступило за кадровые новации, хотя немало консервативно настроенных людей. При этом в сельской местности противников самовыдвижения (26) в полтора раза больше, чем в столичных городах (18). Позволим себе вспомнить о реакции народных депутатов на «феномен Оболенского»: за включение его кандидатуры в бюллетень для тайного голосования высказалось 689 депутатов, против — 1415...

Интервьюеры спрашивали: «Как вы оцениваете организацию работы первого Съезда народных депутатов СССР — своевременность подготовки необходимых материалов и документов, техническую оснащенность зала и т. п.?» Ответы распределились так: «положительно» — 17, «в основном положительно» — 33, «в основном отрицательно» — 19, «отрицательно» — 21, «затрудняюсь ответить» — 10 процентов опрошенных. В среднем четверо из десяти участников опроса остались не удовлетворены организацией работы Съезда, а в некоторых группах негативных оценок было высказано значительно больше, чем позитивных (среди жителей крупных городов 58 процентов против 35, среди лиц с высшим образованием 60 против 36).

В дискуссии о внутренней и внешней политике страны слова попросили более восьмисот человек, выступили около двухсот. Как эти выступления восприняли избиратели? Социологи попросили назвать депутатов, чьи выступления понравились и не понравились больше других. Любопытнейший результат получили исследователи: в анкетах указаны фамилии 190 депутатов — почти ни один из участников съездовской дискуссии не оказался вне оценочного поля.

Сорок пять депутатов указали одновременно более двадцати опрошенных, проживающих в сотнях и тысячах километров друг от друга (будем помнить, что география опроса охватила города и села от Львовской до Магаданской области). В первой десятке (по количеству упоминаний): А. Д. Сахаров (его выступления понравились 341 респонденту, не понравились — 355), Б. Н. Ельцин (468 и 26), Г. Х. Попов (281 и 14), Е. А. Евтушенко (202 и 17), Ю. П. Власов (179 и 9), В. Г. Распутин (159 и 17), Н. П. Шмелев (164 и 1), Ю. Н. Афанасьев (138 и 10), Ч. Т. Айтматов (69 и 77), А. М. Оболенский (118 и 22). На одной характеристике депутатского «лица» остановимся. Имеется в виду многозначность выступлений депутатов и соответствующих оценок избирателей, когда речи одних и тех же народных избранников нравятся одним (многим) людям и не нравятся другим (также многим). Депутатов с такой двойной популярностью почти половина. Иногда различные оценки даются разным выступлениям одних и тех же депутатов. Например, А. Д. Сахаров упоминается в ряде анкет одновременно со знаками «плюс» и «минус» и пояснениями о том, какое его выступление понравилось респонденту, а какое нет. Большинство случаев «двойной популярности» депутатов связано с различными ориентациями и установками избирателей. Общественному мнению, как известно, свойствен плюрализм оценок и суждений...

Исследование показало, что существует немало вопросов, связанных с работой Съезда, о которых люди судят одинаково и высказываются единодушно. Это касается, в частности, предложения сократить военные расходы в 1990—1991 годах на 10 миллиардов рублей. С ним согласились 87 процентов опрошенных, не согласились 6, затруднились ответить 7.

А вот пример очень значительного совпадения мнений избирателей и депутата. Интервьюеры спрашивали: «Выступая на Съезде, депутат Б. Н. Ельцин предложил переориентировать Четвертое управление Минздрава СССР для обслуживания материнства и детства. Согласны ли вы с этим предложением?» Полностью согласились 75, в основном согласились 16, в основном не согласился 1, полностью не согласился 1, затруднились ответить 7 процентов опрошенных.

Мы спросили: «Выступая на Съезде, депутат А. Д. Сахаров заявил, что приказ послать советские войска в Афганистан был преступным, сама война там была преступной. Согласны ли вы с таким заявлением?» Полностью согласились 55 процентов опрошенных, в основном согласились 18, в основном не согласились 8, полностью не согласились 9, затруднились ответить 10. Среди несогласных с А. Д. Сахаровым больше всего членов КПСС — 24 процента.

Еще один анкетный вопрос был сформулирован так: «Согласны ли вы с тем, что решения Съезда народных депутатов создали прочную основу для действительных и скорых изменений к лучшему в жизни людей и страны?» С этим суждением выразили согласие 47, несогласие — 29, затруднились ответить 24 процента. Опрос проводился до публикации постановления Съезда об основных направлениях внутренней и внешней политики страны, и она не могла повлиять на результаты исследования.

Решения Съезда оцениваются невысоко. Хотя положительных оценок в целом значительно больше, чем отрицательных, их доля не составила и половины. По отдельным же группам соотношение оценок разное, нередко с противоположным знаком. Среди жителей республиканских, краевых и областных центров решения Съезда оценивают положительно 37 процентов, отрицательно — 42, в периферийных городах — 49 и 24, сельское население — 55 и 21, рабочие — 51 и 25, крестьяне — 56 и 23, рядовые специалисты, служащие — 40 и 33, руководители предприятий, учреждений и их подразделений — 36 и 41, учащиеся, студенты — 45 и 34, пенсионеры — 63 и 17.

Цифры показывают почти четырехкратный перевес позитивных оценок над негативными в ответах пенсионеров. У рабочих, крестьян, жителей периферийных городов и сел он двукратный, а вот у жителей центральных городов, руководителей предприятий, учреждений и их подразделений позитивных оценок меньше, чем негативных. Особенно много негативных оценок было у участников неформальных объединений. Четко прослеживается тенденция увеличения критики с ростом образования. Видна связь между оценками решений Съезда по организационным и содержательным вопросам.

На Съезде проявились различные взгляды народных депутатов на экономическое, социальное, политическое положение в стране. По-разному судят об этом и избиратели. Успешная работа форума народных избранников тесно связана с возможностью свободных дискуссий между различными группами депутатов.

Острые разногласия могут препятствовать эффективной работе. Что думают об этом? «Разногласия вредны, они мешают принятию правильных решений»,— считают 8 процентов опрошенных. «Разногласия естественны и неизбежны, они не мешают принятию необходимых решений»,— утверждают 34. «Разногласия полезны, они способствуют принятию продуманных решений»,— говорят 50. Не имеют мнения 8. Вред от разногласий видят больше других люди старших возрастов (12), жители сел (13), лица с образованием ниже среднего (17). О пользе разногласий чаще говорят соответственно молодые люди (53), жители крупных городов (60), люди с высшим образованием (61).

Прямые вред или польза от разногласий — понятия достаточно абстрактные. Значительно чаще возникают положения, когда дискуссии не завершаются согласием, а разделяют участников обсуждения на большинство и меньшинство. Решения же принимать надо. В каких случаях они могут быть наилучшими? «Когда принимаемые решения совпадают с позицией большинства депутатов»,— ответили на вопрос социологов 54 процента опрошенных. «Когда в принимаемых решениях учтена позиция меньшинства депутатов»,— считают 32. Затруднились ответить 14.

Единодушия среди избирателей нет, как не было его и среди депутатов. Ситуация на Съезде отразила ситуацию в массовом сознании в обществе. С повышением образования увеличиваются терпимость и внимание к позиции меньшинства. Читатели помнят, что на Съезде в меньшинстве оказались депутаты «московской группы», выступившие со своей платформой по ряду вопросов повестки дня. Каково отношение общественного мнения к этому конкретному случаю? Одобряют инициативу депутатов-москвичей 45 процентов опрошенных, не одобряют — 15, не имеют мнения 40. Количество затруднившихся ответить на вопрос о «московской группе» резко уменьшается — до 26—20 процентов — среди тех, кто хорошо информирован о событиях на Съезде, знаком почти со всеми его материалами, считает необходимым в любых случаях учитывать позицию меньшинства, участвует в каком-либо неформальном объединении. При этом увеличивается до 64—71 процента доля сторонников депутатов-москвичей и уменьшается до 14—9 группа несогласных с ними.

Приведенные данные говорят о большой дифференциации в суждениях и оценках людей. Что разделяет их: место жительства, род занятий, образование, возраст? Может быть, более значимы не объективные социальные и демографические признаки, а субъективные — характеристики сознания, те или иные ориентации, установки? Анализ материалов приводит к выводу: дифференцированное отношение людей к Съезду в немалой степени определяется различиями в их представлениях о верховной власти.

Были выявлены следующие типы таких представлений. **Тип А:** верховной властью в стране должен обладать исключительно Съезд народных депутатов СССР. **Тип Б:** верховная власть в стране должна принадлежать Верховному Совету СССР. **Тип В:** реальная власть должна находиться только в руках партийного и правительственного аппарата. **Тип Г:** нет мнения по данному вопросу либо не отдается предпочтение ни одному из рассматриваемых политических институтов. Величина каждого типа такова (в процентах к числу опрошенных в каждой группе):

	Тип А	Тип Б	Тип В	Тип Г
Опрошенные в целом	58	21	12	9
Жители республиканских, краевых и областных центров	66	19	10	5
Жители периферийных городов	57	22	12	9
Сельское население	53	21	18	8

В суждениях людей первенствует идея исключительного верховенства Съезда. Подобных представлений о Верховном Совете насчитывается в два-три раза меньше. Еще реже речь идет о партийном и правительственном аппарате. Правда, по мере отдаления от столичного асфальта голоса в пользу аппарата усиливаются. Сказываются жесткие реалии провинциальной жизни? Однако эти отличия невелики и в целом в общественном мнении доминирует ориентация на Съезд как на верховную власть в стране, которую он не будет делить ни с кем.

Сторонники передачи власти Съезду настроены более критично, у них позитивных суждений заметно меньше, а негативных больше, чем у сторонников сохранения прежней системы распределения власти. По всей видимости, у тех, кто ориентируется на Съезд, ожидания в его адрес существенно разошлись с реализацией этих ожиданий. А те, кто ориентируется на аппарат, явно остались более удовлетворены итогами Съезда.

Участникам исследования был задан вопрос и о роли аппарата: «Какое влияние на Съезд оказал, по вашей оценке, партийный и правительственный аппарат?» «Очень большое» — ответили 26 процентов опрошенных, «достаточно большое» — 37, «небольшое» — 15, «почти никакого» — 5, «затрудняюсь ответить» — 17. Распределение ответов примерно одинаковое в различных группах опрошенных. Крайние позиции занимают крестьяне (считают влияние аппарата большим 48, небольшим — 28, затруднились ответить 24 процента) и лица с высшим образованием (соответственно 80, 15, 5). Примечательно: респонденты, которые считают, что влияние аппарата было большим, оценивают решения Съезда отрицательно (46) чаще, чем положительно (36). По этим данным можно сделать вывод о немалом количестве суждений общественности, согласно которым те или иные недостатки в работе Съезда связываются с деятельностью аппарата.

«Успешно ли в целом прошел первый Съезд народных депутатов СССР?» — завершали интервьюеры беседу с участниками исследования. Утвердительно ответили 70 процентов опрошенных, отрицательно — 19, затруднились ответить — 11.

Различия в оценках по отдельным группам порой превышают двукратные размеры, но в целом люди остались удовлетворены работой первого Съезда народных депутатов СССР, преподавшего депутатам и избирателям, руководящим органам и рядовым гражданам трудный, полезный урок демократии.

ЗАЧЕМ НАМ ЭТО НАСЛЕДСТВО ●
ЗА ЧТО КОМПЕНСАЦИЯ? ●
«НЕТ ФОНДОВ» НА ПРОДУКТЫ ДЛЯ СЕЛА ●
КТО ПОДПИСЫВАЕТСЯ НА ЛИТПРИЛОЖЕНИЕ ●

■

Читателей «Огонька», вероятно, заинтересует тот факт, что в Совет Национальностей нового созыва не попали депутаты от Ленинграда, Киева, Свердловска, Харькова, Донецка, Новосибирска, Ростова, Днепропетровска, Челябинска, Красноярска, избранные в соответствующих национально-территориальных округах. Их места заняты, как правило, депутатами от общественных организаций.

Как это могло произойти? Только в результате предварительного подбора кандидатур. В этом легко убедиться: депутаты этой палаты от РСФСР и Украины избраны 26 марта, следовательно, их подбирали в апреле, до повторных выборов.

Для избирателей Донецка особенно пикантно, что в Совет Союза вместе с председателем облисполкома В. Г. Кучеренко вошел и его старший референт А. А. Павлий! Чем не «Горе от ума»? Ведь сказано там: «...покойник был почтенный камергер, с ключом и сыну ключ умел доставить...»

Я. ГРАНОВСКИЙ
Донецк

■

С большим внутренним волнением прочел очерк об А. Н. Закопырине, в прошлом начальнике «Братскгэсстроя» («Огонек» № 31, 1989 г.). Я хорошо знал Анатолия Николаевича, много раз встречался с ним, мы вместе ездили по стройкам «Братскгэсстроя» — были на Нерюнгринской ГРЭС в Якутии, в Усть-Илимске, на Богучанской ГЭС.

Среди многих руководителей строительства, живущих заботами сегодняшнего дня, Закопырина отличают широкое мышление, забота о будущем. Он из небольшой когорты тех руководителей, которые могут быть названы стратегами.

В этом отношении он многое воспринял от своего непосредственного в прошлом начальника, основателя и первого руководителя «Братскгэсстроя», незабвенного Ивана Ивановича Наймушина. Иван Иванович практически на пустом месте создал, пожалуй, самую крупную в Сибири строительную организацию, способную ежегодно осваивать строительных работ на 0,5 миллиарда рублей, организацию комплексную, которая может строить все, притом строить быстро и качественно. Никто не сооружал такие большие ГЭС, как Братская, в небывало короткий срок, никто не возводил ежегодно по четыре 500-метровых корпуса алюминиевого завода и т.п. По пальцам можно пересчитать случаи, когда на огромной территории в считанные годы был создан крупнейший в стране индустриальный территориально-производственный комплекс.

Закопырин приумножил достижения «Братскгэсстроя» в условиях, когда сфера деятельности этой организации в территориальном плане резко расширилась и строительство велось не только в Иркутской области, но и в Хабаровском и Красноярском краях, в Якутии. Если бы замыслы Анатолия Николаевича Закопырина удались и «Братскгэсстрою» были бы приданы более широкий статус и самостоятельность, можно было бы решить многие больные вопросы Сибири, которые не решаются из-за слабости строительной базы и ставшего привычным неосвоения выделяемых государством капитальных вложений, безмерного затягивания важных государственных строек, например, КАТЭКа.

Я уверен в полной невиновности Анатолия Николаевича. Несколько раз я ходатайствовал перед разными партийными руководителями о его полной реабилитации. Многие сочувствовали, понимали, что Закопырина освободили от должности несправедливо, но активно бороться с решением КПК при ЦК КПСС никто не захотел. Мне представляется очень важным, что правда наконец стала достоянием гласности. И это нужно не только А. Н. Закопырину и его близким, но и всем нам.

Академик А. Г. АГАНБЕГЯН

■

В последнее время раздается много критических замечаний в адрес средств массовой информации. Вот что можно было прочитать о деятельности средств массовой информации в отчете о совещании в ЦК КПСС 18 июля сего года:

«Нельзя не сказать о том, что некоторые средства массовой информации стремятся выйти из-под партийного контроля, под прикрытием критики допущенных в прошлом ошибок занимаются компрометацией нашего общественно-политического строя, по существу, идет жестокая борьба за умы людей. Печать, телевидение используют всевозможные жанры, чтобы опорочить наши достижения, противопоставить народ партии. И в определенной степени им это удается» (первый секретарь ЦК Компартии Киргизии А. М. Масалиев).

Что за некоторые средства массовой информации? Какие факты свидетельствуют о том, что они стремятся выйти из-под партийного контроля? И о каком контроле идет речь? Может быть, о том, что выводит из-под критики местное руководство? А какую именно критику надо расценивать как компрометирующую наш общественно-политический строй и чем она отличается от той, которая его очищает, а значит, укрепляет? Чем именно печать, телевидение порочат наши достижения, противопоставляют народ партии?

Ответов в отчете о выступлении нет, как, видимо, не было их и в самом выступлении. Подбирай под эти политические указания ярлыки, более или менее подходящие факты — и дело сделано. Критик превратится в очернителя, борец за правду — в антипартийного деятеля. Удобно для расправы с неугодными. А что умы людей так не завоюешь, получается,— дело десятое.

Или другое выступление на том же совещании — первого секретаря Свердловского обкома КПСС Л. Ф. Бобыкина: «Главным средством идеологического воздействия на людей стали средства массовой информации. Но если и остались «закрытые зоны» для критики, то это сами средства массовой информации, их работники. Малейшее замечание, несогласие — и партийный комитет откровенно шельмуется. Реальная картина работы средств массовой информации ведет иногда не к консолидации, а к разобщению, извращает линию перестройки».

В каких именно случаях извращается линия перестройки и в чем это извращение состоит — неизвестно. А выводы самые широкоохватные. Подвести под такие выводы можно очень многое.

Неужели политическим деятелям, призванным быть лидерами, не ясно, что если они хотят защитить Коммунистическую партию и идеалы социализма, марксизм от несправедливых нападок, то угрозами, заклинаниями, неконкретными утверждениями этого не сделаешь, что нужно доказывать, убеждать, опровергать с фактами в руках. Время голых политических указаний, разносов и ярлыков прошло.

А. МИЛЬЧИН
Москва

■

В нашем городе широко дискутируется среди всего населения, в партийных организациях предприятий, на судах морского пароходства и рыбпрома проблема существования районов в городе. О необходимости существования райкомов и райисполкомов. Их три в городе с населением всего 186 тысяч человек (по переписи 1989 года). Подавляющее большинство высказывается за ликвидацию районирования в городе, за упразднение всех районных организаций: райкомов и райисполкомов со всеми их подразделениями, считая, что для нашего города вполне достаточно горкома и горисполкома.

К тому же на содержание райкомов и райисполкомов с их подразделениями затрачивается порядка двух миллионов рублей, поэтому ликвидация их принесла бы ощутимую экономию средств, которые крайне необходимы в бюджет горисполкома — на строительство жилья, оказание помощи пенсионерам и многодетным семьям, на постройку больниц и другие нужды города.

Почему же так упорно держится аппарат за существование райкомов и райисполкомов? Они являются тормозящим промежуточным звеном, тем более что не ими решается большинство тех или иных вопросов, вот и приходится людям обращаться в горком или горисполком.

Считаю, что должен наконец-то восторжествовать разум.

Р. ВОРОНИНА,
рабочая,
ветеран Великой
Отечественной войны
Новороссийск

■

Весной этого года было решено, что за работниками Госагропрома СССР и его организаций при переводе их на работу в предприятия в качестве руководителей и специалистов, а также при их самостоятельном трудоустройстве сохраняются их прежние должностные оклады и все получаемые надбавки с возмещением разницы из госбюджета.

С точки зрения социальной справедливости следует ли бюджету нести эти затраты, устанавливая дополнительные льготы работникам аппарата ведомства, допустившего дальнейшее ухудшение и без того находящегося в тяжелом положении сельского хозяйства, не оказавшего положительного влияния на улучшение организации транспортировки, хранения и переработки ее продуктов, торговли ими?

За период работы Агропрома его аппарат ничего не сделал, чтобы уменьшить 30-процентные потери в результате транспортировки и хранения. Качество переработки не улучшилось. Содержание нитратов в продуктах не на должном уровне. Заботы аппарата Агропрома были направлены не на снижение их содержания, а на увеличение допустимых норм содержания.

Как будут складываться отношения в коллективах, где специалист из аппарата Агропрома будет получать дополнительные льготы по сравнению со специалистом, работающим на этом предприятии не один год? Работники аппарата Агропрома должны получать зарплату по выполняемой работе, а не по должности, которую они занимали в аппарате Агропрома.

Э. ПИХОР
Сыктывкар

■

В Свердловске строится метро. Вероятно, это хорошо. Даже наверняка хорошо. Но местные власти в бочку меда добавили ложку дегтя: решениями горисполкома № 256 от 14.06.89 г. и Кировского райисполкома № 275 от 29.06.89 г. предприятия и организации обязываются направить на строительство специалистов. Это еще куда ни шло, просто отрыжка административно-командной системы. Но вот 20.07.89 г. в дополнение к прежним появляется новое решение райисполкома за № 308, постановляющая часть которого гласит: «Отделам исполкома: коммунального хозяйства, общему, организационному, внутренних дел, народного образования, здравоохранения, административной комиссии подготовить материалы на руководителей предприятий и организаций района по фактам систематического невыполнения решений и указаний горрайисполкома на предмет выражения недоверия и несоответствия занимаемой должности».

В преддверии выборов местных органов Советской власти по поводу этого постановления закономерен вопрос: а нужна ли нам такая власть? И советская ли она?

Е. СИМОНОВ
Свердловск

■

Ни для кого не секрет, что снабжение мясопродуктами у нас в стране крайне недостаточно и введение талонов в городе Перми на продажу колбасных изделий — мера вынужденная. Но если до введения талонов я могла, съездив в Пермь и выстояв огромную очередь, купить колбасы, то теперь и такой возможности лишена. Спрашивается: почему я, отработав всю жизнь в селе, не имею возможности купить хотя бы минимум той самой колбасы, о ка-

честве которой и говорить не хочется?

Пенсия — чуть больше шестидесяти рублей, в город ездить далеко, не всегда есть силы. Почему сейчас мы, жители деревни, фактически приравнены к людям второго сорта? Где социальная справедливость?

Именно такой вопрос я и ставила, обращаясь в нашу областную газету «Звезда». В ответе, подписанном заместителем председателя райисполкома, отмечается, что «нет фондов», и любезно «дополнительно сообщено», что можно и кооперативную колбасу покупать. Как просто, как здорово: я о социальной справедливости, а мне о фондах. Ведь и так понятно, что нет продуктов, так как нет фондов. Вопрос в другом: почему эти фонды не выделены? Хотя бы минимальные. Кроме того, пенсия, точнее, размер ее — государственный, а не кооперативный, так что кооперативная колбаса мне не по карману. А есть хочется не только картофель... Так как же с социальной справедливостью?..

В. МИХЕЕВА,
пенсионерка
ст. Мулянка Пермской обл.

■

В вашем журнале периодически освещаются вопросы, связанные с нашими Вооруженными Силами, с раскрытием причин, породивших застойные явления в Советской Армии. Хотелось бы и мне высказать несколько соображений по этому поводу.

Наличие партийно-политического аппарата тормозит развитие Вооруженных Сил, ставит их вне контроля со стороны общества. Армия должна подчиняться лишь Верховному Совету СССР. Положительным фактом явилось то, что министр обороны был утвержден после подробной дискуссии на сессии Верховного Совета СССР. Но это лишь начало перемен, хочется верить.

Устарела сама организационная структура Вооруженных Сил СССР. Структура сухопутных войск остается фактически без изменений с 1918 года. Она была еще приемлема в 40-х годах, но с появлением ядерного оружия, оружия массового поражения, структура Вооруженных Сил становится негибкой, неспособной даже в региональных конфликтах действовать эффективно. Настала пора перейти с изучения опыта первой и второй мировых войн на разработку и внедрение в войсках современных достижений научно-технического прогресса, при безусловном сокращении высвобождающихся при этом военнослужащих.

Не менее важным считаю предоставление права командирам частей самим производить отбор кадров в военных училищах и учебных подразделениях. Это заставит профессорско-преподавательский состав лучше готовить специалистов. Престиж военного вуза должен основополагаться не на том, кто учился или кто посещал его из великих вождей и полководцев, а на количестве отобранных специалистов-выпускников.

В. КОВАЛЕНКО,
член КПСС, ст. лейтенант
МВО

■

Сейчас, когда идет обсуждение нового закона о пенсиях, многие склоняются к упразднению персональных пенсий. Что-де в период так называемого застоя вообще не за что было таковые назначать. Но ведь человек не волен выбирать себе эпоху, а живет и трудится в то время, которое выпало на его долю. И в период застоя были люди, которые в меру своих сил активно противостояли всем негативным явлениям и боролись с ними. Так что же, их тоже всех обвинять в развале экономики? Я лично отношу себя к этим людям. У меня не было другой задачи и цели, как поддерживать у людей веру в Советскую власть. Я не крала, не брала взяток, не использовала в личных интересах служебное положение, ни разу никому не отказала в приеме в любое время. Я старалась жить по чести и по совести. Так с детства приучила нас мама — простая крестьянка-труженица, одна воспитавшая нас, шестерых детей. А каков результат? Три инфаркта — и в 40 лет я нетрудоспособный инвалид II группы. Может ли быть печальнее итог?

Ну так вот, государство назначило мне персональную пенсию — 120 рублей. Спасибо! Я получаю 3 килограмма мяса в месяц по государственной цене, шестая часть пенсии уходит на лекарства. Ну а оставшуюся часть пенсии при нынешних-то ценах приходится расходовать ой как бережно и экономно, чтобы и более-менее прилично одеться, и свести концы с концами. И это при некоторых скидках мне, как персональному пенсионеру, в противном случае я должна просто влачить жалкое существование. За что?

Считаю, что уравниловка будет социально несправедлива. Разве одинаков груз ответственности того же председателя райисполкома и токаря, например? А зарплата еще неизвестно у кого больше. Поэтому персональные пенсии надо оставить как знак признания заслуг человека перед обществом, но назначать их не только членам КПСС и не за 30-летний стаж в партии (я против этого), а за долголетний, добросовестный труд в любой сфере деятельности, пусть это будет беспартийная колхозница, директор детского дома, токарь, председатель райисполкома и т. д. Судить же о том, что наличие общего трудового стажа и есть то право, которое определяет социальную справедливость при распределении благ общества, неправильно. Многие всю свою жизнь проработали ни шатко ни валко, никуда не лезли, предпочитая быть маленькими людьми, не спорили, не высовывались, и поручить им ничего нельзя, все равно не сделают, и опереться на них нельзя. Вот они-то, по моему глубокому убеждению, и ратуют за уравниловку.

В связи с этим о закрытии спецбольниц, спецмагазинов и прочих спец. Я за то, чтобы все это закрыть... для здравствующей руководящей публики, их чад и домочадцев. Но для ветеранов труда, других заслуженных людей спецбольницы надо оставить. Нельзя допустить, чтобы в одной палате оказались вечная труженица — многодетная мать и нигде не работающая проститутка, потерявший здоровье на работе человек и рэкетир или алкоголик, с которых и высчитать в пользу общества было не с чего, они ничего не отдавали, а только брали, брали, брали. Поэтому тот, кто обществу отдает, и должен пользоваться его благами и особыми привилегиями. Уравниловка здесь не будет социально справедлива.

К. ЯКУТОВА
Пермь

■

Мы благодарны вам за публикацию списка литприложений к «Огоньку» на 1990 год («Огонек» № 23, 1989 г.). После вашего напоминания, что всеми вопросами подписки занимается «Союзпечать», мы решили выяснить, какое же количество литприложений достанется нашему поселку Научный. В отделении «Союзпечати» г. Бахчисарая нам сообщили, что сначала обком, а затем райком обеспечат себя и лишь потом остальное поступит секретарям парторганизаций на предприятия в соответствии с тем реестром, который им назначит вышестоящая парторганизация.

Так что ошибся «Огонек»... Не «Союзпечать» ведает вопросами распределения подписки на литприложения, а все те же обкомы, райкомы и другие партийные организации. А беспартийные, неработающие подписчики «Огонька» или работающие в малочисленных организациях, прочие группы населения лишены такой возможности. Естественно, возникает вопрос: почему? Если и раньше такой дележ дефицита вызывал недоумение, то еще более непонятно, как это возможно теперь. Стремление партаппарата «урвать» себе лучший кусок от дефицита не способствует укреплению авторитета партии.

Считаем, что правом подписки на литприложение к «Огоньку» должны пользоваться только подписчики «Огонька». Чтобы покончить с описанными выше явлениями, порожденными дефицитом, стоило бы через отделения «Союзпечати» собрать заявки с указанием приоритета, а издательству «Правда», исходя из собранных заявок, выпустить такой тираж, который обеспечил бы каждого желающего подписаться хотя бы на одного автора из шести указанных.

В. ДОРОШЕНКО,
Б. ВЛАДИМИРСКИЙ
и другие сотрудники Крымской астрофизической лаборатории

ОТ РЕДАКЦИИ.
Мы уже ставили вопрос о том, чтобы подписчики «Огонька» обладали преимуществом при подписке на приложения. Добиться положительного ответа оказалось так же трудно, как и содействия в переходе журнала на хозрасчет, когда мы сами могли бы решать многие вопросы, связанные с распространением журнала и приложения к нему. Просим, предлагаем, но увы... Очень обидно.

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

К ЧИТАТЕЛЯМ

В эти дни журнальная почта принесла сотни писем от людей, удивленных, даже обиженных нашим неучастием в перебранках, навязываемых обществу шумным, но довольно узким кругом изданий и лиц, к собственной панике ощутимо утрачивающих влияние и безнаказанность. Не раз уличенные в клевете и доносительстве в прежние времена, некоторые деятели и издания стремятся скрыть содеянное в целых морях новой грязи. Не знают удержу с перепугу...

Это даже интересно, до чего стали немилосердны недавние страдальцы и вздыхатели о народной кручине, требующие исключительно санкций и экзекуций. Поворотясь к начальственным кабинетам, они уже не спорят, а требуют: закрыть, изъять, наказать, вывести на чистую воду.

Пришло письмо от моих избирателей, подающих в суд на журнал «Наш современник», оскорбивший их, оклеветавший только что прошедшие выборы. У меня спрашивают, почему я не подал в суд на журналы «Москва» и «Молодая гвардия», оскорбляющие грязно и лживо, бездоказательно многих людей, в том числе и меня. И вправду — может быть, пришло время преодолеть естественную брезгливость?

Только ведь с начала этого года мы обдуманно прекратили полемику, особенно с теми, кто, оскорбляя, и не собирался спорить. Продолжаем стоять на этой позиции, видя в ней социальную необходимость, понимая, сколь опасна вся эта сумгаитщина. Мы принципиально ни разу не обращались за содействием и защитой ни в директивные органы, ни в суд, ни разу не потребовали «запретить, пресечь, указать, повлиять». В отличие от некоторых патетических литераторов мы не писали директивных эпистол в «Правду» с требованием запретить нелюбимую музыку или нелюбимый журнал. Продолжаем считать, что сочинение политических доносов даже из патриотических соображений непристойно, а разжигание шовинистических страстей в нынешнем Советском Союзе выглядит по меньшей мере как обдуманная провокация. Недавно вышли седьмые номера журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник», целиком вызывающе-поджигательские. Почему? Только ли безответственность?

Страсти разгораются. Я убежден, что этот бум столь широко не развернулся бы, если бы не было в стране тех, кому все это выгодно, кто стремится спровоцировать беспорядки, призвать силы, враждебные перестройке и демократии. Тем не менее еще раз подчеркну, что наше неприятие навязываемых перебранок вызвано не слабостью, а сознательным нежеланием поддаваться на провокации. Спасибо вам, дорогие читатели, за письма, поддерживающие эту позицию.

Думаю, лучшим ответом всем, кому мы с вами не по душе, будет наше с вами единство, укрепляющееся в процессе подписки. Поглядите, как выглядит сегодня соотношение количества подписчиков с прошлогодним у «Огонька» и других изданий:

На 1 августа (в процентах к 1989 г.)

«Огонек»	37,9	«Партийная жизнь»	22,7
«Известия ЦК КПСС»	35,4	«Литературная газета»	21,7
«Знамя»	30,6	«Известия»	21,4
«Работница»	28,1	«Коммунист»	20,6
«Комсомольская правда»	26,8	«Правда»	19,5
«Труд»	24,4	«Учительская газета»	17,2
«Крестьянка»	23,6	«Красная звезда»	16,4
«Советская культура»	23,0	«Сельская жизнь»	16,2
		«Советская Россия»	15,3

Стоимость годовой подписки на наш еженедельник, да еще при нынешней инфляции, не так уж велика: 20 руб. 76 коп. Поверьте, мы сделаем все, чтобы вы не пожалели об этом расходе. Стоимость 52 номеров нашего журнала такова же, как (стыдно сравнивать) двух поллитровок водки. Хочется верить, что нынешний «Огонек» неплохо противостоит одурманиванию разного рода, в том числе ненавистью, алкоголем, шовинизмом — всем, что мы одолеваем сегодня. Выбор сделан.

Виталий КОРОТИЧ

ПОЛУРАСПАД

Анатолий ГОЛОВКОВ

Чернобыль не имеет предела. Трудно было бы придумать более выразительный и жестокий памятник «развитому социализму». Пройдет и сто, и двести лет, а сюда все будут возить на экскурсии потомков. И им, потомкам нашим, хотелось бы надеяться, не будет нужды объяснять, что за беспечность, за гордыню и самоуспокоенность, за навязанные догмы взамен профессионализма, за тропу над пропастью, по которой наше поколение вместо «светлых далей» пришло к атомному пожару, — за все надо платить.

ПРИГОВОР

Саркофаг смотрел на меня единственным глазом черной двери, а я на него. Машина, не пора ли нам пристальнее поглядеть друг на друга? Особенно здесь, на припятской земле, в Чернобыле, который становится «вечной темой», как любовь или смерть.

Техника не в состоянии «выздороветь», если она страдает недугом от рождения, на нее также не действуют идеологические установки. Агрегат безопасен лишь тогда, когда честны его создатели.

Три с лишним года назад мы еще не могли сказать об этом, а сегодня знаем достоверно после проведения многочисленных экспериментов, научно-исследовательских, опытных работ: реакторная установка была предрасположена к катастрофе. Суть аварии такова: 26 апреля 1986 года режим работы энергоблока в стадии выхода его в ремонт и проведение испытаний роковым образом совпали. Это наложилось на недостатки в конструкции реактора, что и привело к взрыву. Будь реактор надежнее, ошибки персонала могли бы повлечь за собой лишь аварийный останов блока без катастрофических последствий.

Вот куда ведут следы чернобыльского преступления — авторы реактора отлично знали, что их детище не отвечало требованиям безопасности, персонал станции — нет. Они-то считали, что аппарат надежен, как скала. «Альтернативная» логика привела бы нас с вами к следующему: на Чернобыльской АЭС работали самоубийцы, злодеи, «враги народа», которые еще в начале семидесятых годов решили воплотить в жизнь безумный замысел — невероятными усилиями построить атомную станцию и город, чтобы затем погубить все своими собственными руками...

Нет! На ЧАЭС не было безумцев! По отзывам многих людей, с которыми мне довелось разговаривать, это был прекрасный коллектив с опытными специалистами. Во главе с умным, хорошим организатором, преданным своему делу, не умевшим ставить ничего выше этого дела, но человеком, который не всякий раз был в состоянии противостоять «высшим указаниям».

Валентина Михайловна Брюханова, жена бывшего директора ЧАЭС, живет в Киеве, в скромной квартирке — никакого намека на роскошь. В серванте — фотография из недалеких и уже таких далеких времен: Брюхановы с сыном Олегом в лесу, неподалеку от Припяти, в руках большие белые грибы... Когда это было? В семьдесят пятом? В восьмидесятом? Пуст город Припять, красавец город, в который директор вложил душу, отравлены леса, никто не собирает грибы... Виктор Петрович отбывает срок в колонии, в Ворошиловградской области, превозмогая душевную боль. Пишет письма, просит присылать книги на английском, наставляет уму-разуму сына.

Валентина Михайловна эти письма перечитывать не может, дрожат пальцы, слезы сами накатываются на глаза. Не жизнь — мука смертная, сотканная из ожидания. И из надежды: вдруг дело пересмотрят, скостят срок? Все-таки десять лет! Валентина Ми-

Фото Е. ЛУКАЦКОГО

хайловна этого сердцем понять не может: Брюханов — и в тюрьме... Сколько лет прожили вместе, с колышка начинали атомную, одновременно город энергетиков... Вспоминает, как после суда в западных газетах замелькали заголовки типа «Чернобыльские козлы отпущения» — это о Брюханове, Дятлове, Фомине... Один английский журналист так резюмировал приговор по делу об аварии: «У вас, русских, слишком короткая скамья подсудимых!»

Отбывают срок не изобретатели реактора РБМК-1000, не авторы проекта ЧАЭС, не те, кто должен был принять решение об эвакуации населения. В заключении Фомин, Дятлов, который облучился так, что только воля помогает ему выжить. И Брюханов, который пишет жене: «Знаешь, я готов сейчас хоть сторожем работать на станции...»

Многие очевидцы расценивают суд над «чернобыльской шестеркой» как удивительный. Самих обвиняемых и свидетелей как бы не слушали. Бывший начальник второго реакторного цеха Александр Петрович Коваленко встал и выразил недоумение: «Как можно судить людей за нарушение правил безопасности на «особо взрывоопасных предприятиях», к коим атомные станции в ту пору не относились?» В ответ молчание.

— Лично я,— сказал, например, бывший начальник отдела информации и международных связей на ЧАЭС Александр Павлович Коваленко,— считаю, что Брюханова в полной мере виновным признавать было нельзя.— Он, видимо, знал, что говорил, поскольку присутствовал на всех судебных заседаниях.— Экспертная комиссия подталкивала судебное расследование в выгодное кому-то русло — русло безусловной вины...

— Складывалось впечатление, что суд шел торопливо, многое в ту пору так и не прояснилось,— вспоминает другой очевидец, ветеран ЧАЭС, заместитель председателя Госкомитета СССР по надзору за безопасным ведением работ в промышленности и атомной энергетике Н. А. Штейнберг.— Мне и сегодня непонятно, для чего я был вызван свидетелем... Опрос продолжался не больше 10—15 минут. Подробно ответить на вопросы да и задать их подсудимым, членам экспертной комиссии не удалось... Теперь, когда появились результаты научных исследований, наших и зарубежных, совершенно ясно, что не ошибки персонала сами по себе привели к катастрофическим последствиям. Думаю, что правильнее всего вернуть дело на доследование. Истина и справедливость должны быть восстановлены. И чем раньше это будет сделано, тем лучше для нас всех, тем больше гарантий, что такие трагедии не произойдут. Кстати, не только в атомной энергетике...

Мои собеседники опровергали слухи. Например, о том, что Брюханов сбежал с ЧАЭС после аварии. Нет, говорили мне, это не так, Виктор Петрович честно нес свой крест, настаивал на эвакуации населения еще утром 26 апреля. Полностью выкладывался после взрыва реактора и Дятлов. На них и других сотрудниках станции просто отыгрались, как на «стрелочниках», чтобы не пострадали те, кто навязывал им стратегию и тактику начиная с первого дня строительства. Кто осуществлял «партийное руководство», взлелеянное Брежневым, ни бельмеса не соображая в атомной энергетике. Кто в конечном счете ушел от ответственности, способствуя тому, чтобы руководителей Чернобыльской АЭС судили не по статье за халатность, которая предусматривает меньшие сроки наказания, а именно за нарушение правил безопасности, чтоб на полную катушку!.. И кто, как ни странно, еще умудрился получить награды за ликвидацию!

ДИАГНОЗ — ДИСКРИМИНАЦИЯ

Некоторые специалисты по ядерным авариям считают, что проблема отношения к людям, которые так или иначе были связаны с переоблучением, не является исключительной прерогативой для СССР. Мол, во всех странах, когда случается нечто, напоминающее Чернобыль, правительства ведут себя примерно одинаково. Вспоминают Америку, Англию, ФРГ... Возможно, все это и правильно, но почему-то слабо утешают доводы. Умом понимаю — сердцем нет. Да, конечно, когда происходит радиоактивный выброс, след его порой распространяется далеко. Чернобыль «наследил» не только в Польше, ГДР, Болгарии, Финляндии... Есть широко известные и многократно описанные на Западе итальянское, бразильское пятна, следы радионуклидов в префектуре Тояма, Япония.

Все так. И все же за Отечество свое больнее, за припятских переселенцев, за Брянщину, за ни в чем не виноватые белорусские деревушки... Я, безусловно, сочувствую финнам, бразильским фермерам, итальянским крестьянам. Но перед глазами — лица старушек, живущих кое-как, на мизерные пенсии плюс дарованная властями «атомная тридцатка». Их просто оболгали, им наплевали в душу! «30 руб.» тут ни при чем — вера, вера в то, что государство в состоянии обеспечить им безопасную жизнь, позаботиться о здоровье, гаснет! Им, кроме Бога, ждать помощи неоткуда, но Господь не управляет цепными ядерными реакциями!..

Я не о Тримайл-Айленде, не о Неваде сегодня думаю, пусть тысячу раз ошибочен ход моих мыслей,— думаю о трагических последствиях атомных испытаний на Новой Земле, о Кыштыме, о бесчисленных «химкомбинатах» Министерства среднего машиностроения, где самому пришлось служить.

В пустынной Припяти, где 27 апреля машины коммунхоза поливали улицы дезактивационной жидкостью, а полураздетые малыши пускали в этих пенящихся лужах бумажные кораблики; в Припяти, которая открылась мне в своей обморочной пустоте три года спустя, и со всех сторон с укором глядели пустые глазницы окон,— там, в Припяти, долго и неотвязно ныло сердце... Эвакуация разнесла припятчан по всей стране. Где их теперь искать, как обследовать? Ведь, даже по скромным подсчетам Академии медицинских наук, они получили достаточные дозы за двое суток преступного промедления. С первых дней чернобыльской катастрофы, наслышанные про Шестую московскую больницу, они еще приходили туда с детьми. Дети напитались радиоактивным йодом, их щитовидные железы «звенели» при первом прикосновении датчика. Те, кто осел в Москве, встали на учет. А остальные?

У Любы Акимовой, вдовы атомного оператора, начальника смены четвертого блока, дежурившего в ночь аварии, два сына. Младшему семь лет, очень больной, поражены желудок и кишечник. За ними нужен особый уход, диетическое питание. Не лучше ситуация в семьях Кургуза, Кудрявцева, Дегтяренко... Отношение государства к семьям погибших, а также к жителям 30-километровой зоны отселения иначе как бесчеловечным не назовешь. Эхо чернобыльского взрыва до сих пор настигает людей, множит список жертв, морально ранит...

Особая категория людей, которые имеют непосредственное отношение к чернобыльской катастрофе,— ликвидаторы.

Тут нам с вами, читатель, предстоит вспомнить о термине «ЛПА» — ликвидация последствий аварии. ЛПА не просто аббревиатура, это судьба. «Советстный деготь труда», страх и пот, лакмус на способности и возможности людей, собранных весной восемьдесят шестого у разрушенного энергоблока, как у Вавилонской башни. ЛПА — это катехизис совести, ситуация, при которой, как в подводной лодке, терпящей бедствие, в одном перекрытом отсеке оказались министр и рабочий, академик и аспирант, генерал и солдат. ЛПА соединила несоединимых людей, примирила непримиримые характеры, заставила вспомнить, что все мы живем не только в своей стране — в дороге, в мире, на Земле, во Вселенной. Это время взаимоотношений нового типа, когда все пустое, не имеющее прямого отношения к делу, упразднялось, считалось суетным, ненужным. ЛПА — это бремя памяти.

Роберт Семенович Тиллес до чернобыльской аварии работал начальником отдела скоростных методов строительства гидроэлектростанций ВНИИ «Оргэнергострой». Редкий специалист по бетону, он сбежал из больницы, когда узнал, что его товарищи едут в Чернобыль. Во время ЛПА Тиллесу поручили возглавить группу для возведения бетонной стенки биологической защиты с северной стороны четвертого энергоблока. Радиация там была очень высокой. И они смонтировали уникальную установку для укладки бетона, подтащили ее к разрушенному зданию.

Тиллес говорит про себя: «Я счастливый человек. Получил дозу именно тогда, когда пошел бетон. И остальные схлопотали всего лишь аварийные 28 рентген». Всего лишь!

Самое скверное началось в Москве, когда группа Тиллеса почувствовала себя плохо. С помощью жены Роберта Семеновича, так сказать, на личных связях, их согласились осмотреть в Институте радиологии. «У вас всех,— констатировали врачи,— обычный синдром лучевого похмелья». «Похмелье» — это страшные головные боли, как при мигрени, бессонница, апатия, тошнота...

В 1987 году ликвидаторы вернулись в Зону: требовалось дезактивировать и вывезти дорогостоящее импортное оборудование. Там они, конечно, добавили себе бэр. После этого занемог Б. Е. Полдомасов, который с тех пор непрерывно болеет. Медики упорно отрицают связь с переоблучением. Когда в амбулаторной карте Бориса Евгеньевича появилась запись про Чернобыль, лечащий врач без обиняков ему сказал: «Вам бы лучше никому не говорить, что участвовали в ликвидации, иначе лечить не будут...»

Владимир Новик из «Югэнергомонтажа», работавший с Тиллесом, до Чернобыля выглядел цветущим парнем. Но с 1987 года впал в тяжелую депрессию. «Придет домой,— рассказывала Тиллесу жена Новика,— ложится и смотрит в одну точку на потолке. И все молчит, молчит...»

А Роберту Семеновичу навязчиво снится май восемьдесят шестого. Будто он снова собирает группу, и его люди стоят вокруг в защитных костюмах, в респираторах, и блок еще без «Укрытия», и завалы не убраны с проклятой северной стороны, и танкисты снова заводят моторы, готовясь к выходу в особую зону, и генерал-лейтенант Королев из бункера на АБК-1 запрашивает их по радио... А он, Тиллес, все ощупывает, лихорадочно ощупывает своих ребят: «Как хорошо, все живы, живы!..»

В институте их чествовали, жали руки, вручали почетные грамоты, а Тиллесу — орден «Знак Почета». Но в конце прошлого года Тиллеса вынудили уйти из «Оргэнергостроя» «по собственному желанию». Это произошло при следующих обстоятельствах.

Роберт Семенович собрался поехать по частному приглашению в США, на фирму, с которой много лет сотрудничает институт, потому что у него ничего не вышло с командировкой. Как только он подал заявление, его вызвал директор А. А. Кошкин и в присутствии секретаря парткома предложил написать другое заявление — об увольнении. Так известный ликвидатор, инженер высочайшей квалификации, без которого в Чернобыле не могли обойтись министры и генералы, стал председателем кооператива.

Серьезно рассуждать о социальной, правовой защищенности людей, которые участвовали в ликвидации ядерных аварий или пострадали от них, сравнивать наши возможности с теми, что существуют в развитых капиталистических странах, с их экономическим потенциалом,— не смешно ли? Наш профессионал атомщик не без оснований боится «вылететь из обоймы», потому что если вылетит — куда ему подаваться? На Зеленый Мыс портянки считать, как говорят чернобыльские ликвидаторы? Ни на одной АЭС в стране он уже не устроится, получив критическую дозу, «утвержденную Минздравом». Атомный оператор в США или Великобритании уже через 5—6 лет работы на АЭС имеет кругленькую сумму на банковском счету. Плюс пенсия. Наши же специалисты получают чуть выше среднего оклада по Союзу. Пока работают. Льготами обладают лишь те, кому потом врачи установили диагноз лучевой болезни. Парадоксально — но «престижной» болезни вроде туберкулеза.

С диагнозом не спешат, даже когда разрушенное здоровье уже налицо. То есть, простите,— на лице. Опыт же показывает, что реальные последствия облучения наступают не сразу, через пять — семь лет. Вот сколько надо ждать ликвидаторам, а также брянским, украинским, белорусским жителям, живущим при радиационном фоне, в 300—400 раз превышающем дочернобыльский! Однако выясняется и другое: потеря зрения, растущее число онкологических заболеваний, травмированная психика, другие «сочетанные эффекты» — это еще не все. Страшны и моральные потери.

Радиофобия, эта болезнь XX столетия, когда люди начинают чувствовать себя хуже только из-за страха перед облучением, в высокой степени усугубляет их положение. Верю, знаю, что украинцы, белорусы, жители русской Брянщины легко меня поймут. Но тем счастливцам, в чью жизнь напрямую не вломились Кыштым, Новая Земля, Семипалатинск, Чернобыль, кто видел дымящийся реактор, людей в респираторах и эвакуацию лишь по телевизору, хочется предложить: представьте, что вы живете в глухой деревне, зная, что радиационный фон на некоторых полях превышает все допустимые нормы. А у вас растут дети... Вы — механизатор, которому приходится пахать поле, до небес поднимая радионуклидную пыль. Или косить заведомо «грязную» траву. Заготавливать «светящийся» силос. Все это поедают безразличные к радиации коровы, которых доит ваша жена. Молоко, разумеется, содержит радионуклиды, поэтому его отказываются принимать молокозаводы. Словом, не просто жизнь, постоянно сопряженная с риском, а еще и сознание того, что твоя работа никому не нужна... Как вы себя почувствуете в данной ситуации, читатель?

Григорий Тихонович Воробьев, директор брянского проектно-изыскательского центра «Агрохимрадиология», возразил: труд отнюдь не напрасный. На Брянщине есть чистые районы, откуда сельхозпродукция исправно поступает в общесоюзный фонд. А земля шести районов — «грязная». Зоотехники по совместительству еще и радиологи, и дозиметристы: они обязаны знать уровень загрязнения радионуклидами каждого квадратного метра поля, чтобы учитывать эти данные при составлении рациона кормов. Так вот, убеждал меня Г. Т. Воробьев, молоко-то получается все равно «грязное», но зато сливочное масло и сыр — чистые. Правда, при этом Григорий Тихонович как бы вскользь заметил, что маслице и сыр на всякий случай оставляют для своих, брянских магазинов, в Москву и Ленинград не посылают.

Что ж, еще один Чернобыль — и мы с вами сполна решим продовольственную проблему?

«РУКОВОДЯЩАЯ РОЛЬ» И ЕЕ ДЕТИ

Неизбывная страстишка к показухе, приукрашиванию, пусть даже радиоактивной, действительности,

желание относиться к людям, как к памятникам, а к памятникам, даже загрязненным радионуклидами, как к живым людям,— все это нынче изживается трудно. В Кремле — парламентские слушания, а за его стенами во многом все продолжается по-прежнему, и партийную власть то тут, то там норовят использовать как дубину против строптивых. Разумеется, когда приходит большая беда, «дубину» приходится отложить на неопределенный срок: заклинания не действуют, требуется профессионализм!

Евгений Андреевич Бородавко, бывший начальник цеха тепловой автоматики и измерений Чернобыльской АЭС, с первых часов находился на ликвидации последствий аварии. Он работал на ЧАЭС с 1974 года. В июне восемьдесят шестого Евгений Андреевич имел неосторожность согласиться на должность парторга ЦК КПСС. Не берусь судить, какой парторг получился из специалиста-атомщика, но в его дальнейшей судьбе как в капле воды отразился подход к человеку нашего общества, как к винтику, функциональной единице, бездумной, бездушной марионетке, которую в любой момент можно дернуть за ниточки. Конфликт Бородавко с администрацией заключался лишь в том, что он и его семья отказались переезжать из Киева в Славутич. В центральной газете появилась гневная статья в духе тридцать седьмого года. Евгения Андреевича настигла «карающая десница» — его исключили из партии, сняли с должности, и он стал работать рабочим на одной из тепловых электростанций столицы Украины.

Не слишком повезло и тем, кого в первые дни чернобыльской беды пригласили с других атомных станций. Не столько по своей воле, сколько по указанию начальства приехали они на ЧАЭС, стали ликвидаторами. Тогда они были позарез нужны. Теперь — забыты. Считается, что они получили квартиры в Киеве. Но при нашем паспортном режиме они являются для Киева персонами нон грата: постоянной прописки нет, жене на работу не устроиться, медсанчасть не обслуживает, мыкают горе семьи. А киевские власти даже предпринимают попытки для выселения.

В свое время объект «Укрытие», или, как его прозвали журналисты, «Саркофаг», в Чернобыле шутливо называли «Рейхматорий». По имени начальника четвертого реакторного цеха, по сути, директора саркофага, Георгия Исаевича Рейхмана. Военный морской офицер, Георгий был удален из атомного подводного флота за какие-то политические анекдоты про Брежнева и компанию. Рейхман попал в Чернобыль до аварии, работал в рядовой должности. Слыл «диссидентом», критикующим начальство. Однако, когда стряслась беда, его непримиримость пригодилась, Рейхмана выдвинули. Он проявил чудеса мужества во время ЛПА. Но труднее всего для него оказалось восстановиться в КПСС...

Или Иван Маркович Куцык... Он появился в Чернобыле в самый драматический момент, когда перед Правительственной комиссией встал вопрос: где взять людей? Их не хватало даже для дежурных смен. И тут появился Иван Маркович, тоже из «неудобных». Служил он раньше в милиции, но выказывал крайнюю неуживчивость, добивался правды, его выгнали со службы и из партии. С его появлением в разгар ЛПА подогнали пароходы к Зеленому Мысу, поселили там людей, а потом началось строительство жилья для вахтовиков форсированными темпами. Проблема была решена. Еще в феврале 1987 года Куцык не поднимал вопроса о восстановлении в партии, не до того было. Но почему до сих пор его, отвечающего за весь транспорт Зоны, предпочитают держать в тени?..

Проблема «детей и пасынков» вырастает до общесоюзных масштабов, когда размышляешь о природе наших неудач. На первой сессии Верховного Совета СССР, за которой все мы затаив дыхание следили по телевизору, читали в газетах, была предпринята, может быть, первая после 1924 года попытка формирования Совета Министров страны с учетом мнения парламента. И, как известно, утверждение кабинета Н. И. Рыжкова прошло не так гладко, как поначалу представлялось. Это, по моему личному мнению, было не совсем полноценное утверждение, особенно когда сценарий начинал давать сбои. Все тут было — и удивленно вскинутые брови, и путаница с голосованием, и настойчивые напоминания о том, что «это не выборы», и нежданно-негаданно объявляемые перерывы в самый разгар дебатов. Но результат ошеломляет и обнадеживает: члены парламента во многих случаях сумели настоять на своем, и кое-кто из министров остался без портфеля. Но все это было «сверху», часто в присутствии М. С. Горбачева, перед включенными телекамерами, на виду у всего честного народа. А если опуститься сверху вниз, в какой-нибудь маленький российский райцентр?

Вот утверждают директора не атомной станции — какого-нибудь маленького заводика. Заводик так себе, производит обыкновенные гвозди. Первый секретарь райкома партии — человек в районе новый, сменивший предшественника, который добил хозяйство до ручки; новый, но уже обломанный, уже сумевший понять, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, хорошо усвоивший гарантии своего положения — ведь остальные кадры в районе остались на прежнем месте.

Рассматривают три кандидатуры: 1) великолепного специалиста гвоздильного дела; 2) партийного работника; 3) бывшего директора меховой фабрики, которого «советует трудоустроить» областное начальство. Казалось бы, что тут выбирать? Если действительно нужны хорошие гвозди, логично остановиться на «Великолепном Специалисте». Но есть закавыка: во-первых, он не коренной, мягко выражаясь, национальности, во-вторых, разведен... Директор меховой фабрики тоже отпадает — не то время, обвинят в местничестве. Кто же остается? Конечно, партийный работник, окончивший филфак, с идеальной анкетой: «нет», «не был», «не привлекался»; крепкий, розовощекий, хороший семьянин, ни в чем не сомневающийся, не позволяющий себе лишний раз пререкаться с руководством. Результат? Область, страна получают гвозди, которые невозможно загнать даже в липовую доску!

Это, конечно, гипербола, карикатура, над которой, однако, стоит поразмыслить. Ведь по такому принципу, несмотря на широко распространенные выборы, продолжают зачастую подбирать руководящие кадры на все уровнях по всей стране (в Закавказье и Средней Азии во многих случаях большую роль играет степень родства). По-прежнему боязнь упустить влияние в той или иной сфере, где это «влияние» не помогает, а только тормозит дело, вынуждает многие партийные комитеты держать под преувеличенным контролем кадровую политику, относиться к ней как к возможности добиться ситуации, где «все схвачено».

Меньше всего мне хотелось, чтобы обвинили в «огульном охаивании всех партийных аппаратчиков». Среди них немало толковых людей, и напрасное дело сегодня искать первого секретаря райкома — дурака. Но присмотримся внимательнее — сколько тут загубленных судеб! Скольких прекрасных инженеров, подающих надежды молодых ученых, врачей, технологов на самом подъеме, в самом начале научной карьеры выдернуто из одной жизни и переброшено в другую, где главное не дело, а слово, не новое изобретение, открытие, а бесконечные справки и записки! И атомная энергетика здесь не исключение. Одним из последствий такой политики стал Чернобыль, и почему бы не случиться другому Чернобылю (тьфу, тьфу через левое плечо!), если даже американцами подсчитано, что и без нашей кадровой политики, нередко отдающей гнилостным духом сталинщины, при числе ядерных энергоблоков более 500, через каждые четыре с половиной года должна происходить авария?!

Бывает, смешно читать газеты, в которых бывшая, а то и действующая номенклатура откровенничает по поводу «упорядочения функций КПСС», номенклатура, для которой «руководящая роль» остается пугалом, спасительной соломинкой в океане перестройки, залогом благополучия и неприкосновенности. Ибо воинствующая, изо всех сил защищающая себя серость ни на что более не способна, как из страха потерять кресло сметать с лица земли научно-производственные кооперативы (в которых, к счастью, пока не смотрят на анкеты!), шельмовать только-только вздохнувших руководителей арендных предприятий — словом, всех тех, кто стал или может стать впоследствии грозным конкурентом.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Одним из крестных отцов атомной энергетики в СССР был не кто иной, как незабвенный Лаврентий Павлович Берия. Каюсь, еще два года назад сам писал о нем, как о «мусаватистском шпионе», невесть откуда десантированном в нашу прекрасную действительность, похотливом злодее, оборотне и прочая.

Это лишь неполная и также весьма выгодная некоторым историкам послесталинского периода правда о Берии. Главное в другом: Лаврентий Павлович, конечно же, плоть от плоти, кровь от крови функционер, бывший человеком незаурядного ума, хитрости и железной воли, на котором, может быть, наиболее уродливым образом спроецировались и затем развились до абсурда все те черты аппаратного держимордства, которые были присущи многим другим членам сталинского Политбюро.

Так вот, именно Берия курировал работы Курчатовской группы по созданию атомной бомбы. Он же в полуголодной, разрушенной, обескровленной войною стране сгонял тысячи заключенных на возведение «соцгородов», что, впрочем, не мешало объявлять их «комсомольскими ударными стройками». Потом там разместились заводы по производству урана-235, плутония. Сколько полегло в «соцгородах» народу, мы, наверное, еще когда-нибудь узнаем и содрогнемся.

Да, именно от него, от Лаврентия Павловича, в атомной энергетике взяло начало «берианство», этакая казарменно-наркомвнудельческая наука родом еще с Соловков, Беломорканала, Дальстроя... Это от него мы получили в наследство солдафонско-секретные подходы ко всему тому, что бюрократам и по сей день невыгодно предавать огласке! Что ж нам с вами винить теперь тех высоких начальников, которым Политбюро поручило разбираться с аварией на Чернобыльской станции? Чего только со страху не понатворишь!

Уже 27 июня 1986 года, ровно через два месяца после взрыва атомного реактора, было дано распоряжение не разглашать сведения о подробностях аварии, результатах лечения людей, о степени радиоактивного поражения персонала, участвующего в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

Буквально до последнего времени оставалась закрытой информация об экологических последствиях аварии; о заболеваемости всеми формами лучевой болезни людей, подвергшихся воздействию радиации в период аварии и ЛПА; о величинах и составе смеси, выброшенной из реактора; о содержании искусственных радиоактивных веществ в окружающей среде, пищевых продуктах, превышающих предельно допустимые концентрации; о загрязнении радионуклидами Днепровского водного бассейна; о показателях, характеризующих новые генно-инженерные методы усиления репаративных возможностей клеток человека; о масштабах генетических поражений населения в результате радиационного загрязнения местности; о возможностях и результатах использования сорбционной детоксикации организма для модификации течения хронической лучевой болезни.

Уф! Хочется перевести дух... Выходит, все три года мы знали о последствиях аварии лишь то, что ничего о них не знали? Сердечное спасибо Минздраву! Спасибо лично вице-президенту АМН СССР Л. Ильину за то, что уберег нас, грешных, от истинного знания о великой чернобыльской беде; может быть, действительно медицинские и прочие начальники, любители секретности, по-своему истолковали Екклесиаста: «...во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь»! А мы, наивные, верили и продолжаем верить в любые слова, на нас, незадачливых, действуют авторитеты. Это то же наше общенациональное горюшко: нас все послеоктябрьские десятилетия приучали, что от правительства нельзя ничего требовать, оно, правительство, и так делает все, что может, для нашего же блага, мы, дескать, имеем право только просить, униженно выстаивая очереди в обитых дубом приемных, на свои кровные мотаясь из какой-нибудь сибирской дали в Москву, «за правдою», и обратно!

Но тайное все-таки становится явным. В числе других закрытыми являлись сведения, наносимые на топографические карты радиационной обстановки по районам загрязнения. Карты эти, с еще сохранившимися грифами, были вывешены 24 июля 1989 года на обозрение Межведомственной комиссии Госкомгидромета СССР, которую Верховный Совет Белоруссии попросил кое-что уточнить перед своей сессией. Какими-то оранжево-красными тонами были обозначены места наиболее сильного загрязнения местности, желтыми — слабого; мне показалось, что в расположении пятен нет никакой системы, никакой логики; словно кто-то могущественный раскидал всевозможные радионуклиды по территории страны; ближе к центру, словно гноящаяся, кровоточащая язва — атомная станция, четвертый энергоблок, Припять...

Зачем потребовалось все это скрывать от общественности как раз тогда, когда пресса трубила о «политике гласности», скрывать информацию, которая могла бы помочь десяткам тысяч людей правильно сориентироваться в радиационной обстановке,— неизвестно. Никаких объяснений. Даже наоборот! «Кому надо, те ознакомились!» — огрызнулся на этот мой вопрос один из членов комиссии. И, оглянувшись, добавил уже более миролюбиво: «Вот вы, журналисты, вечно делаете из мухи слона... Существовал еще в прошлом году порядок: хочешь взглянуть на карты — оформляй допуск, приходи и смотри на них хоть до потемнения в глазах!»

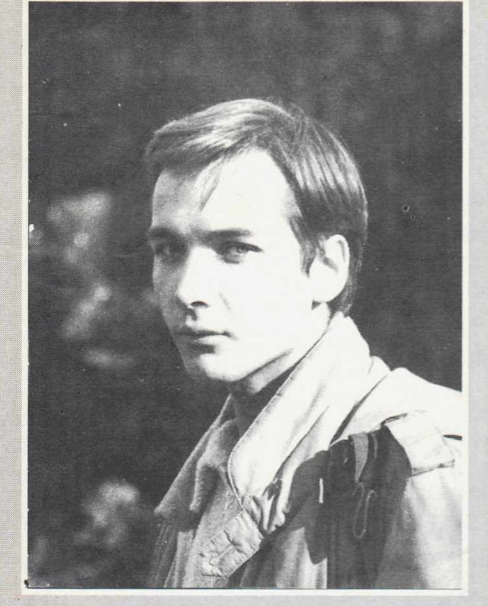
Вот я теперь и стоял, смотрел...

АКАДЕМИКИ И РАДИАЦИЯ

У бывших секретных карт разговорились мы с Юрием Антониевичем Израэлем, председателем Государственного комитета СССР по гидрометеорологии, и с Львом Александровичем Булдаковым из Академии медицинских наук СССР.

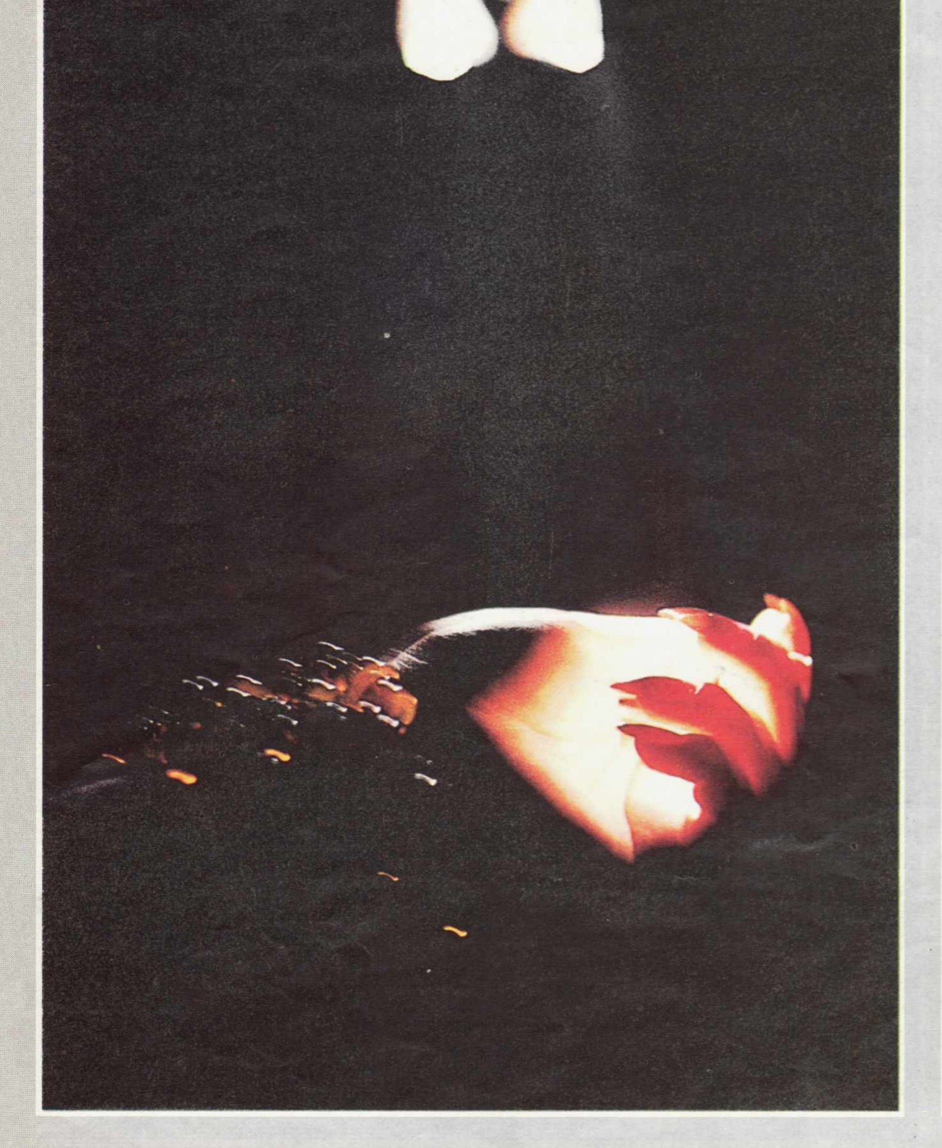
Поначалу академикам — или, может быть, мне уже мерещилось — чернобыльскую тему обсуждать не хотелось. Заговорили они о том, что, по их мнению, должно было больше интересовать «Огонек». А именно: о совершенно новой, непаханой, глобальной проблеме выделения естественного радиоактивного газа радона в каменных помещениях. «Если взять скандинавские, английские дома,— сказал Лев Александрович,— то там люди в течение жизни получают 140 бэр!» Дальнейший разговор привожу по фонограмме.

Продолжение на стр. 30.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЛЮБИ-ТЕЛЬ-СТВО

Как нащупать ту границу, на которой сходятся в человеке искусства профессионал и любитель, поскольку именно на этом рубеже нас, очевидно, и ждут наибольшие успехи?

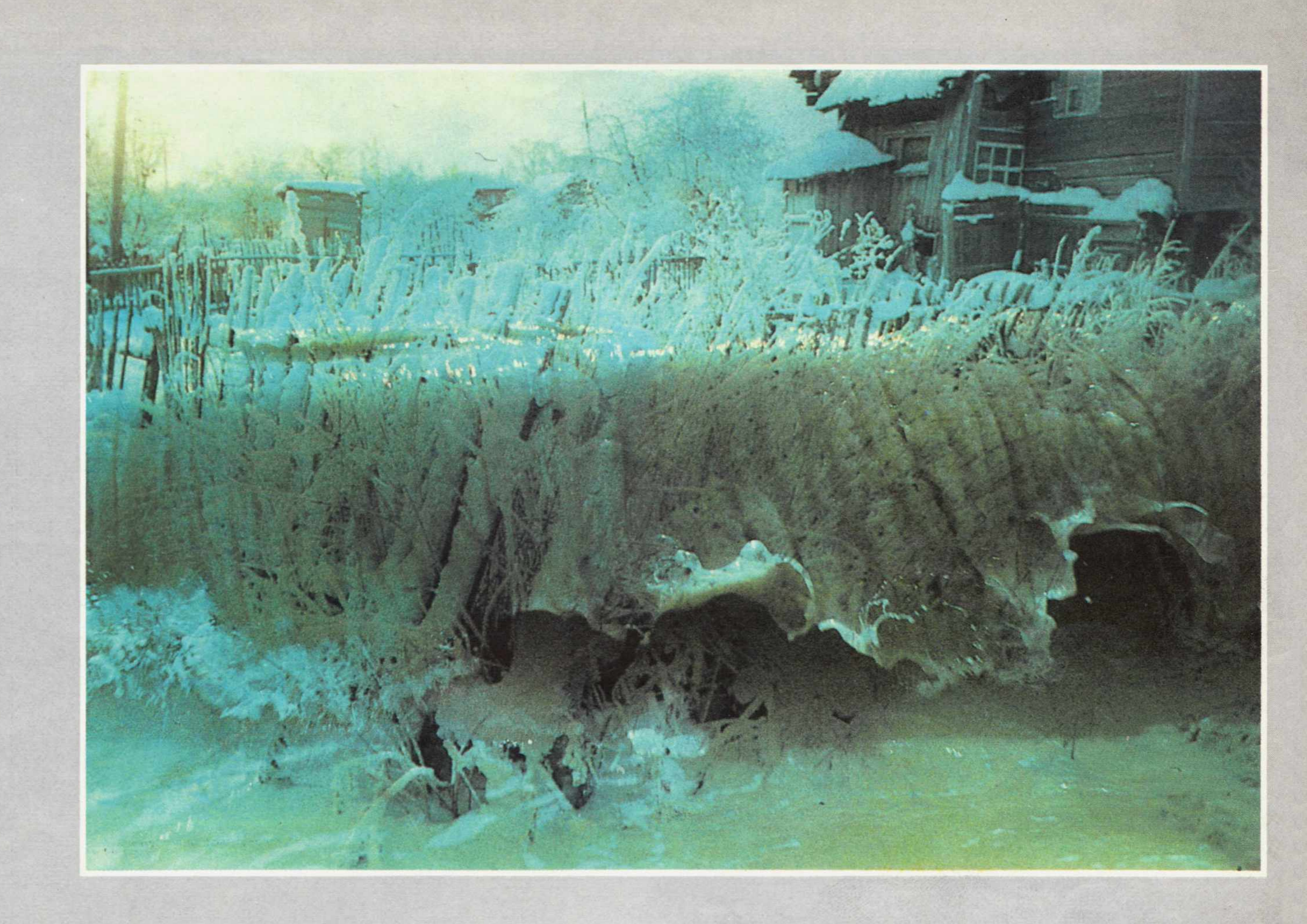
Павел Максименков, чьи фотоработы мы представляем, сумел уникально соблюсти равновесие на зыбкой линии этого соединения. И дело тут, конечно, вовсе не в том, что он пытался с юных лет овладеть таинствами фотографии или пытал «зубров»

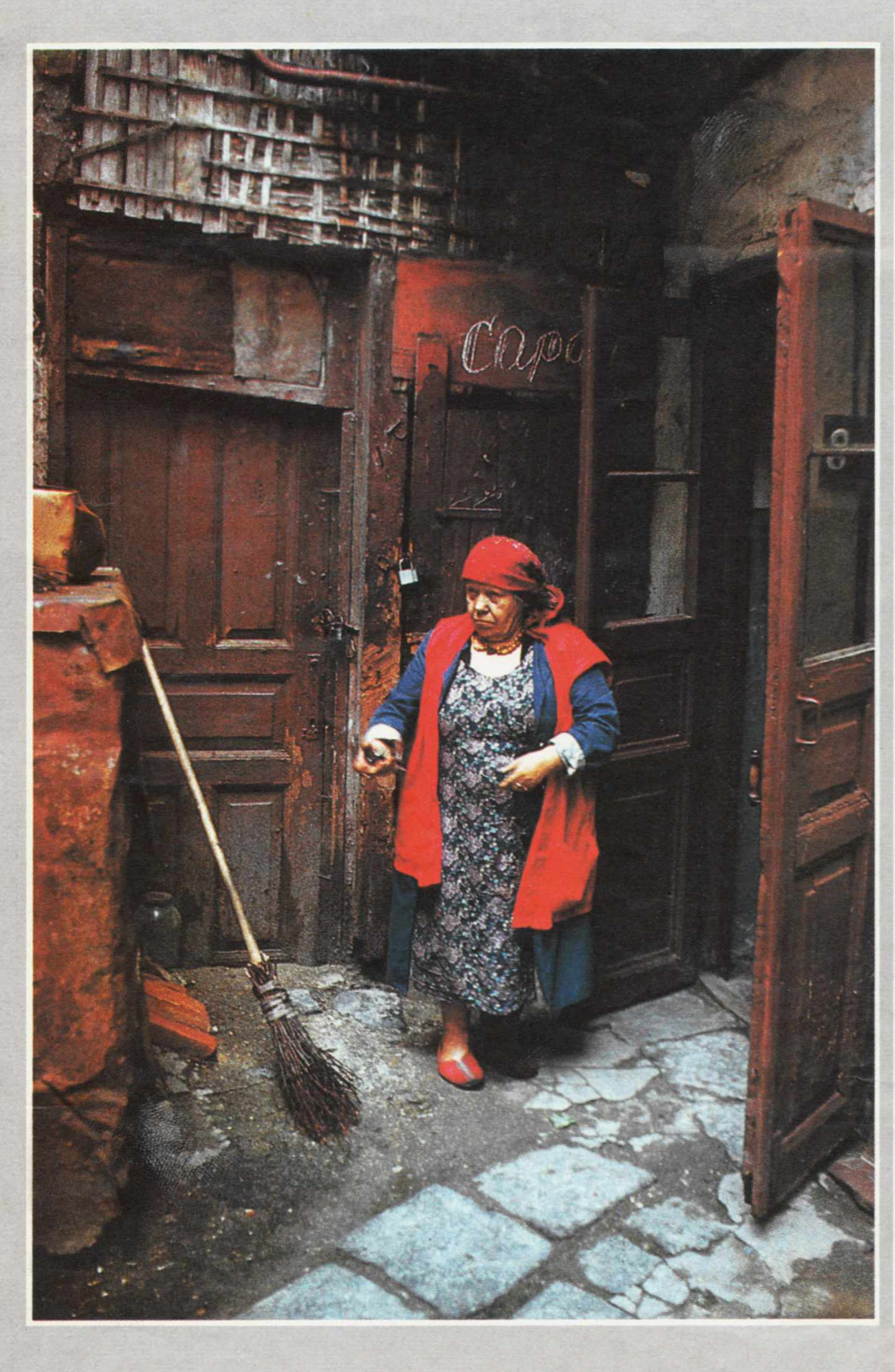

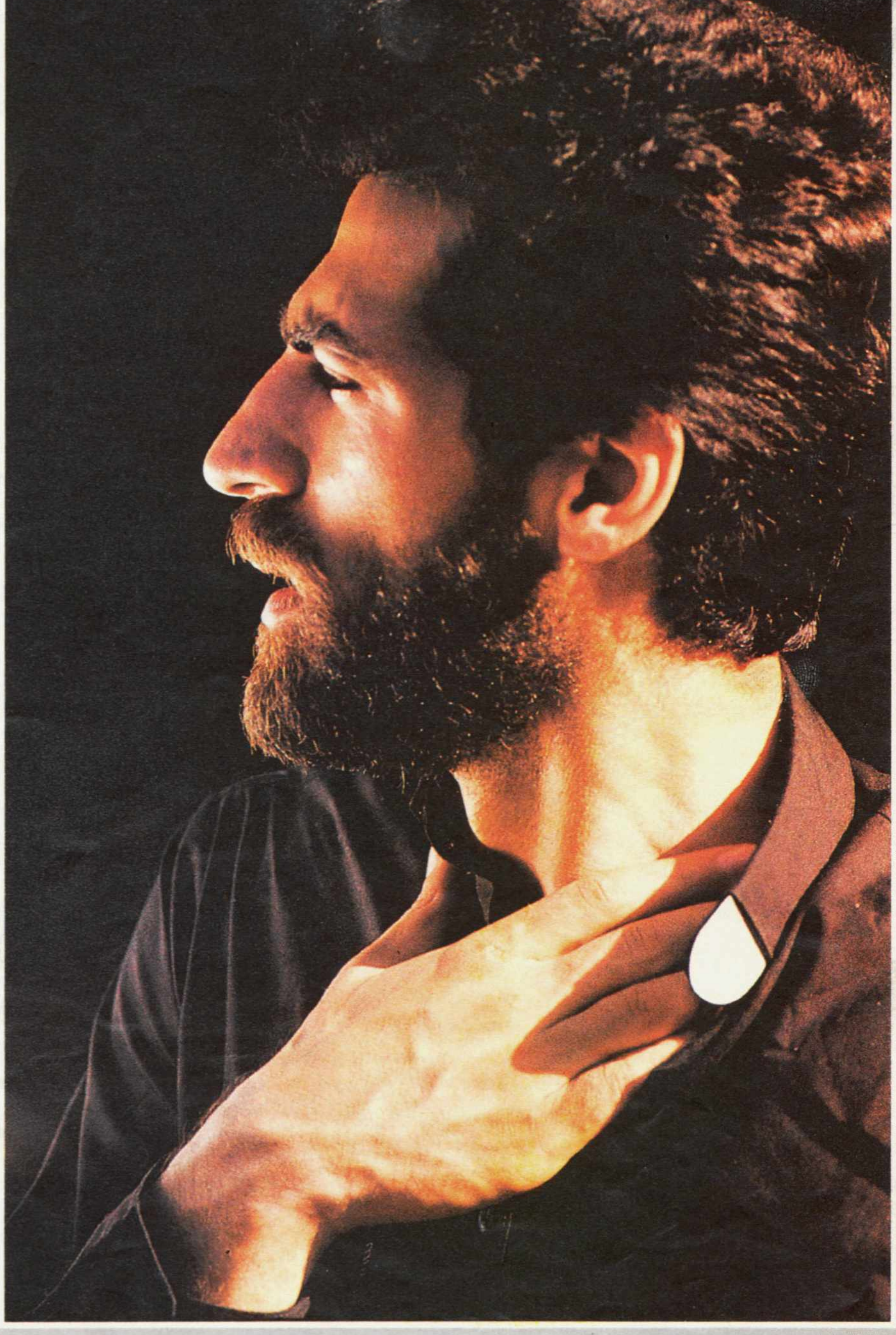
фотодела относительно секретов их мастерства, чего с ним не было. Ему просто интересно жить. Вот и вся причина.

Поэтому, наверное, так точны оттенки на его снимках, так сочны цветовые пятна — он видит кадр, по-моему, не столько глазом, сколько душой. Максименков любительски относится к жизни — он ее любит, он увлечен этим сложным процессом. Вот и получается, что любительство его носит абсолютно профессиональный характер — его работы тому доказательство.

Константин СМИРНОВ

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

БИТВА ЗА СТАЛИНГРАД

...Наше дальнейшее пребывание в Сталинграде мы с командующим считали нецелесообразным, поскольку были отрезаны от связи. Связь с левым берегом у нас была очень слабая. Кабеля не было. Был какой-то легкий, который мы проложили своими средствами через Волгу. Довольно неустойчивая была связь.

А выехать на левый берег было совсем невозможно, потому что надо было преодолеть Волгу. Приезд с докладами к нам командующих и посыльных тоже был сопряжен с трудностями. Поэтому мы решили перенести свой командный пункт на левый берег.

Мы с Еременко вызвали Голикова и сказали, что вот, товарищ Голиков, мы получили разрешение перевести командный пункт на левый берег, а вас хотим оставить здесь, на этом командном пункте, чтобы вы сохранили связь с командующим 62-й армией и докладывали нам о положении дел. Мы ему сказали, что он останется ненадолго. Мы считали, что в длительном его пребывании здесь нет необходимости. Кроме того, это могло быть плохо расценено Чуйковым, как командующим армией. Он мог подумать, что оставлен человек, который был бы «пилой» штаба фронта. Командующие не любят таких. Они действительно производят впечатление надоедливых соглядатаев. Чаще всего говорят, что они мешают работать. Тем более я уже видел, что характер у товарища Чуйкова крутой и можно было ожидать всяких эксцессов.

Наше предложение вывело Голикова из себя. Он страшно изменился в лице, но сдержал себя. Вышел, а потом улучил момент, когда я был один, без командующего, и обратился ко мне, буквально умоляя не оставлять его здесь. Я никогда не видел никого в таком состоянии, за всю войну ни одного человека, ни военного, ни гражданского. Он умолял не оставлять его здесь, мотивируя тем, что все погибло, все обречено.

«Не бросайте меня, не оставляйте, не губите. Разрешите мне тоже выехать»,— говорил он в совершенно недопустимом тоне.

Я отвечаю: «Слушайте, что вы говорите? Вы поймите, товарищ Голиков, здесь стоит целая армия, которая ведет упорные бои. Вы видите, как она стойко держится. Как вы смеете говорить, что все обречено, все погибло?! Это не вытекает из положения на фронте. Вы видите твердость, с какой ведут бои наши войска! Это не то положение, когда мы за день оставляли десяток километров. Здесь этого нет и не предвидится. Что вы?»

Он опять повторял одно и то же.

Я тогда говорю: «Слушайте, овладейте собой. Что вы говорите? Как вы себя держите?»

На него ничего не действовало. Тогда я сказал, что есть решение, «товарищ Голиков, и вы должны выполнять то, что вам приказано». На этом разговор кончился. Он на меня произвел ужасное впечатление.

Потом он это же повторил и при Еременко. Одним словом, мы его оставили. Оставили с ним офицеров для связи, а сами переехали на левый берег утром.

Я не знаю, сколько дней прошло, когда мы получили записку от офицера, который был при Голикове. Он сообщал, что Голиков совершенно потерял голову, совершенно не владеет собой. Он ведет себя как человек, потерявший рассудок. Он буквально лезет на стену. Поэтому его пребывание в армии не только не приносит пользы, а даже вредно. Он окружающих заражает своим состоянием. Этот офицер просил нас принять соответствующие меры. Когда мы получили это сообщение, мы Голикову приказали, чтобы он оставил командный пункт и переправился к нам.

После этого у нас с Еременко отношение к Голикову изменилось. Такое его состояние и поведение наложили свой отпечаток. Вскоре случился еще один случай, неблагоприятный для генерала Голикова. Сложились очень тяжелые условия с переправой боеприпасов и пополнения. Связь со Сталинградом через Волгу была очень сложной. Переправа обстреливалась артиллерией и подвергалась бомбежке на всех участках. Принимались особые меры, чтобы обеспечить нормальный подвоз боеприпасов, продовольствия и пополнений.

Однажды мы приказали Голикову, чтобы он поехал и сам обеспечил переправу. Условия были тяжкие. Это я понимаю. Он поехал и не выполнил задания. Ничего не сделал, приехал и доложил, что противник очень сильно бомбил или даже обстреливал переправу. Когда мы раньше посылали других офицеров, они с трудом, но что-то все-таки делали. Мы тогда записали ему выговор за невыполнение указания о переправе боеприпасов.

Голиков, видимо, на нас жаловался Сталину, но мы тогда с ним не объяснялись.

Однажды было так. Мы выехали с Еременко на берег Волги. Там стояла флотилия, и она была вооружена пушками. Мы поехали в район Рынка и наблюдали, как используется артиллерия флотилии. Она особой роли не играла из-за малочисленности, но, как говорится, на безрыбье и рак рыба. Мы тоже считали, что это наша опора — артиллерия речной флотилии.

Когда мы возвращались обратно, смотрим, едет Голиков нам навстречу. Мы остановились и он вышел из машины.

«Куда едете?» — спрашиваем.

«Я еду на аэродром в Житкур. Уезжаю в Москву. Хорошо, что встретились, я хочу с вами попрощаться».

«Как это вы уезжаете?»

«Вот я получил предписание от товарища Сталина приехать в Москву».

«Ну, как это вы уезжаете в Москву? Ведь мы случайно с вами встретились. Вы бы уехали, а мы и не знали бы, где искать вас, где вы находитесь?»

«Я получил приказ и уезжаю».

Он уехал.

Мы, конечно, посудачили не в пользу Голикова. Да если бы он сам был на месте командующего, то так же бы остро реагировал на человека, который так поступил. Ну что же, уехал так уехал, и нечего разговаривать. Мы говорили только о форме, а по существу мы ничего не имели против его отъезда.

Через какое-то время нам прислали нового заместителя — генерала Попова Маркиана Михайловича.

Мне позвонили из Москвы, чтобы я приехал. Я поехал. Встретился со Сталиным. Сталин начал меня упрекать, что я допускаю неправильное отношение со стороны командующего к генералам, что я не защищаю их и прочее.

Я говорю: «О чем и о ком идет речь? О каком генерале? Что вы имеете в виду? Я, собственно, таких случаев не знаю».

«Ну, вот Голиков. Мы вам Голикова послали, а к Голикову такое отношение».

Главным образом он напирал на Еременко. Вот Еременко такой-сякой и прочее. Я был поражен. До этого Сталин буквально боготворил Еременко. Носился с ним. Выставлял его как самого лучшего боевого генерала. Он мне сам об этом говорил, когда мы искали, кого назначить командующим Сталинградским фронтом. И вдруг вот такое. Правда, уже время прошло после того разговора, и противник вполз в Сталинград. Бои велись в городе Сталинграде, но упорные бои. Мы несем потери, но противник тоже несет потери. Сталинград он не взял и не возьмет, если нам, конечно, будут оказывать помощь.

Я говорю: «Товарищ Сталин, я не знаю, что вам говорил товарищ Голиков, но я должен вам сказать о причинах нашего плохого отношения к Голикову».

Я ему рассказал о разговоре перед оставлением командного пункта в городе Сталинграде. Рассказал, как мы с ним говорили, как он себя держал, как он выражал абсолютную неуверенность в победе, даже обреченность, и буквально со слезами умолял не оставлять его.

Сталин посмотрел на меня. Я вижу, что он не допускал и не знал этого.

«Поэтому наказание, какое мы наложили на Голикова, было обосновано. Я, собственно, не понимаю, почему вы так обрушились на Еременко и на меня. Я защищаю кого следует, но я не могу защищать тех, кто заслуживает осуждения».

«Вот мы решили снять Еременко»,— отвечает Сталин.

«Если, товарищ Сталин, вы это сделаете, это будет неправильно».

«Почему?»

«О Еременко разные мнения. Как у каждого человека, у него много противников, которые не уважают его. Я, будучи членом Военного совета, прошел с ним ответственный момент. Я считаю, что он сильный командующий, я не буду говорить о других качествах, потому что на войне главное — военные качества. Я считаю, что они вполне отвечают его званию, его назначению и его положению. Он оперативен, он со знанием дела руководит войсками. Оборона Сталинграда была организована и сейчас проводится хорошо. Это заслуга командующего».

Привел я и другие доводы.

Сталин наседал, конечно, но потом стал сдавать, сдавать и в конце концов прекратил нападать на меня. Надо мне уезжать.

Он говорит: «Можете лететь».

Я говорю: «Хорошо».

Когда мы с ним прощались, он жал мне руку: «Хорошо, что мы вас вызвали. Если бы мы вас не вызвали, то Еременко бы сняли. Я уже решил снять его. Ваши доводы, ваши возражения убедили меня. Надо его оставить».

Я говорю: «Очень правильно делаете, товарищ Сталин. Очень правильно».

Я не буду говорить, как я противопоставлял военные качества Еременко другим, которые называл Сталин.

«Хорошо, оставим его».

Я улетел.

Таким образом, оказалось, что все это было навеяно рассказами Голикова. Я был просто удивлен. Я высоко ценил партийные качества Голикова, и у меня не было оснований сомневаться в нем. Если бы он Сталину сказал хоть одну десятую того, что он говорил мне и Еременко, когда мы его оставляли на правом берегу, Сталин с ним и разговаривать бы не стал. Он, вместо того чтобы правильно оценить свою слабость, все свалил на командующего и на меня.

Видимо, Сталин его спросил: «Ну, хорошо, с Еременко ясно. А Хрущев?»

«А Хрущев тоже не защищал меня. Он с Еременко заодно».

И это верно, в этом вопросе мы были вместе с Еременко. Тут каждый честный человек мог занять только единую правильную позицию.

Я вернулся на Сталинградский фронт. У нас продолжалась подготовка к окружению Сталинградской группировки немцев.

Как возникла мысль об окружении противника? Я не говорю, что она возникла только у нас, то есть у меня и у Еременко. Нет. Она, возможно, возникала и у других.

Этот вопрос назрел. Чем это было вызвано? А вот чем. Бои на Сталинградском фронте затянулись. Противник сосредоточил усилия на довольно узком направлении. Это говорило о его слабости: на широком фронте он наступательных операций вести не может. Он бросал живую силу в город, как в мясорубку. Самые тяжелые бои велись в городе. А там обороняющимся легче, чем войскам, которые наступают. От наших войск мы получали донесения, что у противника на флангах очень жиденькая оборона.

Мы посылали разведку. Наша разведка переправлялась через Дон и довольно глубоко вклинивалась в тыл к немцам.

Не всегда разведка докладывала правильно. Мы ловили, когда разведчики просто врали и не были в пунктах, о которых докладывали. Но это исключение.

Как правило, разведка добросовестно работала и докладывала правильно. Они говорили, что войск нет за Доном. На левом фланге у нас стояла 51-я армия. Там тоже была слабая оборона противника. Главным образом там стояли румыны — очень неустойчивое войско. Командующий армией докладывал, что там у противника слабые силы и он мог бы разделаться с ними.

Мы решили испытать, проверить боем, насколько устойчиво это направление у противника.

Мы приказали командующему 51-й армией и, кроме того, специально вызвали командира дивизии, которому поставили задачу: на каком направлении нанести удар и какими силами. Строго приказали ему, если он успешно нанесет удар, то он не должен продвигаться вглубь больше чем на такую-то глубину. Если будут пленные, то вести себя с пленными корректно, с тем чтобы не оставить следов, которые мог бы использовать противник. Командир дивизии — хороший такой человек, лет сорока пяти, коренастый, уже полный, довольно основательно поседевший, но бодрый и крепкий.

Он говорит: «Хорошо. Я выполню».

Он организовал удар, быстро и легко смял противника. Углубился в оборону

Продолжение. См. №№ 27,28,30,31,33.

и даже перевыполнил план, хотя мы его предупреждали, чтобы он этого не делал. Он захватил много пленных, но пленных расстрелял. Когда мы это узнали, то критиковали его.

Он говорит: «А что? Куда я их дену?»

Это, конечно, были неправильные действия. Противник потом, как мы узнали, взял представителей солдат из отдельных дивизий и приводил их и показывал: вот, мол, русские не берут в плен, а расстреливают. Немцы утрировали этот случай, усиливали, пугая войска, чтобы они не сдавались русским в плен.

Наши войска были отведены и заняли свою линию обороны, потому что она уже была немножко оборудована. Это еще раз нас подбодрило. Мы видели, что имеем возможность нанести удар во флангах противника и изменить положение дел под Сталинградом.

Тогда мы с Еременко написали докладную Сталину, где высказали свое мнение. Это мнение сводилось примерно к следующему.

По нашим данным, по данным разведки, которую мы забрасывали в тыл противника, и по разведке боем, которой мы прощупывали устойчивость обороны противника, командование фронтом пришло к заключению, что у немцев пусто за Доном, сил, на которые они могли бы опереться, там нет. Если найти войска, которые можно было бы сосредоточить сверху Дона, и ударить сюда к Калачу, а нам с юга ударить по южному крылу противника, то можно было бы окружить противника, который ведет бои в Сталинграде.

Вот, собственно, все.

Чем располагает Ставка и были ли такие возможности к этому времени у нас, мы просто не знали. Мы знали только, что нам очень тяжело и что нам очень мало дают подкреплений. А если нам мало дают, значит, давать нечего. Так мы думали. У нас были мысли — не ломимся ли мы в открытую дверь, потому что не знаем реального положения, которое сейчас имеется в стране.

Через какое-то время приехал к нам Жуков.

Он рассказал, что в Ставке имеется замысел, аналогичный тому, о чем мы с Еременко писали в своей докладной. Он нас предупредил, что об этой операции не должен никто знать, и он прилетел специально предупредить об этом.

В данном случае подозрительность Сталина была полезна: чем меньше знает людей о готовящейся операции, тем лучше для самой операции. По карте Жуков показал, на каком участке должен нанести удар Сталинградский фронт. Это было как раз направление 51-й армии. Мы тоже считали, что ударить надо отсюда, где мы уже проводили успешную разведку боем.

Там есть озеро — называется Цаца. Южнее этого озера, на линии, которую занимала 51-я армия, есть возвышенность. Эту возвышенность занимали румыны. У подножия высоты располагалась наша оборона. Это нас не смущало. Возвышенность была небольшая. Потом, это же прикалмыцкие степи. Кто бывал в этих местах, тот знает, что там невооруженным глазом видно на 20 километров.

Я спрашиваю: «А что нам дадут для выполнения этой задачи?»

Он говорит: «Вы получите механизированный танковый корпус в составе ста с лишним танков, механизированную пехоту на автомашинах и артиллерию по штату, что положено. Потом вы получаете кавалерийский корпус. Он сейчас на подходе. Им командует генерал Шапкин. Еще там боеприпасы. И что-то из пехотных частей, но очень мало».

Все это Жуков нам рассказывал вместе с Еременко.

Потом мы с ним поехали в район намечаемого наступления ознакомиться с условиями рельефа. Ну, там все проглядывается, все видно, ни дерева, ни кустика. Я говорю: «Если будут войска, которые вы нам даете, плюс то, что мы имеем у себя, то у меня есть полная уверенность, что мы прорвем оборону, сомнем противника и свою задачу выполним».

Мы должны были занять хутор Советский около Калача Донского. Советский я хорошо знал. Мы не так давно были в Советском. С севера Ватутин должен был спуститься со своими войсками и занять Калач. Мы, ударом на Советский, должны были облегчить выполнение задачи Юго-Западным фронтом. Вот такой был план. Успех операции не вызывал сомнений. Мы были уверены, что в Сталинграде немцы будут окружены.

С Жуковым у меня были, я уже повторяю какой раз, очень хорошие отношения, и я ему говорю: «Товарищ Жуков, мы-то сделаем свое дело — окружим немцев. Надо полагать, что войска противника, когда окажутся в окружении, захотят вырваться. Куда им идти? Они не пойдут на север прорываться из окружения. Они пойдут к своим на юг. Чем мы их будем держать? У нас держать нечем. Они нас раздавят, вырвутся и уйдут».

Жуков так улыбнулся, посмотрел на меня и реагировал русской словесностью довольно крепкого концентрата и резкого содержания: «Пусть уходят. Нам лишь бы он ушел. Нам бы только Сталинград и Волгу освободить».

Я говорю: «Это верно. Это первая задача, но если бы вы дали нам больше средств, то можно было бы и перемолоть эту силу, которая навалится на нас и будет прорываться».

«Больше,— говорит,— дать мы вам ничего не можем».

«Ну, хорошо».

Жуков уехал.

Очень ограниченное количество людей знало об операции. Буквально считанное. Мы продолжали готовиться и ожидали механизированный танковый корпус генерала Вольского и другие войска.

Развернулась подготовка к наступлению. С каждым днем у нас вырастала уверенность, мы ждали, как торжества, дня наступления! Мы абсолютно были убеждены, что начало этого наступления нам принесет радость, но мы еще не совсем конкретно представляли глубину этой радости. А это стало радостью для всего прогрессивного человечества, которое прилагало все усилия в борьбе против Гитлера.

Я был удивлен очень ранними заморозками. Рано начали появляться льды на Волге. Было холодно, особенно ночью и по утрам. Днем пригревало солнце и было тепло.

Наступление должны были начать 19 ноября, но потом начало было перенесено на 20-е. Мы так его потом и начали. Вечером 7 ноября мы с Василевским приехали к Толбухину и узнали, что 7 ноября было торжественное заседание в Москве и что на нем выступил Сталин с докладом. Это нас приободрило. Мы радовались, что нормализуется жизнь в столице, что столица чувствует себя уверенно, что доклад сделан был Сталиным.

Подготовка к наступлению шла полным ходом. Торопились, сосредоточивали войска, изучали технику, особенно в танковых войсках. Обучали солдат действию, но не на поле, а на картах, потому что на поле танки выводить было невозможно. Вывести их — привлечь внимание авиации противника и понести потери. А главное — преждевременно насторожить противника.

Главным условием была внезапность удара.

Каждый род войск, каждая часть занималась и готовила себя, чтобы задача, которая была поставлена перед этой частью, была бы решена как можно быстрее, эффективнее и с меньшими потерями.

Все было рассчитано. Я сейчас уже не помню, сколько отводилось у нас времени на артиллерийскую подготовку. Может быть, два часа, может быть, меньше. Не помню я, и сколько мы имели боекомплектов, снарядов для этого дела, но мы считали, что того, что нам выделили, достаточно для решения задачи.

Вспомогательный отвлекающий удар против немцев был организован на участке 57-й армии Толбухина. Здесь сил было очень мало. Задача была сковать, а может быть, если удастся, ввести в заблуждение противника. Главное было, чтобы он не перебросил с этого участка войска на направление нашего главного удара.

Мы тогда решили, что я и генерал Попов выезжаем в 51-ю армию на участок главного удара, а Еременко выезжает ближе к Толбухину, который наносил вспомогательный удар. Начальник штаба Захаров должен был выехать в 28-ю армию в Астрахань. Там тоже намечалось провести демонстрацию наступления с тем, чтобы сковать противника.

Мы много думали и беседовали с Василевским об этой операции. Он приятный был собеседник. С ним можно было беседовать по всем вопросам. Вдруг позвонил Сталин за день до начала операции, то есть 19 ноября. Мы должны были 19 ноября ночью выехать в пункты, каждый в свой, откуда будет начато наступление каждой группы.

Сталин меня спросил: «Куда поедет начальник штаба Захаров?»

Я ему сказал: «Мы решили, что он поедет в Астрахань. Это спокойный участок, но нужно все-таки к Герасименко поехать с тем, чтобы на месте все проверить и начать действовать. Я с Поповым выезжаю на участок главного удара в 51-ю армию к генералу Труфанову. Еременко выезжает к Толбухину на участок вспомогательного удара».

Сталин никаких замечаний мне не сделал и только сказал: «Вы предупредите генерала Захарова, чтобы он там не дрался».

Мне было довольно странно слышать от Сталина такое замечание. Впервые он так сказал, и больше я от него этого не слышал. Видимо, у него какой-то поворот был.

Он всегда говорил, что надо бить морду: «Что вы его слушали? Морду бы ему побить!»

Этот мордобой прививался командному составу. Пользовались этой рекомендацией Сталина и Еременко, как я уже рассказывал, и Захаров, и другие. Многие пользовались. И вдруг Сталин говорит: «Вы ему скажите, чтоб морду не бил».

Я рассказал товарищу Василевскому, что вот, Сталин так сказал. Тогда мы посмеялись над этим, потому что Василевский тоже хорошо знал позицию Сталина в этом вопросе. Сталин не любил, чтобы это указание рекламировали, хотя и толкал всех, с кем он соприкасался, на это. Потом мы стали думать, как же сказать Захарову. Кому преподнести ему эту пилюлю?

Я тогда предложил: «Товарищ Василевский, давайте порекомендуем, чтобы это сказал Еременко. Ни вы, ни я, а пусть Еременко скажет. Еременко сам толкал на такие действия, сам этим пользовался, поэтому он пусть сам это и скажет».

Захаров был большим любимцем у Еременко. И нужно сказать, что, как военный, Захаров заслуживал уважения. Я к нему тоже хорошо относился, за исключением этого недостатка, который я знал за ним и который возмущал меня.

Я сказал тогда Андрею Ивановичу: «Андрей Иванович, Сталин звонил и спросил, куда мы разъезжаемся. Он, наверное, и с вами разговаривал».

«Да,— говорит,— он со мной тоже разговаривал».

«Ну, я не знаю, говорил ли он вам, а мне сказал еще о том, чтоб предупредить генерала Захарова, чтобы Захаров не позволял себе драться, когда поедет в 28-ю армию, а если он позволит, то будет за это дело наказан. Лучше всего, Андрей Иванович, вам это сказать Захарову и предупредить его».

Еременко очень настороженно принял от меня такой совет. Говорил ли с ним Сталин об этом, я не знаю. Может быть, и не говорил. Может быть, он только мне сказал это. Какие соображения были у Сталина, трудно понять.

Вечером мы сошлись в землянке Еременко: Еременко, Захаров, Василевский и я. Вносились последние уточнения. Докладывал Захаров. Уже все вопросы обсудили, надо было нам разъезжаться. Ехать всем, и особенно Захарову, предстояло далеко.

Надо разъезжаться. Я смотрю на Еременко. Еременко должен сказать это Захарову. А он не говорит — язык не поворачивается.

Я говорю: «Ну, Андрей Иванович, надо разъезжаться».

«Да, надо разъезжаться».

Я говорю: «Так мы поехали. По-моему, все ясно».

«Да, все».

Я стал уже беспокоиться.

«Ну, Андрей Иванович, нам надо разъезжаться, и надо будет сказать товарищу Захарову, как же?..»

«Да, да».

Еременко вдруг принял такую официальную позу и повернулся к Захарову. А они большие приятели с Захаровым.

«Ну,— говорит,— товарищ генерал, смотрите. Вот вы поедете в 28-ю армию. Вы не позволяйте себе бить там морды людям. Иначе дело плохо обернется для вас».

Я смотрю, что же скажет Захаров, а Захаров немножко голову приподнял, а глаза опущены: «Да что же я, уговаривать буду, что надо наступать».

Опять Еременко: «Товарищ генерал...»

Я тогда тоже реплику подал, и Василевский поддержал, что, мол, нужно вести себя сдержанно, иначе это может обернуться для него неприятностью. Захаров пробурчал что-то невнятное.

Трудно было ему такое замечание пережить. Я понимаю, что это унижает человеческое достоинство, достоинство генерала, но вызвано это замечание было действиями, которые он себе

Фото П. ГАПОЧКИ

15 октября 1942 года. Сталинградский фронт. Н. С. Хрущев и К. В. Сычев на привале по пути из Астрахани в Сталинград.

позволял. А эти-то действия больше всего унижают достоинство человека, достоинство воина и достоинство генерала.

Пришло время начала. Было 20 ноября. Мы сидели с командующим армией на командном пункте. Все было подготовлено. Артиллерия, как говорится, на взводе, пехота, механизированный танковый корпус Вольского и кавалерийский корпус заняли свои позиции.

Дали сигнал ракетой, и начала артиллерия вести огонь. У меня создалось впечатление, что земля гудела, мы вели очень интенсивный огонь. Я не помню сейчас, сколько у нас было орудий на километр.

Позже, когда вели бои под Киевом на главном направлении, мы поставили 370 стволов на километр. Потом и это количество было превзойдено. Тут же этого и наполовину не было. Но по тому времени мы считали, что это много, что это большая артиллерийская мощь.

Действительно, эта мощь превосходила противника. Противник был дезорганизован.

Кончили артиллерийскую подготовку и приказали двинуться пехоте, чтобы занять окопы противника. Пехота сейчас же начала продвигаться и особого упорства со стороны румынских войск не встретила.

Румыны занимали довольно выгодные позиции. Во-первых, они окопались. Потом, они находились на возвышенности. Небольшая возвышенность, но все-таки возвышенность. Они лучше просматривали местность перед своим передним краем, а нашим войскам нужно было преодолеть этот подъем, чтобы занять их позиции. Выгода по рельефу была на стороне противника. Он имел возможность выбирать, когда строил оборону.

Наши войска ворвались в окопы и вели бой. Противник начал отходить. Мы дали приказ Вольскому вводить корпус в прорыв.

Ждем, а танков все нет и нет. Мы стали волноваться. Как же мы теряем время? Противник может организоваться и построить оборону на каком-то удалении в тылу, оставив свой передний край. Мы предполагали, что у него есть там оборудованные позиции. А танков все нет. Что такое? Уже светло. Солнышко стало светить. Самого-то солнца еще не видно, потому что туман был, но все предвещало, что туман скоро рассеется. А механизированный корпус все еще никак не может войти в прорыв.

Мы с Поповым решили: сядем на машину и поедем к Вольскому. Мы знали, где Вольский. Поедем по его бригадам и буквально, как говорится, будем подталкивать в спину или в другое место, чтобы ускорить выступление войск.

Когда мы приехали с Поповым в расположение этих войск, на меня организация произвела неприятное впечатление. Такой базар был!.. Все было видно. В поле ни кустика. Танки, машины, люди — все открыто.

Нам повезло, что была нелетная погода и противник совершенно не летал. Если бы авиация противника летала, я не знаю, что бы он нам наделал с этим танковым корпусом, а уж о кавалерии и говорить нечего. Конечно, противник не сорвал бы нам наступление и задача все равно была бы решена, но урон он нам нанес бы немалый.

Это просто Сорочинская ярмарка. Это базар какой-то был. Коня, обоз не зароешь в землю. Все это, как на ярмарке в чистом поле. Картина была неприятная. Я бы сказал, ужасная такая картина.

Ну, мы приехали к Вольскому. Вольский возился, по-моему, там еще с командирами бригад, ставил им задачу. Мы начали торопить — кончать надо. Задачи должны были быть поставлены раньше. Разъехались по частям, стали выталкивать механизированный корпус.

Я тогда считал, что это недосмотр Вольского, что он еще до начала ввода войск не подготовил своих командиров бригад. Позже я понял, что здесь, видимо, дело не в этом. Я думаю, что они были проинструктированы и каждый командир получил свою задачу вовремя.

К сожалению, это потом замечалось не только у Вольского, но и у других командиров танковых войск. Эти командиры медлили, выжидали, когда пехота расчистит путь, чтобы не подставлять танки под огонь и не терять их при прорыве. Они ждали, чтобы прорыв был развернут, чтобы легче было войти в него танковым войскам. К сожалению, эти рассуждения потом я слышал часто, не только слышал, но и сталкивался с такими действиями многих танкистов. Я не буду называть фамилии. И сейчас эти люди занимают довольно высокое положение в войсках. Они прекрасно воевали и хорошо закончили войну. Но за многими этот грех, как говорится, мною замечался.

Вольский двинулся. Мы ездили по полю, по этому базару. Солнце стало пробиваться, и туман стал рассеиваться и подниматься. Вдруг я смотрю: летают два самолета над передним краем противника и бомбят.

Я говорю: «Смотри, товарищ Попов, что это такое? Чьи это самолеты? Вроде как наши. Да там же сейчас противника нет. Выбит противник. Как же так? Может быть, это противник бомбит наши войска?»

Одним словом, мне было непонятно. Да и Попову тоже.

Мы, конечно, радовались. У нас настроение было, что наша берет. Мы уже передний край прорвали. Пехота пошла.

Но нас беспокоили все же эти два самолета. Что это значит? Потом мы смотрим, эти самолеты поворачивают в нашем направлении и идут буквально на бреющем полете. Летят над этим базаром: над танками, лошадьми. Все открыто как на ладони. Смотрим, что они заметили наш «виллис» и летят прямо на него. Вроде наши самолеты.

Попов говорит: «Давайте мы выскочим, разбежимся и заляжем. А то черт знает, что будет».

Мы выскочили из «виллиса»: он — в одну сторону, я — в другую. Все-таки эти самолеты прострочили по нам из пулемета. Мы просто легли на землю. Попов сказал, что очень близко пули легли около него. Около меня тоже легли, но не в непосредственной близости, потому что я не слышал ударов пуль. Улетели самолеты.

Я говорю: «Наши все-таки. Почему они нас обстреляли? Как они могли спутать? Этот район обозначен на всех картах, какими могли пользоваться летчики. Ведь это район сосредоточения танковых войск и кавалерии для броска в прорыв».

Вытолкнули корпус и вернулись на командный пункт к генералу Труфанову. Там он нас уже порадовал пленными. Были захвачены в плен несколько человек. Сперва десятка два, а потом уже стало их больше. Среди пленных, я помню, один был по фамилии Чайковский. Сам русский, как он мне сказал, из Кишинева.

Я говорю: «Как же вы позорите такую фамилию?»

«Да я,— говорит,— понимаю свое положение. Я знаю значение фамилии, которую я ношу. Вы поймите, не только я, но и другие мобилизованы. Мы воевать не хотели. Свидетельство тому — мы у вас в плену в первые часы боев. Это говорит о том, что я не хотел воевать и при первой возможности сделал все, чтобы сдаться в плен. Другие так же поступают».

Мы оставили их. Пленные поступили в распоряжение разведки, и разведка стала с ними заниматься своими делами.

Мы тогда пошли в войска. Надо было продвигаться вперед и сделать все, чтобы ускорить это продвижение. Нас прежде всего интересовали подвижные войска Вольского, и мы поехали к ним.

Для меня делать запись по дням, в хронологическом порядке невозможно, я думаю, каждый поймет мое положение. Я хорошо помню сейчас только общую картину и отдельные события.

Операция продолжалась успешно. Наши войска двигались вперед, и мы буквально, как говорится, наслаждались плодами победы наших войск. Трудно передать словами, какая была радость и как мы переживали. Я особенно радовался. Впервые за всю войну мы успешно прорвали фронт и успешно развиваем наступление. Мы разгромили все, что было перед нами, и почти не имеем сопротивления при продвижении наших войск.

Не помню, на третий или на четвертый день наступления мы завершили боевые действия и решили задачу, которая стояла перед нами, — наши танковые войска пришли в Советский. Тем самым мы вышли к Дону, а Ватутин спустился по Дону в Советский или в Калач. Там у нас должна была быть встреча. Мы с Поповым приехали туда.

Я говорю не точно. Другие генералы, которые участвовали в этой операции, точнее в своих воспоминаниях, потому что они, когда писали, пользовались, наверное, материалами Генерального штаба. А это официальные документы, где можно восстановить все по времени, как развивались события.

Мы приехали с Поповым к командиру танкового корпуса войск Юго-Западного фронта, ватутинских войск. Командовал этими войсками знакомый мне генерал Кравченко. Я потом с ним не раз встречался во время и после войны. Сейчас он умер. Здоровый такой, крепкий мужчина. Казалось, ему износа нет, а он умер.

Действовал он тогда хорошо.

Когда мы зашли в помещение, которое он занимал, он сказал, что плохо себя чувствует, болен. Грипп, что ли, у него был, но на ногах. Мы поздравили друг друга и вместе порадовались, что наши фронты сомкнулись. Вот первая встреча.

Он предложил: «За радость нашей встречи давайте разопьем бутылку шампанского. У меня есть трофейное, французское».

Ну, мы говорим: «Давайте».

Открыли шампанское. Выпили по бокалу, и больше ничего не пили не потому, что желания не было, а потому что, наверное, отсутствовали «средства» для того, чтобы не только бутылкой шампанского отпраздновать соединение войск Сталинградского и Юго-Западного фронтов.

Кравченко ко мне обратился: «Товарищ Хрущев, примите от меня подарок в память о встрече. Немецкий кортик. Правда, он с немецкой свастикой, но свастика эта теперь побита. Этот сувенир будет вам напоминать о нашей встрече».

Я говорю: «Хорошо, я возьму. У меня сын маленький есть, я ему перешлю. Это будет вещественное доказательство, что немцев бьют наши войска, и хороший подарок».

Мы недолго у Кравченко были.

Взаимно проинформировали друг друга о положении дел: какое — на нашем участке и какое — у Кравченко. Положение было хорошее. Мы не чувствовали какой-нибудь угрозы. Мы своего противника разгромили и не знали, что противник еще подтянет и с чем мы встретимся. Но это будет потом. А в данном случае мы выполнили блестяще свою задачу.

Кравченко тоже сказал, что он, как говорится, промаршировал по правому берегу Дона и сопротивления большого не встретил. Тылы у противника довольно жидкие и войсками не обеспечены.

Но теперь встала задача удержать и разгромить врага. Тогда в этот вечер мы решили с Поповым вернуться уже не в штаб 51-й армии, а в штаб Толбухина. Во-первых, он был ближе к Советскому. Да и 51-й армией задача была решена, войска противника были разгромлены, взяты в плен, и впереди не маячило опасности со стороны немцев.

А здесь Сталинград. Здесь главные силы противника. Сейчас главным направлением становилось толбухинское.

Мы уже поняли, что, раз окруженные войска не пытались прорваться на юг, значит, было указание Гитлера не оставлять Сталинграда, а ждать, когда к ним придет помощь с юга, будет прорвано кольцо и восстановлено положение, которое было до окружения этих войск. Мы этого не знали точно, но по действиям противника видели, что именно такое решение принято.

Следовательно, нужно было ожидать удара с юга и с запада. Но с запада то, что могло прийти, уже было за Доном. Эта задача ложилась на плечи Юго-Западного фронта. Наша обязанность была прикрыться с юга с тем, чтобы войска, брошенные на помощь Паулюсу, не смогли прорваться.

На этом участке фронта в направлении Котельникова действовали 51-я армия, кавалерийский корпус Шапкина, механизированный корпус Вольского и другие части. Я несколько раз выезжал в эту группу войск, потому что там сложилась тяжелая обстановка. Мы тогда знали, по данным разведки, что Манштейн командует группой, которая идет на освобождение окруженной группировки. Он начал нас теснить. Его части находились уже примерно в 45—50 километрах от переднего края войск Паулюса.

В первые дни после окружения противника у Толбухина настолько было мало войск, что создался совершенно обнаженный участок фронта в 6 или 7 километров. Там ничего не было. Но в результате неправильной директивы, которая была дана Гитлером, директивы, которая обрекала окруженные войска на бездействие, на ожидание помощи, противником была упущена возможность прорыва. Если бы Паулюс, как он хотел, ударил на юг, то он, безусловно, имел бы возможность прорваться на юге Сталинградского фронта. Удержать Паулюса мы не могли.

Но, как говорится, не было бы счастья, да глупость Гитлера помогла. Он обрек на бездействие эту сильную и по вооружению, и по численности войск группировку. Они сидели и ждали, а в это время нами, конечно, принимались меры по уплотнению кольца.

С наступлением сумерек мы наблюдали, как немецкие грузовые самолеты летели с грузами для Паулюса. Они летели волнами, как на парадах. Работала наша зенитная артиллерия против этих самолетов. Я наблюдал и огорчался: очень низкий был коэффициент попадания. В первый день я видел, как было сбито только два самолета. Во второй день сбили тоже очень мало.

Когда допрашивали пленных, меня интересовало, что они возят, какие грузы. Что это — питание для солдат? Вооружение? Горючее? Снаряды и патроны?

Оказалось, и то, и другое — всего понемножку возили.

Потом уже, когда наши войска продвинулись дальше, они не могли садиться, тогда они имели возможность сбрасывать грузы на парашютах. Но это было значительно позже.

С течением времени противник стал наращивать свой нажим из Котельникова в направлении Сталинграда. Наши войска вели упорные бои, и мы несли большие потери.

Я несколько раз выезжал туда. На этот участок мы послали за старшего, который объединял бы все усилия на месте, начальника штаба генерала Захарова. Это направление стало нас беспокоить, потому что мы все пятились к Сталинграду. Была реальная угроза, что Манштейн может прорваться.

К этому времени мы получили сообщение, что нам передается 2-я гвардейская армия под командованием Малиновского. Я Малиновского знал и высоко ценил его. Мы с командующим очень обрадовались этому известию и стали ждать, когда придет эта армия. Она скоро пришла в наше распоряжение, и мы сейчас же ее направили против Манштейна. Это была внушительная сила — свежая, крепкая, обученная и хорошо вооруженная молодежь.

В армии было три корпуса пехоты. В составе каждого корпуса — три дивизии и танковый полк. 22 или 24 танка в составе полка. Это по тому времени была большая сила. Одним словом, полная армия.

Армия вступила в соприкосновение с войсками Манштейна. Завязались упорные бои, и противник был остановлен. Его стали теснить.

Большую часть времени я проводил в Верхне-Царицынском, а не в штабе фронта. У меня там была постоянная квартира. Я приехал туда, проинформировался об обстановке и пошел отдыхать.

Вдруг ко мне вваливается товарищ Малиновский, в бекеше, не раздеваясь. Очень взволнован. Я глянул, а у него слезы льются, как говорится, ручьем.

Я спрашиваю: «Что такое? Что случилось, Родион Яковлевич?»

«Несчастье случилось... Ларин застрелился».

Ларин — это член Военного совета 2-й гвардейской армии, генерал. Очень боевой человек.

Они были большие приятели с Малиновским. Еще перед войной вместе служили. Когда Малиновский командовал корпусом, Ларин был у него комиссаром. Малиновский всегда выпрашивал, чтобы у него или начальником политотдела, или комиссаром был Ларин.

Ларин заслуживал уважения.

Он был ранен. Я ходил к нему на квартиру. Он лежал. Рана была несерьезная. Ранен он был в ногу, и даже кость не была повреждена. Пуля задела только мякоть голени. Он лежал, разговаривал в полном сознании.

Наблюдала за ним армейский врач, женщина. Потом мне рассказывали, что перед тем, как застрелиться, он довольно весело болтал с этой женщиной-врачом.

Очень Малиновский был взволнован этим. Очень оплакивал его. Я не знал, как его успокоить.

Что вызвало такой акт? Почему генерал застрелился? Потом мне рассказал адъютант его, при каких обстоятельствах он был ранен.

Обстоятельства были непонятные. Ларин выехал на фронт и наблюдал за боем. Но он, собственно, не прикрывался. Он там расхаживал, явно искал смерти. Не было необходимости так вести себя. Он вызывал на себя огонь, маячил перед противником. Его ранило, но рана была несерьезной. И вот он застрелился.

И опять же, в чем дело? Ну, стрелялись в начале войны, когда мы отступали. А тут мы наступаем. Мы окружили Паулюса и ведем бои с Манштейном. Мы находимся, можно сказать, на переломном рубеже. Бежать уже перестали давно. Наступает новый этап в наших военных операциях против противника.

2-я гвардейская армия, где он был членом Военного совета, сильная, крепкая армия, которая упорно ведет бои с Манштейном. И вдруг он стреляется.

Оставил он документы, записку. Записка тоже очень странная. Я сейчас точно не могу воспроизвести ее содержание. Но смысл такой, что он кончает жизнь самоубийством и — да здравствует Ленин! Подписался: «Ларин».

Эту записку мы сейчас же отправили в Москву. Начальником Политуправления тогда был Щербаков. Нехорошо плохо говорить о мертвых. Это партийный работник. Много лет он находился в составе кадров уровня секретаря обкома. Я только потом узнал его неприятный характер, когда он получил эту записку. Он стал обыгрывать ее. Я не знаю даже, какую цель он преследовал. Ларин ведьуже застрелился.

Не то он досаждал Малиновскому — ярил злобой Сталина. Не то копал против Малиновского и против меня, как члена Военного совета фронта, на котором произошел такой случай.

Меня сейчас же вызвали в Москву. Тут очередной многочасовой обед у Сталина со всеми, так сказать, приложениями за обедом. И питейные дела, и тут же разбор событий, которые произошли за эти сутки.

Сталин спрашивает меня: «Кто такой Малиновский?»

Я говорю: «Не раз вам докладывал о Малиновском. Малиновский — это известный генерал, который командовал корпусом в начале войны. Потом командовал армией. Потом командовал Южным фронтом. У него были там неудачи, вы же знаете».

Сталин знал, что фронт был обойден противником и развалился. Противник легко захватил Ростов. За это Малиновский был освобожден и переведен в тыл. Он там формировал 2-ю гвардейскую армию.

Припомнили, где был Ларин, как Малиновский просил этого Ларина. Как он добился, чтобы ему уступили.

Нужно сказать, Щербаков был большой мастер на обыгрывание таких вещей с тем, чтобы не охладить Сталина, а, наоборот, подбросить ему то, что бы его взвинчивало и бесило.

Он понимал, что гнев против Малиновского направлен прямо или косвенно и против меня.

«Все это,— говорит Щербаков,— не случайно. Почему он не написал: «Да здравствует Сталин!», а написал: «Да здравствует Ленин!»?»

«Ну, я не могу сказать,— ответил я,— он застрелился, видимо, под влиянием психического, какого-то ненормального состояния. Если бы был он в нормальном состоянии, он не застрелился бы. Повода стреляться у него не было».

Все, казалось бы, ясно. Но нет. Щербаков жевал, растравлял рану, соли подсыпал. Мне пришлось пережить много неприятностей.

Самым выгодным для меня было сказать, что Ларин такой-сякой, разэтакий, да и Малиновский такой же. Но я был не согласен с этим, я не мог так говорить Сталину.

Сталин опять говорит: «Кто такой Малиновский?»

Я говорю: «Малиновского я знаю. И знаю его только с хорошей стороны. Я, конечно, не могу сказать, что знаю его много лет, но знаю его с начала войны. Все это время он вел себя хорошо и как человек, и как генерал».

Нависла угроза над Малиновским. И Ростов, и самоубийство — все это увязывалось в один узел.

Сталин мне сказал: «Когда вернетесь к себе на фронт, надо за Малиновским следить. Вам надо все время быть при штабе 2-й гвардейской армии. Следите за всеми его действиями, за всеми приказами и распоряжениями».

Одним словом, я отвечаю за Малиновского и за его армию. Я должен быть глазом, наблюдающим за Малиновским, от партии и Ставки.

Я говорю: «Товарищ Сталин, хорошо. Как только приеду, буду неотлучно с Малиновским».

Улетел я.

Положение сложилось такое, что штабу Сталинградского фронта управлять войсками, которые непосредственно удерживали окруженную группу Паулюса, и войсками, которые наступали на юг, на Маныч и на Ростов, было сложно. Это усложняло руководство войсками, и нам предложили разделить фронт. Предложение было из Ставки.

Не знаю, была ли это инициатива Сталина или же кого-либо из Генерального штаба. Они видели и понимали сложность, которая создалась у нас на фронте. Они предложили армии, которые стоят лицом к Паулюсу, все отдать Донскому фронту, а войска, которые направлены на юг и смотрят на запад,— Южному фронту.

Нам было жалко расставаться с такими приобретшими историческое значение соединениями, как 62-я армия, которая отразила главный удар противника, своей грудью защитила Сталинград, как 64-я армия, которой командовал товарищ Шумилов, 57-я и другие.

Эти 62-я и 64-я армии стояли, так сказать, полукольцом и отражали немецкие войска с юга, которые рвались в Сталинград, 57-я армия дралась в самом Сталинграде. Мы сжились и сроднились с этими людьми.

Когда Сталин позвонил, я сказал: «Мы это сделаем. Я считаю, что это правильно, что это в интересах дела. Так будет лучше».

Товарищу Еременко Сталин тоже позвонил. Я не знаю, как он с ним разговаривал и как он ему отвечал. Я его застал буквально в слезах. Он так плакал, и мне так жалко его стало.

Я говорю: «Ну, Андрей Иванович! Ну, что вы? Это же в интересах дела. Вы же видите, что наши армии сейчас повернулись на юг. Наша задача наступать на юг с тем, чтобы бить во фланг войск противника, которые находятся на Северном Кавказе, подпирать их к Ростову. А у Сталинграда оборона. Все здесь обречено. Противника надо только обложить, а он сам с голоду подохнет. У него ни снарядов, ни питания, ни одежды не будет».

«Товарищ Хрущев, вы не понимаете,— отвечает мне Еременко.— Вы гражданский человек. Вы, видимо, этого не понимаете, сколько мы выстрадали. Мы были обречены. Вы помните, как Сталин звонил и просил продержаться три дня. Помните, у нас целая свадьба была наехавших из Ставки, а потом их как метлой смело. Считали, что Сталинград немцы захватят, и мы были оставлены козлами отпущения. И вот теперь вы не знаете, а я знаю, я предвижу, что вся слава сталинградская перейдет Донскому фронту».

Я его успокаивал: «Самая главная слава — это победа нашего народа, нашей армии. Имеет большое значение личное удовлетворение того или другого воина, командующего войсками, но это не главное».

Я ничем не мог его убедить. Мне просто жалко было его. Он действительно много выстрадал, он много вложил сил, энергии, военного таланта, умения и напористости в нашу победу. Я не знаю, сколько в русском языке слов, пользуясь которыми можно было раскрыть значение тех усилий, которые Еременко приложил как командующий Сталинградским фронтом. Все это было правильным.

Я хотел бы, чтобы поняли, что я ни в какой степени не хочу принизить и тем более унизить достоинство Рокоссовского. Это очень талантливый военачальник и замечательный товарищ. Я мало имел с ним дела, но каждая моя встреча, соприкосновение с ним всегда оставляли самое лучшее впечатление о Рокоссовском. Но исторически, я считаю, что действительно главное было не у него. Сталинград гремел, а не Донской фронт. Ну, что же, так было. Каждый занимал свое положение.

Функции Донского фронта были другие. Если бы противник овладел Сталинградом, то он повернул бы свой удар на север. Поэтому Ставка правильно сделала, что построила там фронт и командующим назначила достойного генерала Рокоссовского.

Сейчас положение изменилось. Уже не немцы определяют направление главного удара, а мы. Мы свои войска направляем уже на юг с тем, чтобы вытолкнуть и разгромить войска, которые находятся на Северном Кавказе. Это единственно правильное решение.

Честь и почести отдадут тем войскам, которые разгромили Паулюса.

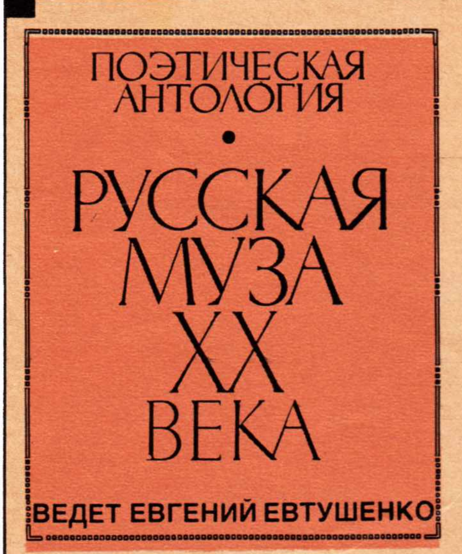
Командующему, вынесшему все тяготы обороны, хотелось самому закончить операцию. Самому пожать все лавры победы.

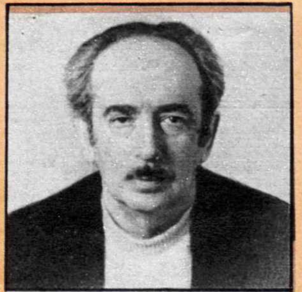
Теперь не стало Сталинградского фронта. Сталин сказал, что Сталинград имеет особое историческое значение.

Теперь остался Южный фронт Еременко, наступающий на юг, и Донской фронт, добивающий Паулюса.

Это была какая-то уступка настроениям Еременко. Но она его утешить не могла.

Так закончилась эпопея боев под Сталинградом, и начался уже другой этап войны. Этап нашего наступления, наступления на Запад.

Александр ГАЛИЧ

(1918 — 1977)

Поразителен путь Галича — от процветающего драматурга-водевилиста до «диссидента», автора песен столь крамольных, что за «хранение и распространение» их можно было жестоко поплатиться. Тем не менее хранили и распространяли. В известном смысле его песни, полные обличительного презрения, боли за всех, измученных тираниями культов личности и безличности, были восстанием не только против вождей «за семью заборами», но и против собственного искушения успехом, комфортом, богемной жизнью. «Баловень судьбы», Галич предстал человеком твердой воли, когда наконец началась травля, целью которой было заставить поэта отречься от своей поэзии. Исключенный отовсюду, он предпочел потерять гражданство, но не гражданскую совесть. Именно такой мучительный выбор ставили перед многими интеллигентами идеологические иезуиты.

Присутствие поэта в общественной ситуации 60 — 70-х годов было очень весомо: несколько поколений, шедших вслед за ним, выросло на его песнях.

Все стихотворения подборки, за исключением первого, публикуются впервые.

ОШИБКА

Мы похоронены где-то под Нарвой,
Под Нарвой, под Нарвой,
Мы похоронены где-то под Нарвой,
Мы были — и нет.
Так и лежим, как шагали, попарно,
Попарно, попарно,
Так и лежим, как шагали, попарно,
И общий привет!

И не тревожит ни враг, ни побудка,
Побудка, побудка,
И не тревожит ни враг, ни побудка,
Померзших ребят.
Только однажды мы слышим как будто,
Как будто, как будто,
Только однажды мы слышим как будто,
Вновь трубы трубят.

Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Такие, сякие,
Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Ведь кровь — не вода!
Если зовет своих мертвых Россия,
Россия, Россия,
Если зовет своих мертвых Россия,
Так значит — беда!

Вот мы и встали в крестах да в нашивках,
В нашивках, в нашивках,
Вот мы и встали в крестах да в нашивках,
В снежном дыму.
Смотрим и видим, что вышла ошибка,
Ошибка, ошибка,
Смотрим и видим, что вышла ошибка,
И мы — ни к чему!

Где полегла в сорок третьем пехота,
Пехота, пехота,
Где полегла в сорок третьем пехота,
Без толку, зазря,
Там по пороше гуляет охота,
Охота, охота,
Там по пороше гуляет охота,
Трубят егеря!

ВАЛЬС, ПОСВЯЩЕННЫЙ УСТАВУ КАРАУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Поколение обреченных!
Как недавно и, ох, как давно,
Мы смешили смешливых девчонок,
На протырку ходили в кино.

Но задул сорок первого ветер —
Вот и стали мы взрослыми вдруг.
И вколачивал шкура-ефрейтор
В нас премудрость науки наук.

О, суконная прелесть устава —
И во сне позабыть не моги,
Что любое движенье направо
Начинается с левой ноги.

А потом в разноцветных нашивках
Принесли мы гвардейскую стать
И женились на разных паршивках,
Чтобы все поскорей наверстать.

И по площади Красной, шалея,
Мы шагали — со славой на «ты», —
Улыбался нам «Он» с Мавзолея,
И охрана бросала цветы.

Ах, как шаг мы печатали браво,
Как легко мы прощали долги!..
Позабыв, что движенье направо,
Начинается с левой ноги.

Что же вы присмирели, задиры?!
Не такой нам мечтался удел.
Как пошли нас судить дезертиры,
Только пух, так сказать, полетел.

Отвечай солдат, как есть на духу!
Ты кончай, солдат, нести чепуху!
Что от Волги, мол, дошел до Белграда,
Не искал, мол, ни чинов, ни разживы,
Так чего ж ты не помер, как надо?
Как положено тебе по ранжиру?!

Еле слышно отвечает солдат —
Ну, не вышло помереть, виноват.
Виноват, что не загнулся от пули,
Пуля-дура не в того угодила,
Это вроде как с наградами в ПУРе *,
Вот и пули на меня не хватило!

Все морочишь нас, солдат, стариной!
Бьешь на жалость, гражданин строевой!
Ни деньжат, мол, ни квартирки отдельной,
Ничего, мол, нет такого в заводе,
И один ты, значит, вроде идейный,
А другие, значит, вроде Володи!

Ах, друзья ж вы мои, дуралеи, —
Снова в грязь непролазных дорог!
Заключенные параллели
Преподали нам славный урок —

Не делить с подонками хлеба,
Перед лестью не падать ниц,
И не верить ни в чистое небо,
Ни в улыбку сиятельных лиц.

Пусть опять нас тетешкает слава,
Пусть друзьями назвались враги, —
Помним мы, что движенье направо
Начинается с левой ноги!

ВАЛЬС-БАЛЛАДА ПРО ТЕЩУ ИЗ ИВАНОВА

Ох, ему и всыпали по первое...
По дерьму, спеленатого, волоком!
Праведные суки, брызжа пеною,
Обзывали жуликом и Поллаком.
Раздавались выкрики и выпады,
Ставились искусно многоточия...
А в конце, как водится, оргвыводы:
Мастерская, договор и прочее...

Он припер вещички в гололедицу,
(Все в один упрятал узел драненький)
И свалил их в угол, как поленницу,—
И холсты, и краски, и подрамники!
Томка вмиг слетала за «кубанскою»,
То да се, яичко, два творожничка,
Он грамм сто принял, заел колбаскою
И сказал, что полежит немножечко...

Выгреб тайно из пальтишка рваного
Нембутал, прикопленный заранее...
А на кухне теща из Иванова,
Ксенья Павловна, вела дознание.
За окошком ветер мял акацию,
Билось чье-то сизое исподнее...
— А за что ж его? — Да за абстракцию.
— Это ж надо! А трезвону подняли!

Он откуда родом? — Он из Рыбинска.
— Что рисует? — Все натуру разную.
— Сам еврей? — А что? — Сиди, не рыпайся!
Вон у Лидки без ноги, да с язвою...
Курит много? — В день полпачки «Севера».
— Лидкин, дьявол, курит вроде некрута,
А у них еще по лавкам семеро...
Хорошо живете? — Лучше некуда!..

— Лидкин, что ни вечер, то к приятелям,
Заимела, дура, в доме ворога...
Значит, окаянный твой с понятием:
В день полпачки «Севера» — недорого.
Пить-то пьет?
— Как все, под воскресение!
— Лидкин пьет, вся рожа окарябана!
...Помолчали, хрустнуло печение,
И, вздохнув, сказала теща Ксения:
— Ладно уж, прокормим окаянного...

25 ноября 1966 г. Переделкино

ПРИТЧА

По замоскворецкой Галилее
Шел он, как по выжженной земле.
Мимо светлых окон «Бакалеи»,
Мимо темных окон «Ателье».

Мимо, мимо булочных, молочных,
Переставших верить в чудеса...
И гудели в трубах водосточных
Всех ночных печалей голоса.

Всех тревог, сомнений, всех печалей
Старческие вздохи, детский плач...
И осенний ветер за плечами
Поднимал, как крылья, легкий плащ.

Мелкий дождик капал с небосвода,
Светом фар внезапно озарен...
Но уже он видел, как с восхода
Через Юго-Западный район,

Мимо показательной «Аптеки»,
Мимо «Гастронома» на углу
Потекут к нему людские реки,
Понесут признанье и хвалу.

И не ветошь века, не обноски —
Он им даст начало всех начал...
И стоял слепой на перекрестке,
Осторожно палочкой стучал.

И не зная, что пророку мнилось,
Что кипело у него в груди,
Он сказал негромко: «Сделай милость,
Услужи, браток, переведи!..»

Пролетали фары снова, снова,
А в душе пророка все ясней
Билось то несказанное слово
В несказанной мудрости своей.

Много ль есть еще на свете истин,
Что способны потрясти сердца?..
И прошел пророк по мертвым листьям,
Не услышав голоса слепца.

И сбылось отныне и вовеки!
Свет зари прорезал ночи мглу.
Потекли к нему людские реки,
Понесли признанье и хвалу.

Над вселенской суетней мышиной
Засияли истины лучи...

А слепого, сбитого машиной,
Не сумели выходить врачи.

7 февраля 1973 г.

* ПУР — политуправление.

Женя

Фото

Н. СВИРИДОВОЙ
и Д. ВОЗДВИЖЕНСКОГО
(Москва),

В. БЕРБЕНЕЦ
(Северодвинск),

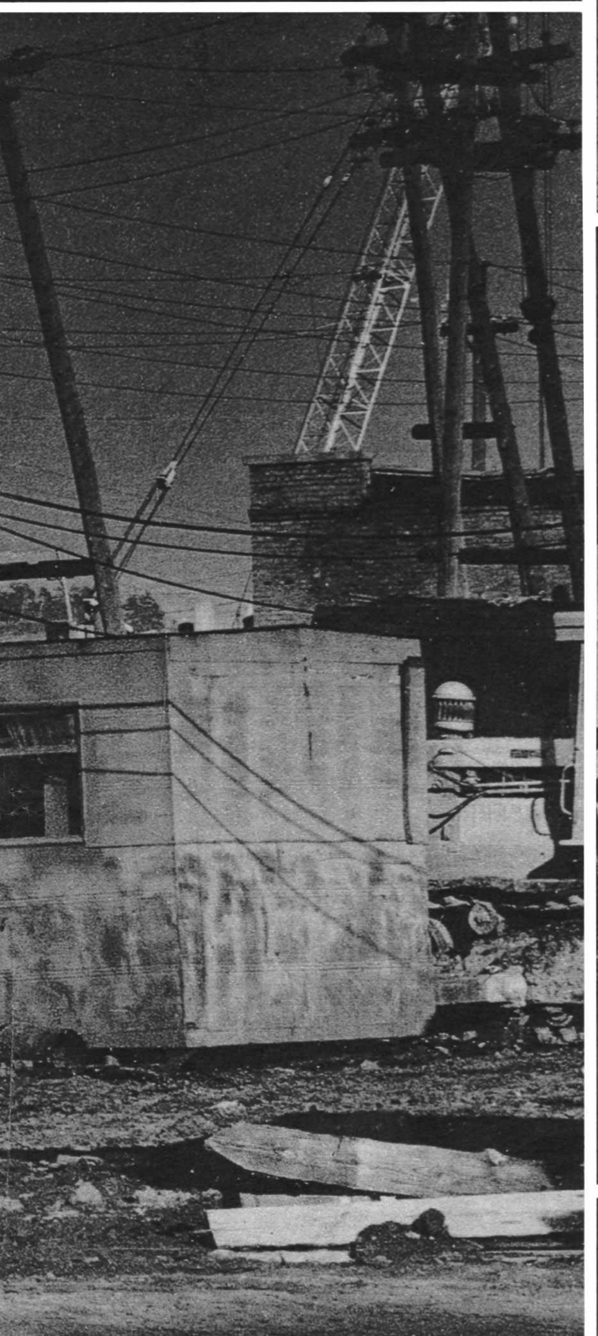
А. КНЯЗЕВА
(Иркутск),

Е. ЛУКАЦКОГО
(Киев).

ФОТОКОНКУРС

РЫЖИЙ ВЕТЕР

Рэймонд ЧАНДЛЕР

ПОВЕСТЬ

БИБЛИОТЕКА **ЗАРУБЕЖНОГО** ДЕТЕКТИВА

5

Дом был небольшой, на краю каньона, перед ним стояли кружком чахлые эвкалипты. На другой стороне улицы у кого-то шла вечеринка — из тех, когда выскакивают из дома и бьют бутылки о тротуар с воплями, словно на футбольном матче Йела против Принстона.

Я позвонил.

Она явно ждала не меня — высокая, худая, хищная брюнетка, с нарумяненными щеками, густыми черными волосами на прямой пробор, ртом, созданным для трехслойных бутербродов, в коралловой с золотом пижаме, босоножках — и с позолоченными ногтями на ногах. В мочках ее ушей легонько позвякивали от ветра миниатюрные храмовые колокольчики. Она сделала медленное презрительное движение сигаретой, вставленной в мундштук длиной с бейсбольную биту.

— Ну, что такой, молодой человек? Заблудился с интересной вечеринка напротив?

— Ха-ха,— сказал я.— Ну и веселье там, да? Нет, я просто пригнал вашу машину.

Экзотическая брюнетка и глазом не моргнула.

— Что вы сказал? — осведомилась она наконец голосом нежным, как подгоревшая корка.

— Ваша машина,— я указал через плечо, не сводя с нее глаз. Брюнетка была из тех, что пускают в ход нож.

Длинный мундштук очень медленно опустился, и из него выпала сигарета. Я наступил на нее и таким путем очутился в передней. Она попятилась, и я закрыл дверь.

В передней мерцали розовым светом лампы в железных бра. В конце висел занавес из бус, на полу — тигровая шкура. Все это к ней подходило.

— Вы мисс Колченко? — спросил я, видя, что больше ничего не дождусь.

— Да-а. Я мисс Колченко. Какой черт вам нужно?

Теперь она смотрела на меня, словно я пришел мыть окна, но в неурочное время.

Левой рукой я достал визитную карточку, протянул ей. Она прочла ее из моей руки, слегка поводя головой.

— Сыщик? — выдохнула она.

— Ага.

— Входите! Проклятый ветер сушит моя кожа, как бумага.

— Мы уже вошли,— сообщил я.— Я как раз закрыл дверь.

За занавесом из бус кашлянул мужчина. Она подскочила, словно ее укололи вилкой.

— Вознаграждение,— мягко сказала она.— Вы ждать здесь, хорошо? Десять доллар хороший оплата, нет?

— Нет,— сказал я.

Я медленно протянул к ней палец и добавил:

— Он мертв.

Она подпрыгнула фута на три и издала вопль.

Резко скрипнул стул. За занавеской из бус послышались тяжелые шаги, большая рука появилась и отдернула ее, и мы очутились в обществе крупного блондина сурового вида. Поверх пижамы на нем был лиловый халат, правая рука сжимала что-то в кармане халата. Выйдя из-за занавеса, он встал неподвижно, твердо упершись ногами в пол, выпятив челюсть; его бесцветные глаза были как серый лед. Он был похож на человека, у которого на футбольном поле мяч отобрать трудновато.

— Что случилось, дорогая? — Голос был солидный, уверенный, с чуть заметным оттенком глуповатости, как и положено парню, которому нравится женщина с золотыми ногтями на ногах.

— Я насчет машины мисс Колченко,— объяснил я.

— Для начала можно снять шляпу,— заметил он.— Для разминки.

Я снял шляпу и извинился.

— О'кей,— отозвался он, продолжая держать правую руку в глубине лилового кармана.— Значит, вы насчет машины мисс Колченко. Поехали дальше.

Я протиснулся мимо женщины и подошел к нему поближе. Она отшатнулась к стене, прижав к ней ладони.

Когда я очутился в двух метрах от рослого мужчины, он небрежно сказал:

— Я вас и оттуда слышу. Потише. У меня в кармане пистолет, и я долго учился им пользоваться. Так что насчет машины?

— Человек, который ее взял, не смог пригнать ее обратно,— сказал я и сунул карточку, которую все еще держал в руке, поближе к его лицу. Он взглянул на нее мельком. Смотрел он на меня.

— Ну и что? — спросил он.

— Вы всегда такой грозный? — осведомился я.— Или только когда в пижаме?

— Так почему он не смог пригнать ее сам? — спросил он.— И не мелите языком зря.

Женщина издала приглушенный звук где-то возле моего локтя.

— Все в порядке, котик,— сказал мужчина.— Я с этим управлюсь. Ну, дальше.

Она проскользнула мимо нас и исчезла за занавесом из бус.

Я немножко подождал. Рослый человек пальцем не шевельнул. Беспокойства в нем было заметно не больше, чем в жабе на солнце.

— Он не смог ее пригнать, потому что кто-то его прихлопнул,— сказал я.— Посмотрим, как вы управитесь с этим.

— Да? — сказал он.— Вы что, привезли его с собой для доказательства?

— Нет,— отвечал я.— Но если вы наденете галстук и цилиндр, я вас отвезу и покажу.

— Какого черта, кто вы такой?

— Я думал, может, вы читать умеете.— Я снова подержал перед ним карточку.

— Да, верно,— сказал он.— Филип Марлоу, частный расследователь. Ну-ну. Так на кого я должен ехать с вами смотреть и почему?

— Может быть, он украл машину? — предположил я.

Рослый кивнул:

— Это мысль. Может, и украл. А кто он такой?

— Темнокожий человечек, у которого в кармане были ключи от машины и который поставил ее за углом дома «Берглунд».

Он обдумал это без особого волнения.

— Что-то в этом есть,— заявил он.— Немного. Так, чуть-чуть. У полиции, наверно, бал сегодня. Вот вы за них и отдуваетесь.

— Это как?

— На карточке написано «частный сыщик»,— сказал он.— А на улице полицейские ждут, стесняются зайти?

— Нет, я один.

Он усмехнулся. От этого на загорелом лице проступили белые складки.

— Значит, вы нашли покойника, взяли ключи, нашли машину и прикатили сюда — совсем один. Без полиции. Верно?

— Правильно.

Он вздохнул.

— Зайдем-ка,— пригласил он. Отдернул занавес и дал мне пройти.— Может, у вас есть интересные идеи, стоит послушать.

Я прошел мимо, и он повернулся, держа поближе ко мне свой тяжелый карман. Только тут я заметил у него на лице капли пота. Это могло быть от горячего ветра, но я так не думал.

Мы очутились в гостиной.

Мы сели и посмотрели друг на друга. Между нами лежал темный пол, на котором несколько индейских ковров и несколько темных турецких составляли декоративную композицию с потрепанной мягкой мебелью. Еще здесь был камин, небольшое пианино, китайская ширма, высокий китайский светильник на подставке тикового дерева, а на окнах золотые сетчатые занавески. Окна, выходившие на юг, были открыты. Фруктовое дерево с выбеленным стволом размахивало ветками под ветром, внося свой вклад в шум вечеринки с той стороны улицы.

Рослый человек откинулся в гобеленовом кресле и положил ноги в домашних туфлях на скамеечку. Правую руку он по-прежнему держал там, где она находилась с момента нашего знакомства,— на пистолете.

Брюнетка маячила в тени, булькнула бутылка, и у нее в ушах звякнули храмовые колокольчики.

— Все в порядке, лапушка,— сказал мужчина.— Все под контролем. Кто-то кого-то пришиб, и этот парень считает, что нас это заинтересует. Садись и не волнуйся.

Женщина запрокинула голову и влила себе в глотку полстаканчика виски. Она вздохнула, сказала «черт» небрежным тоном и свернулась калачиком на диване. С ногами у нее все было как надо. Из полутемного угла, где она теперь затихла, мне подмигивали ее позолоченные ногти.

Я достал сигарету — при этом в меня не выстрелили,— закурил ее и стал рассказывать. Не все в рассказе было правдой, но кое-что было. Я сказал им про дом «Берглунд», и что я там живу, и что Уолдо жил там в 31-й квартире подо мной, и что по профессиональным причинам я к нему приглядывался.

— Какой Уолдо? — осведомился блондин.— И по каким профессиональным причинам?

— Мистер,— возразил я,— а у вас разве нет секретов? — Он слегка побагровел.

Я рассказал ему про бар напротив и про то, что там случилось. Про набивной жакет «фигаро» и женщину, на которой он был, я не рассказал. Я вообще не упомянул о ней ни разу.

— Я работал втихую, так было нужно,— сказал я.— Понимаете?

Он снова покраснел, прикусил губу. Я продолжал:

— В полиции я никому не сказал, что знал Уолдо. Потом, когда я решил, что сегодня вечером они не узнают, где он жил, я позволил себе осмотреть его квартиру.

— И что вы искали? — осведомился рослый человек сдавленным голосом.

— Кое-какие письма. Попутно могу сообщить, что там не оказалось ничего, кроме мертвеца. Задушенного и подвешенного на ремне к спинке стенной кровати, чтоб не бросался в глаза. Невысокий, лет сорока пяти, мексиканец или латиноамериканец, хорошо одетый, в желто-коричневом...

— Хватит,— сказал рослый.— Покупаю, Марлоу. Вы работали над делом о шантаже?

— Ага. Самое смешное, что у этого маленького смуглого человечка под мышкой был приличный револьвер.

— У него в кармане, конечно, не было пятисот долларов двадцатками? Или как?

Окончание. См. «Огонек» №№ 32, 33.

— Не было. Но у Уолдо, когда его убили в баре, было больше семисот наличными.

— Вроде недооценил я этого Уолдо,— спокойно заметил рослый.— Забрал мои откупные деньги и парня моего пришиб, несмотря на револьвер. У Уолдо было оружие?

— При нем не было.

— Дай нам выпить, солнышко,— распорядился рослый.— Да, промахнулся я с этим Уолдо на целую милю.

Брюнетка расплела ноги и подала нам два стакана с содовой и льдом. Сама она приняла еще порцию неразбавленного и снова свернулась на диване. Большие блестящие черные глаза неотрывно следили за мной.

— Будем здоровы,— сказал рослый, подняв стакан приветственным жестом.— Я никого не убивал, но теперь на меня свалится бракоразводный процесс. Вы, по вашим словам, никого не убивали, но вляпались с полицией. Вот черт! Жизнь — сплошные неприятности, куда ни кинь. У меня-то хоть есть вот это солнышко. Она из белых, русская, познакомились в Шанхае. Надежная, как сейф, а на вид глотку тебе перережет за пять центов. Это мне в ней и нравится. Получаешь обаяние, но без риска.

— Глупо говоришь,— уронила женщина.

— Вы вроде как о'кей на мой взгляд,— продолжал рослый, не обращая на нее внимания.— Ну, для легавого. Выход есть какой-нибудь?

— Ага. Но будет стоить денег.

— Так я и думал. Сколько?

— Скажем, еще пятьсот.

— Черт побрал, этот горячий ветер меня сушит, как пепел от любовь,— грустно объявила русская.

— Пятьсот — это возможно,— сказал блондин,— а что я буду за это иметь?

— Если у меня получится — про вас никто не узнает. Если нет — вы заплатите.

Он задумался. Теперь его лицо казалось морщинистым и усталым. Бусинки пота поблескивали в коротких светлых волосах.

— Об этом убийстве вам придется рассказывать,— проворчал он.— Я имею в виду, о втором. И я так и не выкупил то, что хотел. Если все будет шито-крыто, я бы выкупил прямо из первых рук.

— Кто был коричневый человечек? — спросил я.

— Его звали Леон Валесанос, он уругваец. Еще один образчик моего импорта. В моем деле приходится много ездить. Работал он в клубе Специа на «Жулик-стрит» — знаете, отрезок Сансет-бульвара рядом с Беверли Хиллз. Работал, кажется, на рулетке. Я дал ему пятьсот долларов, чтобы он пошел к этому... этому Уолдо и выкупил у него счета за товары, которые были куплены для мисс Колченко и доставлены сюда, а оплачены мной. Сглупил я, верно? Они были у меня в портфеле, и у этого Уолдо была возможность их стащить. Как, по-вашему, что там у них произошло?

Я отхлебнул из стакана.

— Возможно, ваш уругвайский приятель был глуповат, и Уолдо не захотел слушать. Тогда, наверное, уругваец решил, что маузер — самый лучший аргумент, но тут Уолдо его опередил. Я бы не сказал, что Уолдо был расчетливым убийцей. На шантажиста это не похоже. Может, он разозлился и слишком долго подержал этого парня за горло. Тогда пришлось смываться. Но у него была назначена еще одна встреча, от которой он тоже ожидал денег. Он стал прочесывать район в поисках этого человека. И случайно налетел на бывшего приятеля, который был достаточно зол и достаточно пьян, чтобы его пришибить.

— Чертовски много совпадений во всей этой истории,— сказал рослый.

— Ветер горячий,— усмехнулся я.— Все сегодня с ума посходили.

— И за мои пятьсот вы ничего не гарантируете? Если я не остаюсь в стороне, вы не получаете денег. Верно?

— Верно,— подтвердил я, улыбаясь ему.

— С ума посходили, это точно,— сказал он и осушил свой стакан.— Тут я не спорю.

— Только вот две детали,— мягко сказал я, подаваясь вперед в кресле.— Уолдо оставил возле бара, где его убили, незапертую машину с работающим мотором, чтобы удрать. Ее забрал убийца. Отсюда можно всего ожидать. Понимаете, наверно, все пожитки Уолдо были в этой машине.

— В том числе мои счета и ваши письма.

— Ага. Правда, полиция тут не будет слишком напирать, если вы им не годитесь для большой рекламы. Если нет, я как-нибудь вывернусь. Если да, тогда дело другое. Как, вы сказали, вас зовут?

Ответ заставил себя ждать. Дождавшись, я обнаружил, что вовсе не так обрадовался, как предполагал. Все сразу стало на свои места.

— Фрэнк Барсали,— сказал он.

Немного погодя русская вызвала мне такси. Когда я уезжал, вечеринка напротив уже превзошла себя. Я заметил, что стены дома еще держались. К сожалению.

Рисунки Левона **ХАЧАТРЯНА**

6

Отпирая застекленное парадное «Берглунда», я учуял полисмена. Я посмотрел на свои часы. Было почти три часа ночи. В темном углу вестибюля на стуле прикорнул человек, прикрыв лицо газетой. Здоровенные ступни он вытянул перед собой. Уголок газеты то приподнимался, то падал. Других движений человек не совершал.

Я прошел к лифту и поднялся к себе на этаж. Прокрался по коридору, отпер свою дверь, распахнул ее и протянул руку к выключателю.

Цепочка висячего выключателя звякнула, и зажегся торшер возле кресла, рядом с карточным столиком, на котором все еще были разбросаны шахматы.

Коперник сидел в кресле с неприятной застывшей усмешкой на лице. Невысокий смуглый человек, Ибарра, сидел напротив него, слева от меня, молча, со своей обычной полуулыбкой.

Коперник показал все свои желтые лошадиные зубы и сказал:

— Привет. Давненько не видались. С девушками гуляешь?

Я закрыл дверь, снял шляпу и медленно вытер затылок, снова и снова. Коперник по-прежнему усмехался. Ибарра смотрел в пространство мягкими темными глазами.

— Присаживайся, приятель,— протянул Коперник.— Располагайся как дома. Нам тут надо немного пошуровать. До чего ж я ненавижу эту ночную работенку. Ты знаешь, что у тебя выпить почти нечего?

— Догадываюсь,— сказал я. И прислонился к стене.

Коперник продолжал усмехаться.

— Всегда я ненавидел частных сыщичков,— заявил он,— но такого шанса с ними поквитаться, как сегодня, мне еще не выпадало.

Он лениво потянулся вниз, поднял с пола набивной жакет «фигаро», швырнул его на карточный столик. Снова потянулся и положил рядом широкополую шляпу.

— Здорово тебе, наверно, идут эти штучки,— сказал он.

Я взял стул, повернул его и оседлал, положил скрещенные руки на спинку и посмотрел на Коперника.

Он очень медленно встал — нарочито медленно, подошел ко мне и остановился, приглаживая пиджак. Потом поднял раскрытую правую руку и ударил меня наискось по лицу — сильно. Было больно, но я не шелохнулся.

Ибарра посмотрел на стену, посмотрел на пол, посмотрел в никуда.

— Стыдно, приятель,— лениво произнес Коперник.— Что ж ты так обращаешься с такими шикарными тряпками? Засунул под свои старые рубашки. Всегда меня от вас тошнит, мелких легашей.

Он постоял надо мной еще немного. Я молчал и не двигался. Смотрел в его стеклянные глаза пьяницы. Он сжал было кулак, потом пожал плечами, повернулся и пошел к креслу.

— О'кей,— сказал он.— Пока хватит. Где ты взял эти вещи?

— Они принадлежат одной женщине.

— Ну да. Принадлежат женщине. Ну и нахальный ты ублюдок! Я тебе скажу, какой женщине они принадлежат. Той самой, про которую парень по имени Уолдо спрашивал в баре напротив — за две минуты до того, как его пристрелили вроде бы до смерти. Про это ты как-то запамятовал, верно?

Я ничего не ответил.

— Ты сам ею интересовался,— ухмыльнулся Коперник.— Но ты оказался умником, приятель. Одурачил меня.

— Для этого не надо быть умником,— сказал я.

Лицо у него внезапно исказилось, и он начал вставать из кресла. Ибарра засмеялся неожиданно и негромко, словно на выдохе. Глаза Коперника метнулись к нему, застыли на нем. Потом он снова повернулся ко мне с лаской во взоре.

— Ты итальяшке по душе,— сообщил он.— Он считает, что ты молодец.

С лица Ибарры сошла улыбка, но на ее месте не появилось никакого выражения. Совсем никакого.

Коперник сказал:

— Ты все время знал, кто эта дамочка. Ты знал, кто такой Уолдо и где он живет. Этажом ниже, напротив. Ты знал, что этот самый Уолдо прихлопнул одного парня и собрался смываться, только эта бабенка тоже как-то входила в его планы, и он рвался с ней встретиться перед отъездом. Но не вышло. Бандит с восточного побережья по имени Эл Тессилоре позаботился об этом, убрав Уолдо. Тогда ты встретился с дамочкой, спрятал ее одежку, отослал ее домой и держал пасть на запоре. Так ваш брат себе зарабатывает на жизнь. Верно говорю?

— Ага,— сказал я.— Только все это я узнал совсем недавно. Кто такой Уолдо?

Коперник оскалился. На его желтоватых скулах горели красные пятна. Ибарра, глядя в пол, сказал очень мягко:

— Уолдо Рэтиган. Нам сообщили из Вашингтона по телетайпу. Копеечный грабитель, отсидел несколько малых сроков. В ограблении банка в Детройте был шофером. Потом выдал всех, за это с него сняли обвинение. Эл Тессилоре был из этой шайки. Он ни слова не говорит, но мы думаем, что они встретились чисто случайно.

Ибарра говорил мягким, спокойным, хорошо модулированным голосом человека, для которого все звуки имеют смысл. Я сказал:

— Спасибо, Ибарра. Курить можно — или Коперник у меня ногой вышибет сигарету?

Ибарра внезапно улыбнулся.

— Конечно, можешь курить,— сказал он.

— Нравишься ты итальяшке, точно,— издевательски протянул Коперник.— Итальяшкин вкус никогда не угадаешь, верно?

Я закурил. Ибарра взглянул на Коперника и очень мягко сказал:

— Слово «итальяшка» — ты с ним перебарщиваешь. Мне не слишком нравится, когда меня так называют.

— Плевал я, что тебе нравится, итальяшка.

Ибарра улыбнулся пошире.

— Делаешь ошибку,— сказал он. Потом вынул карманную пилку для ногтей и занялся делом, опустив глаза.

Коперник рявкнул:

— Я с самого начала в тебе гниль учуял, Марлоу. Так что, когда установили личность этой парочки, мы с Ибаррой решили заскочить, еще немножко с тобой поболтать. Я захватил карточку Уолдо из морга — хорошая работа, свет прямо ему в глаза, галстук на месте, белый платочек в кармане. Хорошая работа. По пути, на всякий случай, навестили управляющего этим домом, сунули ему фото под нос. И он узнал этого парня. Жил здесь в 31-й квартире под именем А. Хаммел. Мы — туда, а там покойничек. Начали мы с этим возиться. Никто его пока не узнал, но под ремнем у него славные синяки от пальцев, и, говорят, замечательно они подходят к пальцам Уолдо.

— Уже что-то,— заметил я.— Я думал, может, это я его убил.

Коперник уставился на меня и смотрел долго. Лицо его перестало расплываться в усмешке и стало просто грубым, жестоким лицом.

— И еще кое-что у нас есть,— сообщил он.— Теперь у нас есть машина Уолдо — и все то, что он собирался забрать с собой.

Я выдохнул дым рывками. Ветер колотился в закрытые окна. Воздух в комнате был спертым.

— И мы умные,— ухмыльнулся Коперник.— Правда, от тебя такого нахальства не ожидали. Погляди-ка.

Он запустил костлявую руку в карман пиджака, медленно достал что-то, перетянул через край карточного столика, по зеленому сукну и оставил лежать — поблескивающее, растянутое во всю длину. Нитка белого жемчуга с застежкой в форме пропеллера. Жемчуг слабо мерцал в густом дымном воздухе.

Ожерелье Лолы Барсали. Жемчуга, которые ей подарил летчик. Парень, который погиб, которого она до сих пор любит.

Я смотрел на них, не шевелясь. После долгой паузы Коперник сказал, почти печально:

— Красивые, верно? Ну, не хотите нам ничего рассказывать, мистер Марлоу?

Я встал, оттолкнул от себя стул, медленно прошел по комнате и остановился, глядя на жемчуг. Самая крупная бусина была, вероятно, треть дюйма в диаметре. Они были чисто белые, переливчатые, налитые. Я медленно поднял их со столика, где они лежали рядом с ее вещами. На ощупь они были тяжелые, гладкие, нежные.

— Красивые,— сказал я.— Сколько из-за них беды. Да, теперь я буду говорить. Они стоят, наверно, кучу денег.

Позади засмеялся Ибарра. Смех был очень деликатный.

— Около ста долларов,— сказал он.— Отличная подделка — но все-таки подделка.

Я снова приподнял нитку. Коперник злорадно пожирал меня стеклянными глазами.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

— Разбираюсь в жемчуге,— ответил Ибарра.— Эти хорошего качества — женщины очень часто такие заказывают для безопасности. Но они скользкие, как стекло. Настоящие жемчужины шероховатые — попробуй на зуб.

Я прикусил две-три бусины и подвигал их зубами — взад-вперед, потом вбок. Не слишком вгрызаясь. Они были твердые и скользкие.

— Вот так. Очень хорошие,— повторил Ибарра.— На нескольких даже есть выпуклости и плоские места, как на настоящих.

— А были бы они настоящие — стоили бы они пятнадцать тысяч? — спросил я.

— Si. Возможно. Трудно сказать. Это от многого зависит.

— Ловкач был этот Уолдо,— заметил я.

Коперник вскочил, но я не заметил, как он размахнулся. Я все еще смотрел на жемчуг. Удар кулаком пришелся мне по лицу, сбоку, там, где коренные зубы. Я сразу ощутил вкус крови. Пошатнулся и притворился, что удар сильнее, чем был на самом деле.

— Садись и рассказывай, сволочь! — почти прошептал Коперник.

Я сел, прижав к щеке платок. Полизал ранку внутри рта. Потом встал, подошел и подобрал сигарету, которую он вышиб. Раздавил ее в пепельнице и снова сел.

Ибарра подпиливал ногти и поднес один из них к свету. На бровях у Коперника, во внутренних уголках, были капельки пота.

— Вы нашли бусы в машине Уолдо,— сказал я, глядя на Ибарру.— Бумаги какие-нибудь нашли?

Он покачал головой, не поднимая глаз.

— Тебе, пожалуй, поверю,— сказал я.— Ну, так вот. Я в жизни не видел Уолдо, пока он не вошел сегодня вечером в бар и не спросил про девушку. Я ничего от вас не скрыл. Когда я вернулся домой и вышел из лифта, эта девушка, в набивном жакете «фигаро», широкополой шляпе и синем платье шелкового крепа — все, как он описал,— ждала лифта здесь, у меня на этаже. И на вид казалась приличной девушкой.

Коперник издевательски хохотнул. Мне это было все равно. Он у меня вот где был. Надо было только довести это до его сведения. Сейчас, очень скоро, он это узнает.

— Я знал, с чем ей придется столкнуться, если она станет свидетелем от полиции,— продолжал я.— И подозревал, что за этим что-то еще кроется. Но ни на минуту не подозревал ее в чем-нибудь таком. Просто славная девушка попала в переделку — к тому же даже не понимала, что она в беде. Я привел ее сюда. Она навела на меня пистолет. Но стрелять не собиралась.

Коперник внезапно сел прямо и стал облизывать губы. Теперь лицо у него сделалось каменное. Как мокрый серый камень. Он не проронил ни звука.

— Уолдо раньше служил у нее шофером,— продолжал я.— Звали его тогда Джозеф Котс. Ее зовут миссис Фрэнк Барсали. Ее муж — крупный инженер-гидроэлектрик. Эти жемчуга ей подарил один парень, а она сказала мужу, что это дешевая подделка из магазина. Уолдо как-то разнюхал, что у них была любовь, и когда Барсали вернулся из Америки и выгнал его, потому что слишком он был смазлив, прихватил жемчуг с собой.

Ибарра внезапно поднял голову, блеснули зубы.

— То есть он не знал, что они поддельные?

— Я-то думал, что он сбыл настоящие и изготовил фальшивые,— сказал я.

Ибарра кивнул.

— Возможно.

— Он прихватил и еще кое-что,— сказал я.— Бумаги из портфеля у Барсали, из которых было видно, что он содержит любовницу в Брентвуде. Он шантажировал обоих — мужа и жену, а они ничего не знали друг о друге. Пока понятно?

— Понятно,— процедил Коперник хрипло, не разжимая губ. Лицо у него было по-прежнему, как сырой серый камень.— Вали дальше, черт бы тебя побрал.

— Уолдо их не боялся,— сказал я.— Не скрывал, где живет. Это было глупо, но раз уж он пошел на риск, избавляло от лишней мельтешни. Сегодня девушка приехала сюда с пятью тысячами, чтобы выкупить свой жемчуг. Она не нашла Уолдо. Поднялась сюда, а потом этажом выше, чтобы спуститься на лифте. Женское представление об осторожности. Так мы и встретились. Так я и привел ее к себе. Она и была в гардеробной, когда явился Эл Тессилоре, чтобы убрать свидетеля.— Я указал на дверь в гардеробную.— Она вышла со своим пистолетиком, ткнула его Элу в спину и спасла мне жизнь.

Коперник не шелохнулся. Теперь в лице у него было что-то жуткое. Ибарра вложил пилку в кожаный футлярчик и медленно засунул его в карман.

— Это все? — мягко спросил он.

Я кивнул.

— Только еще — она сказала мне номер квартиры Уолдо, и я отправился туда искать жемчуг. А нашел мертвеца. В кармане у него были новые ключи от машины в футляре из магазина «Паккард». А на улице я нашел «паккард» и отвез его владельцу. Любовнице Барсали. Барсали послал сюда друга из клуба «Специя» чтоб выкупить, а тот попытался выкупать это не за деньги, которые ему дал Барсали, а с помощью револьвера. Но тут Уолдо оказался проворнее.

— Это все? — тихо спросил Ибарра.

— Все,— ответил я, зализывая изнутри порванную щеку.

Ибарра медленно осведомился:

— Чего ты хочешь?

Лицо Коперника исказилось, и он хлопнул себя по длинной твердой ляжке.

— Нечего сказать, молодец этот парень,— пролаял он.— Покупается на бабу и нарушает все до единого законы. А ты спрашиваешь, чего он хочет? Я ему выдам, чего он хочет, итальяшка!

Ибарра медленно повернул голову и взглянул на него.

— Не думаю,— сказал он.— Думаю, что ты ему можешь выдать только справку о состоянии здоровья и все, чего он захочет, в придачу. Он преподал тебе урок полицейской работы.

Коперник не шевелился и не издавал звуков целую минуту. Никто из нас не шевелился. Потом Коперник наклонился вперед, и пиджак у него распахнулся. Из кобуры под мышкой выглядывала рукоятка служебного револьвера.

— Так чего ты хочешь? — спросил он у меня.

— Забрать то, что лежит на столе. Жакет, шляпу и поддельный жемчуг. И чтобы некоторые фамилии не попали в газеты. Это как, слишком?

— Да, слишком,— сказал Коперник почти ласково. Он качнулся вбок, и револьвер сам собой впрыгнул ему в руку. Он уперся локтем в ляжку и направил револьвер мне в живот.

— Мне больше подойдет, если ты получишь пулю в кишки при сопротивлении аресту,— сообщил он.— Подойдет больше из-за моего рапорта — как я задержал Эла Тессилоре. Из-за моих фотографий, которые сейчас появятся в утренних газетах. Мне больше подойдет, чтобы ты не дожил до того дня, когда тебе вздумается над этим позубоскалить.

Во рту у меня внезапно стало жарко и сухо. Издали доносились порывы ветра. Они звучали, как выстрелы.

Ибарра подвигал ногами по полу и холодно сказал:

— Оба твоих дела теперь раскрыты и кончены, лейтенант. Все, что от тебя за это просят,— оставить здесь это барахло и не называть газетчикам коекаких имен. То есть не называть их прокурору. Если он сам их узнает.

Коперник сказал:

— Мне больше нравится по-другому.— Синеватый пистолет у него в руке был словно каменный.— И не надейся на бога, если ты меня в этом не поддержишь.

Ибарра заметил:

— Если эту женщину вытащат на свет божий, выяснится, что ты подал фальшивый рапорт и обманул собственного напарника. Через неделю в полиции твое имя и упоминать перестанут — от него всех будет тошнить.

Раздался щелчок, и я увидел, как палец Коперника скользнул дальше вокруг курка.

Ибарра встал. Револьвер метнулся на него. Он произнес:

— Сейчас посмотрим, какие итальяшки трусы. Положи револьвер, Сэм.

Он двинулся вперед. Сделал четыре ровных шага. Коперник не двигался и не дышал, словно каменная статуя.

Ибарра сделал шаг, и внезапно револьвер затрясся.

Ибарра ровно сказал:

— Убери его, Сэм. Если ты не потеряешь голову, все останется, как было. Если потеряешь — тебе конец.

Он сделал еще шаг. У Коперника широко открылся рот, он глотнул воздух, а потом обмяк в кресле, словно его ударили по голове. Веки у него поникли.

Ибарра выхватил у него револьвер движением таким быстрым, словно это было вовсе и не движение. Он быстро отступил, держа револьвер в опущенной руке.

— Это все горячий ветер, Сэм. Забудем об этом,— произнес он все тем же ровным, почти изысканным тоном.

Плечи у Коперника дрогнули, и он зарылся лицом в ладони.

— О'кей,— выговорил он сквозь пальцы.

Ибарра неслышно пересек комнату и открыл дверь. Он посмотрел на меня ленивыми, полуприкрытыми глазами.

— Я бы тоже много сделал для женщины, которая спасла мне жизнь,— сказал он.— Покупаю твой рассказ, но как полицейскому он, конечно, мне не нравится.

Я сказал:

— Человечка, висевшего на кровати, зовут Леон Валесанос. Он был крупье в клубе «Специя».

— Спасибо,— откликнулся Ибарра.— Пошли, Сэм.

Коперник тяжело поднялся, прошел по комнате и исчез за дверью и из моей жизни. Ибарра переступил вслед за ним через порог и стал закрывать дверь.

Я сказал:

— Подожди-ка.

Он медленно повернул голову, держа левую руку на ручке. В правой у него болтался синеватый револьвер.

— Я это не ради денег сделал,— сказал я.— Барсали живут на Фремонтплейс, дом 212. Можешь отвезти ей жемчуг. Если имя Барсали не попадет в газеты, я получу пять сотен. Они пойдут в Фонд полиции. Я вовсе не такой хитрый, как ты думаешь. Просто так все вышло — и у тебя напарник оказался сволочь.

Ибарра взглянул от двери на жемчуг, лежавший на столике. Глаза у него блеснули.

— Забирай их,— сказал он.— Пять сотенных — неплохо. Фонду пригодятся.

Он тихо прикрыл дверь, и через секунду я услышал, как хлопнула дверца лифта.

7

Я открыл окно, высунул голову на ветер и смотрел, как полицейская машина выезжает из квартала. Ветер дул сильно — ну и пусть его. Со стены упала картинка, с карточного столика скатились две шахматные фигуры. Жакет «фигаро» Лолы Барсали приподнялся и затрепетал.

Я сходил в кухню, выпил виски, вернулся в гостиную и позвонил ей, несмотря на поздний час.

Она подошла к телефону сама, очень быстро, и голос был совсем не сонный.

— Марлоу,— сказал я.— У вас все в порядке?

— Да... да,— отвечала она.— Я одна.

— Я кое-что нашел,— сообщил я.— Вернее, не я, а полиция. Но ваш брюнетик вас надул. У меня тут нитка жемчуга. Поддельного. Наверное, он продал настоящий, а для вас заказал фальшивый, с вашей застежкой.

Она долго молчала. Потом спросила слабым голосом:

— Их нашла полиция?

— В машине Уолдо. Но они никому не скажут. Мы заключили сделку. Просмотрите утром газеты и поймете, какую.

— Больше, наверное, не о чем говорить,— сказала она.— Можно мне получить застежку?

— Да. Можете встретиться со мной завтра в четыре в баре клуба «Эсквайр»?

— Вы в самом деле очень добры,— произнесла она обессиленным голосом.— Могу. Фрэнк все еще на совещании.

— Ох уж эти совещания,— заметил я. Мы попрощались.

Я позвонил по номеру в западной части Лос-Анджелеса. Он был все еще там, у русской.

— Утром можете послать мне чек на пятьсот долларов,— сообщил я ему.— Сразу можете указать, что это в Фонд помощи полиции. Потому что деньги пойдут туда.

Коперник попал в утренние газеты на третью полосу — два фото и приличных полстолбца текста. Смуглый человечек из квартиры 31 не попал в газеты вовсе. У Ассоциации домовладельцев тоже хорошие связи.

Я вышел на улицу после завтрака, и ветра больше не было. Было мягко, прохладно, слегка туманно. Небо было низкое, уютное и серое. Я доехал до бульвара, выбрал там лучший ювелирный магазин и выложил нитку жемчуга на черный бархат под голубоватой лампой. Человек в тугом воротничке и полосатых брюках бросил на нее апатичный взгляд.

— Насколько они хороши? — осведомился я.

— Извините, сэр. Не оцениваем. Могу дать адрес оценщика.

— Не разыгрывайте меня,— сказал я.— Это фальшивка.

Он поправил лампу, наклонился и повертел в пальцах бусы.

— Мне нужна точно такая нитка, с этой застежкой, и быстро,— сказал я.

— Как это точно такая? — Он не поднял головы.— Это все-таки богемское стекло.

— О'кей, можете вы сделать дубликат?

Он покачал головой и оттолкнул бархатную подставку, словно боялся запачкаться.

— Может быть, через три месяца. У нас в стране такого стекла не выдувают. Если хотите точно такие — по меньшей мере три месяца. А наша фирма вообще этим не занимается.

— Здорово, наверное, быть таким разборчивым,— сказал я. Под его черный рукав я подложил свою карточку.— Дайте мне адрес, где сделают, и не через три месяца, и, может быть, не точно такие.

Он пожал плечами, ушел с карточкой, вернулся через пять минут и отдал ее обратно. На обороте было что-то написано.

У старого левантинца лавка находилась на авеню Мелроз — лавка старьевщика, где в витрине было выставлено все: от детской складной коляски до французского охотничьего рога, от перламутрового лорнета в выцветшем плюшевом футляре до одного из этих шестизарядных специальных пистолетов сорок четвертого калибра, что все еще изготовляются для полисменов с Запада, у которых дедушки были опасные парни.

Старик левантинец был при ермолке, двух парах очков и окладистой бороде. Он обследовал мой жемчуг, грустно потряс головой и заявил:

— За двадцать долларов, почти такие же. Не совсем такие, вы же понимаете. Стекло будет похуже.

— Как они будут на вид?

Он развел крепкими сильными руками.

— Скажу вам правду. Даже младенец, и тот разберется.

— Делайте,— велел я.— С этой же застежкой. А эти мне, конечно, вернете.

— Ага. В два часа,— обещал он.

Леон Валесанос, смуглый маленький уругваец, попал в дневные газеты. Его нашли повешенным в квартире, номер которой не указывался. Полиция вела расследование.

В четыре часа я вошел в длинный прохладный бар клуба «Эсквайр» и стал искать нужную кабинку, пока не нашел ту, где в одиночестве сидела женщина. На ней была шляпа вроде неглубокой обеденной тарелки с очень широким краем, коричневый костюм со строгой блузкой мужского покроя и галстуком.

Я сел рядом и подвинул к ней по сиденью небольшой пакет.

— Не открывайте,— сказал я.— Собственно, можете сразу сжечь это с мусором, если хотите.

Она взглянула на меня усталыми темными глазами. В пальцах она вертела тонкий стакан, от которого пахло мятой.

— Спасибо.— Она была очень бледна.

Я заказал виски с содовой, и официант отошел.

— Читали газеты?

— Да.

— Теперь поняли насчет этого Коперника, который украл ваш эстрадный номер? Поэтому-то они ничего не меняют в его рассказе и не привлекают вас.

— Теперь это уже не важно,— сказала она.— Все равно, спасибо вам. Можно... можно мне на них посмотреть?

У себя в кармане я вытащил нитку жемчуга из папиросной бумаги и подвинул к ней через стол. Серебряная застежка-пропеллер мигнула в свете бра. Мигнул и бриллиантик. Жемчужины были тусклые, как белое мыло. Они даже по размеру не совпадали.

— Вы были правы,— безжизненно сказала она.— Это не мой жемчуг.

Подошел официант с моим виски, и она поспешно поставила на них сумку. Когда он отошел, она еще раз медленно перебрала их, уронила в сумку и улыбнулась мне сухой и вялой улыбкой.

— Как вы сказали, я оставлю себе застежку.

Я медленно произнес:

— Вы ничего обо мне не знаете. Вчера вы спасли мне жизнь, и между нами было что-то, но всего на секунду. Вы по-прежнему ничего обо мне не знаете. В полицейском участке в центре есть сыщик по имени Ибарра, симпатичный итальянец, который нашел жемчуг в чемодане Уолдо. Это на случай, если вы захотите проверить...

Она сказала:

— Не говорите глупостей. Все кончено. Это было воспоминание. Я слишком молода, чтобы жить воспоминаниями. Может быть, все к лучшему. Я любила Стэна Филипса, но его нет... давно нет.

Я смотрел на нее, не отвечая.

Она спокойно добавила:

— Сегодня утром мой муж сообщил мне одну новость. Нам придется расстаться. Так что у меня сегодня мало поводов для смеха.

— Мне очень жаль,— неуклюже произнес я.— Что здесь скажешь. Может быть, мы еще увидимся. Может быть, и нет. Я редко вращаюсь в ваших кругах. Желаю удачи.

Я встал. Мы мгновение смотрели друг на друга.

— Вы не притронулись к своему виски,— сказала она.

— Выпейте вы. А то от этой мятной штуки вам станет плохо.

Я постоял еще немножко, положив руку на стол.

— Если у вас будут неприятности,— сказал я,— дайте мне знать.

Я вышел из бара, не оглянувшись, сел в машину и поехал по Сансету к берегу. По пути повсюду в садах было полно почерневшей, увядшей листвы и цветов, сожженных горячим ветром.

Но океан был на вид спокойный, прохладный и такой же, как всегда. Я доехал почти до Малибу, остановился, вышел и сел на большой камень за чьим-то проволочным забором. Прилив только начался. Пахло водорослями. Я немножко поглядел на воду, потом достал из кармана нитку поддельного жемчуга из богемского стекла, отрезал узелок на конце, и жемчужины по одной соскользнули с нитки.

Держа их в левой руке, я еще немного посидел и подумал. Думать, собственно, было не о чем. В этом я был уверен.

— Посвящается памяти мистера Стэна Филипса,— сказал я вслух.— Любителя пускать пыль в глаза.

Я стал швырять жемчужины одну за другой в чаек, качавшихся на воде.

Они давали маленькие всплески, и чайки поднимались с воды и пикировали на эти всплески.

Перевела с английского
М. ШАТЕРНИКОВА.

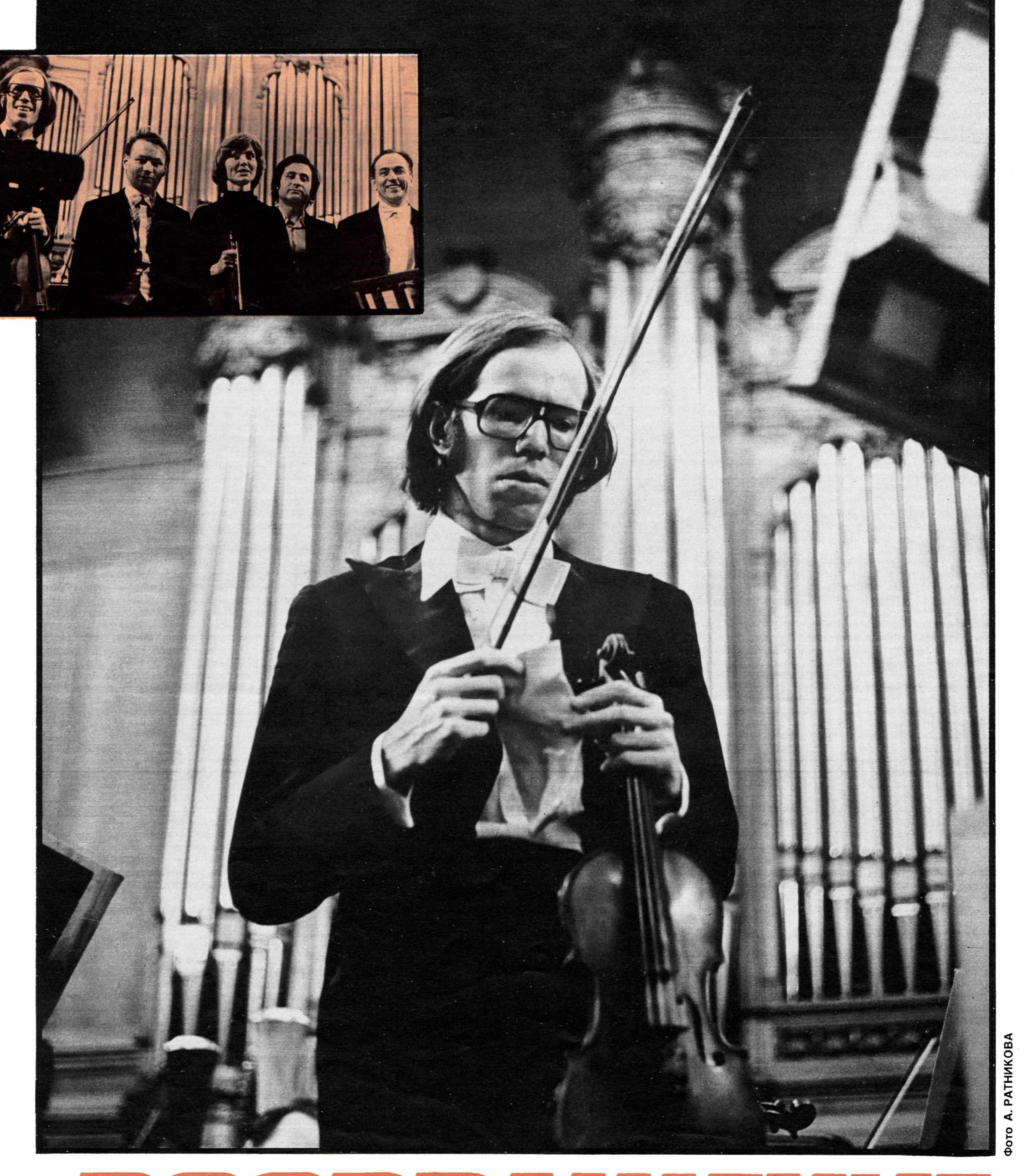

Фото А. РАТНИКОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В странах Западной Европы, в Америке рассказывать любителям музыки, кто такой Гидон Кремер, нет необходимости. Неизменный успех гастролей, огромное число грамзаписей с лучшими мировыми оркестрами, дирижерами сделали его в современной музыкальной жизни звездой первой величины. Но советскому слушателю напомнить об этом исполнителе необходимо. Ведь вот и в «Советской культуре», которой уж все о музыке знать положено, он назван бывшим нашим соотечественником, ныне проживающим в ФРГ, хотя советского гражданства его не лишали и он никогда от него не отказывался.

Гидон Кремер родился в 1947 году в Риге. Его родители — профессиональные музыканты-скрипачи — играли в Рижском симфоническом оркестре. В Европе было широко известно мастерство шведского скрипача Карла Брюкнера — деда Гидона, который жил в Германии. После захвата власти нацистами Брюкнер с семьей эмигрировал в Эстонию, позднее в Латвии он стал профессором консерватории. Первым учителем юного Кремера — строгим, бескомпромиссным — был отец. Затем музыкальная школа в Риге. Гидон и сам себе искал учителей — в Ленинграде, Москве. С 1965 года он стал учеником Давида Ойстраха.

Признание пришло очень быстро: лауреатство в Брюсселе, Монреале, Генуе, блистательная победа на конкурсе имени Чайковского в 1970 году. Можно бы успокоиться, расслабиться, вкусить заслуженных благ. Но для Гидона возможна лишь жизнь — и личная, и творческая — «на пределе»: риск, движение в неизвестность для него способ существования.

К тому же постоянное исполнение опальных соотечественников — Шнитке, Губайдулиной, «сомнительных» зарубежных авторов, никакого пиетета перед феодалами от музыкального мира, чиновниками от культуры. Наоборот, он постоянно говорит, что надоело иметь дело с некомпетентными, бесполезными для искусства людьми.

Такое поведение, естественно, не могло оставаться безнаказанным. Гидону пришлось бороться за право выступать и на родине, не лишать его права быть советским артистом в наказание за столь естественное для талантливого человека стремление расширить масштаб своей творческой судьбы, поработать с выдающимися музыкантами, самому решать, что, где и когда играть.

Отлучение Кремера длилось 10 лет. И вот три концерта в Москве: первый с оркестром Юрия Башмета, два других с Мартой Аргерих — швейцарской, западногерманской, аргентинской (кто разберется какой, в афише и то запутались) пианисткой. Затем участие в фестивале из произведений Шнитке в Горьком, где он выступил на заключительном концерте. И, наконец, Ленинград, где он с Темиркановым играл Сибелиуса.

После этого концерта в три часа ночи (назавтра уже зарубежные гастроли) в номере гостиницы «Москва» Гидон КРЕМЕР отвечал на вопросы Леонида ГОЛЬДИНА.

— Есть ли у вас слушатель или ваш собеседник — весь концертный зал?

— Я думаю, что нельзя любить все человечество: когда собеседник — весь концертный зал, то, наверное, видишь только себя в глазах всего зала, любуешься собой, что считаю опасным. Мой слушатель — это собеседник, как и в жизни, человек близкий, тебя понимающий, человек, с которым говоришь на одном языке — с полной отдачей, с дерзанием, с поиском.

И притом мой слушатель существует везде, на разных континентах, и обычно замечаешь его именно по особой тишине в зале, и, когда слышишь эту тишину, появляется возможность находить путь к максимальному воплощению образа партитуры. Поэтому я не различаю залов или разноязычную публику и не хочу обобщать, какая публика, где, в какой стране лучше. Лучше там, где больше напряженной тишины, которая особенно плодотворна для музыки, потому что сама музыка — продолжение тишины, а тишина — продолжение музыки. «Вначале было слово», но можно сказать: «Вначале был звук», но до звука была тишина. И это взаимодействие тишины со звуком необычайно важно как на сцене, так и в концертном зале.

— Музыкальная классика у нас переживает кризис, и в то же время ваши концерты убеждают: интерес к высокому искусству огромен. Есть ли путь к разрешению этого противоречия?

— Я думаю, не только мои концерты вызывают интерес, есть достаточно музыкантов, способных завоевать любовь публики. Главное, не поддаваться синдрому популярности, потому что он губителен для музыканта. Композитор, исполнитель интересен, пока он ищет, пока рискует сделать что-то нереальное. Если музыкант делает только то, что нравится публике, он в каком-то смысле останавливается в развитии. Мне известны примеры талантливых исполнителей и у нас в стране, и за рубежом, популярность которых стала препятствием на их творческом пути.

— Хотите назвать какие-нибудь имена?

— Нет, не хочу, но я уверен, что любой слушатель прекрасно знает, чья популярность ему навязана телевидением или другими средствами массовой информации. Это касается опять же не только советской аудитории. А вместе с тем, поскольку посредственность очень часто доступна широкой массе слушателей, потому так популярны определенные ансамбли.

— Ну и что же в этом дурного, если людям нравится?

— Я думаю, что популярное вйдение музыки — оно и представляет определенную опасность, и предопределяет ее кризис, потому что, если в музыке есть нечто такое, после прослушивания чего можно уходить из зала, насвистывая мотив и поглощенным совершенно другими мыслями, то это, конечно, очень, очень ограниченное представление о возможностях музыки. В этом смысле музыкальная классика находится всегда в опасности, потому что ей очень легко оказаться в музее восковых фигур, где выставляется только то, что знакомо.

— В последние годы некоторые авторитетные музыкальные конкурсы проходят как бы под девизом «громче и быстрей»...

— И очень жаль. На самом деле сущность музыки совершенно в другом, она призвана будить воображение, фантазию, дерзание.

— Как вы реагируете на критику? Ваши коллеги, как правило, воспринимают ее крайне болезненно.

— Мне кажется, что даже негативное мнение о каком-то сочинении, исполнении порой бывает более существенным, чем то, что мы часто слышим за кулисами, когда к нам приходят наши коллеги или слушатели и говорят: «О, это было очень интересно», потому что им сказать нечего.

— Я бывал у вас в артистической, слышал, что вам говорили. Слово «интересно» никто не произнес, все находили другие оценки — скажем прямо,— куда более комплиментарные. Чаще всего звучало: гениально, фантастика. Вас это не огорчало, надеюсь?

— Если говорить всерьез, я думаю, что настоящим интерес к музыке можно назвать тогда, когда люди начинают искать партитуру, изучать ее, стремятся больше знать о композиторе, а главное — хотят слушать еще, как мы перечитываем знакомые страницы классики и современной литературы. Если сравнить это, например, со знакомством с городами, то я могу сказать, что осмотр с высоты вертолета может быть очень впечатляющим, город, по которому вы проезжаете по улицам на машине, вас поражает еще больше, но все-таки он особенно запоминается, когда вы ходите пешком, даже если город и не очень красивый. Помню, как я поднялся однажды на скалу в пустыне. Вначале я думал: «Ну что ж, наверное, с нее красиво посмотреть на закат, но взбираться на эту скалу совершенно необязательно». Но спустя полтора часа я оказался на вершине. И это осталось самым сильным впечатлением об Австралии.

И я хочу сказать слушателям и классической, и современной музыки: не бойтесь того, что трудно, непривычно,— преодолев трудности, вы можете найти для себя гораздо больше, чем прослушав в очередной раз «доступное» сочинение.

— Связываете ли вы трудности, которые переживает классика, с экспансией рок-музыки?

— Я думаю, что кризис связан с огромным прорывом посредственной музыки. Популярность рóковой сцены, наверное, неизбежна и по-своему важна, я не хочу сказать, что все, что здесь возникает, плохо, и в роке есть талантливые исполнители. В конце концов решает все качество. Но симптоматично то, что в зарубежном роке самые популярные группы, пластинки живут несколько недель, месяцев, лет. То есть они популярны настолько, насколько может быть популярен журнал или газета, в то время как сочинения Пруста или Шуберта остаются навеки.

— Раз уж вы упомянули газеты и журналы, давайте продолжим эту тему. О вас много пишут. И не всегда как о человеке, который все силы и время затрачивает на музицирование. Известны и нередкие ваши острые споры, конфликты, в особенности с фирмами грамзаписи. В чем дело? Ведь вас охотно и много записывают — каталог ваших дисков может вызвать зависть у популярнейших исполнителей...

— Действительно, часто говорят: Кремер всегда ругается с фирмами грамзаписи и тем не менее везде записывается, ему всегда требуется что-то особенное, но в конце концов он играет общепринятое и делает хороший бизнес. Я считаю, что любой артист должен отдавать себе отчет в том, для чего он делает запись или играет концерт. Что ему нужно: больше заработать, приумножить славу или все-таки что-то другое? Я принципиально против того, чтобы искусство навязывалось исполнителям и публике, как зубная паста. Боссы грамзаписи лишают нас жизненных сил, определяя направление творчества, навязывая то, что легче продать. Они рекламируют лишь хорошо продающиеся вещи. Если ты не полностью запродался одной фирме, она не будет тебя рекламировать, потому что реклама будет выгодна и конкурентам, с которыми мне также приходится иметь дело, чтобы не оказаться в зависимости.

— Выходит, монополия «Мелодии» — не так уж плохо?

— Конечно, любая монополия — плохо, в особенности если речь идет о творчестве. Но о нынешнем положении в «Мелодии» судить не берусь, она меня не записывает, лицензии не покупает, старые пластинки не переиздает. Среди записей, которые я сделал в последние годы, думаю, немало таких, которые вызвали бы интерес и в СССР, например, записи с Бернстайном. Мне грустно оттого, что мои пластинки исчезли с прилавков в моей стране.

— Да, и ваше долгое отсутствие на советской концертной эстраде отнюдь не личная проблема Гидона Кремера и руководителей Госконцерта, обществу небезразлично, кто и какую музыку для нас «заказывает». Традиционный вопрос — о планах, когда мы вас услышим вновь?

— Мне трудно сказать, когда это будет, потому что даже этот приезд — импровизация. Наконец осуществилась возможность выступать на родной советской сцене. Еще год-полтора тому назад не поступали никакие ответы ни из Госконцерта, ни из министерства, ни из других инстанций, в которые я в течение десяти лет обращался для того, чтобы восстановить порвавшуюся нить и выступить в Советском Союзе. Но в прошлом году впервые Союз композиторов пригласил меня на фестиваль современной музыки в Ленинграде. И впервые, наверное, за последние пятьдесят лет советский исполнитель, официально, замечу, живущий за рубежом, стоял снова на советской сцене. До сей поры это было невозможно.

— Выступление в Ленинграде было связано с чьей-то личной инициативой?

— Да, и мне приятно думать о том, что нынче у нас в стране происходит то же самое, что и во всем мире: индивидуальная инициатива способна решать гораздо больше, чем бюрократическое равнодушие. И в этом году мой приезд сопряжен с индивидуальной инициативой. Ее нельзя назвать частной, «частная» — это все еще чуть ли не ругательное слово. Меня пригласили на фестиваль Альфреда Шнитке в Горький. Именно в этом городе Альфреду пятнадцать лет назад был нанесен особо тяжелый удар — после премьеры его первой симфонии. Разгорелся страшный скандал, и симфония практически была запрещена. Когда ко мне обратились работники Горьковской филармонии, желающие провести этот фестиваль на достойном уровне, я сразу же согласился. Нашей творческой дружбе почти двадцать лет, сделать что-то для Альфреда мне всегда важно, и я это делал многие годы за рубежом. Я играл премьеру его 4-го концерта в Западном Берлине, этот концерт написан для меня, и поэтому мне казалось закономерным, чтобы я его сыграл в Союзе.

Итак, если говорить о моем возвращении в Союз, то, надеюсь, когда-нибудь возникнет новая инициатива. Я думаю, что после этих гастролей, наполненных творчеством и особенной «атмосферой возвращения», неминуемы новые встречи, в том числе и концерты в моей родной Риге.

— Какие еще поездки в ваших планах, которые, очевидно, точнее было бы называть надеждами?

— Например, мне бы очень хотелось разделить радость камерного музицирования на фестивале в Локенхаузе с моими друзьями. Мы уже в течение многих лет совершаем турне по всему миру, были в Австралии, Америке, во Франции, ФРГ, в этом году отправляемся в Японию, Корею. Эта программа так и называется: музыка из Локенхауза. В нее мы включаем и современные произведения, и классические. В частности, одно из турне было посвящено поздним квартетам Шостаковича, другое — написанному для нас сочинению Софьи Губайдулиной «Посвящение Элиоту». Есть много интересных сочинений среди 1200, сыгранных на фестивале в Локенхаузе за восемь лет его существования, с которыми хотелось бы познакомить советскую аудиторию. Но планы очень неопределенные...

— Локенхауз — личный фестиваль Гидона Кремера. Здесь вам никто ничего не диктует, руки развязаны, так же, скажем, как у Рихтера на «Декабрьских вечерах», Вирсаладзе — в Телави или Исакадзе — в Пицунде. Какие особые цели предусматривает организация этого фестиваля?

— Я основал Локенхауз не в противовес другим фестивалям, а для непринужденного сотрудничества музыкантов без давления твердо установленной программы... Кстати, тут нет ни фрака, ни гонорара. Здесь все делается ради музыки. И ради свободы.

P. S. Сейчас многие деятели культуры выдвигают идею проведения в нашей стране фестиваля музыкантов русского зарубежья «Поверх барьеров». Хочется надеяться, что это будет еще одна реальная возможность услышать Гидона Кремера.

ПРОШУ СЛОВА

ЧЕЛОВЕКИ

В. КАРДИН

Сперва два факта. Литературный и исторический. Говоря о литературном, я имею в виду конкретное историческое явление, с высокой художественной точностью запечатленное в широко известном романе.

Исторический же факт, о котором предстоит речь, непосредственно воздействует на литературную жизнь. И, сопоставляя один с другим, мы, возможно, установим примечательную закономерность.

Начнем с литературного. В 1932 году вышел роман М. Шолохова «Поднятая целина». Критика по достоинству оценила талант писателя, создавшего самобытные характеры, полно проявившиеся в сложные дни коллективизации. Наибольшей удачей (в том не было преувеличения) все признали образ «двадцатипятитысячника» Семена Давыдова — человека смекалистого и сердечного, наделенного чувством справедливости и чувством юмора. У рецензентов, однако, не возник вопрос: почему Давыдов, горожанин, отродясь не пахавший и не сеявший, должен заниматься организацией колхоза, учить мужиков уму-разуму?

Хотя вопрос этот сейчас напрашивается сам собой, не станем спешить с ответом. Перейдем к факту историческому.

В 1934 году был основан Союз писателей СССР. Подготовкой первого съезда, его деятельностью руководил М. Горький, сделавший главный доклад. Он же был избран председателем правления нового Союза. Первым секретарем стал тридцатитрехлетний А. Щербаков — человек, в отличие от остальных членов правления и секретариата, к литературе непричастный, среди делегатов не значившийся, писателям абсолютно неизвестный. (Через два года А. Щербакова перебросят на руководящую работу в Ленинград, потом в Иркутск; в пору Великой Отечественной войны он займет важнейшие партийные и армейские посты.)

Почему в 1934 году рядом с Горьким, еще при жизни ставшим классиком, у руля Союза писателей занял место «человек со стороны»?

Чтобы закупать канцелярские столы и подписывать накладные на чернила, совсем необязательно быть первым секретарем, и не это, видимо, входило в круг его обязанностей.

Только что созданный Союз нуждался, надо думать, в человеке, которому по плечу организаторская работа. Но почему на эту роль не годился ни один из писателей, хотя среди них были люди, имевшие немалый опыт такого рода деятельности? Почему, наконец, и когда миновал этап становления, сохранилась едва ли не ключевая должность секретаря по организационным вопросам?..

М. Шолохов подчеркивал, что в поисках героя «Поднятой целины» он остановил свой выбор на Семене Давыдове — рабочем-путиловце, в прошлом балтийском моряке, желая воздать должное питерским пролетариям, чтя революционные традиции Балтийского флота. Писатель дорожил надежностью, политической выдержкой Давыдова, но не наделял героя какими-то особыми качествами, объясняющими его появление в Гремячем Логу, центральную роль в событиях.

Да и нам сегодня не так легко объяснить себе движение «двадцатипятитысячников» — городских рабочих, направленных в деревню для создания колхозов. Решение о «двадцатипятитысячниках» принял пленум ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 года. На пленуме говорилось о небывалых темпах коллективизации, превосходивших самые оптимистические прогнозы, о стремительной тяге бедняков и середняков к социалистическим формам хозяйства и т. д. Зачем же, казалось бы, лишать фабрики и заводы квалифицированных рабочих со стажем, а число «двадцатипятитысячников» доводить до 60 тысяч?..

В поисках ответа вспомним известную мысль В. И. Ленина о том, что ценны лишь кооперативные товарищества, которые осуществлены самими крестьянами, по их свободному почину, в выгоде которых они непосредственно убедятся.

Приведу еще более определенные слова В. И. Ленина: «...учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и *не сметь командовать!*» (курсив В. И. Ленина. Полн. собр. соч., т. 38, с. 201).

Крестьяне пошли за большевиками в дни революции и гражданской войны, связывая свои надежды на будущее с социалистическим строем, и теперь, когда этот строй предложил бы им свободно выбирать формы осуществления надежд, когда город окончательно одолел буржуазию и мог предоставить реальную помощь сельским товариществам, мужик не сплоховал бы, отстоял бы свои интересы. На его стороне были очевидные преимущества совместного, кооперативного ведения дел, на его стороне было государство, набиравшее индустриальную мощь.

Но при такой ситуации Семену Давыдову нечего делать в Гремячем Логу. Из человека со стороны он превратился бы в лишнего человека. Однако М. Шолохов писал о натуре, активность которой объективно необходима. Давыдов — одно из художественных открытий не в последнюю очередь и потому, что он живет в реальных условиях своего времени, заметно отличающихся от условий, которые имел в виду В. И. Ленин, обдумывая кооперативный план. Давыдову ни к чему секреты выращивания хлеба, особенности и обычаи деревенской жизни. Достаточно знать линию и неотступно ее проводить. Он настолько уверен в безошибочности этого своего знания, что еще до приезда в Гремячий Лог, до первой встречи с мужиками, сам вправляет мозги секретарю райкома, втолковывает насчет раскулачивания. Когда секретарь пытается его остудить, урезонить, Давыдов уличает секретаря в ошибочности взглядов, подозревая в хромоте «на правую ножку».

Практическое назначение Давыдова чем-то сходно с назначением первого секретаря Союза писателей, избранного на съезде в 1934 году. Оба они делегированы административной системой, не нуждающейся в самодеятельности, самостоятельности организаций, казалось бы, демократических по самой своей природе.

Мало что казалось... А. Жданов, выступая с программной речью на писательском съезде, ссылаясь на Сталина, прямо заявил: «Корни наших трудностей и недостатков вытекают из отставания организационно-практической работы». Он говорил не о свободном соревновании талантов, художнических исканиях, не о многообразии советской литературы, не о культурной преемственности, без которой немыслимо творчество. Но твердо очерчивал круг героев, исходя из социальной, профессиональной принадлежности («Рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, партийцы, хозяйственники, инженеры, комсомольцы, пионеры. Вот — основные типы и основные герои нашей советской литературы»).

О творческой дерзости, об одаренности и гражданском мужестве не упоминалось. Какие-либо точки соприкосновения отечественной литературы с мировой начисто отсутствовали, поскольку буржуазная литература, как установил А. Жданов, находилась на стадии полного упадка и загнивания, «продала свое перо капиталу», ее герои — «воры, сыщики, проститутки, хулиганы». Оратор призывал советских писателей соответствовать определению, данному им Сталиным,— стать подлинными инженерами человеческих душ, бороться за качество произведений. «Слабости нашей литературы отражают отставание сознания от экономики, от чего, разумеется, не свободны и наши литераторы».

Семен Давыдов, с его живым умом, чуткостью и наблюдательностью, будет стараться все же уловить дух деревни, постичь мотивы, диктующие поступки крестьян. А. Жданов не видел необходимости знать литературу. Он давал линию. Дабы ее проводить, нужен человек, сосредоточивший в своих руках ощутимую власть, нужен аппарат. Большие надежды на Горького не возлагались, он лишь «оказывает партии и пролетариату» неоценимую помощь «в борьбе за качество литературы, за культурный язык» (!).

Среди делегатов съезда было немало великолепных художников, но хватало и функционеров, а также ремесленников. В делегатских списках красноречиво отсутствовали А. Ахматова, М. Булгаков, П. Васильев, Н. Заболоцкий, А. Платонов...

Речь А. Жданова задавала тон. Отныне солидный административный или государственный пост предоставлял право читать нотации писателям, музыкантам, художникам, режиссерам, ученым. Указания надлежало принимать к неуклонному исполнению. Принимать как истину в последней инстанции.

Известные постановления, дающие установку литературе, кинематографу, театру, музыке, вышли из-под пера человека, надеявшегося не на силу убеждения, но на силу угроз. Бросалось в глаза сходство с терминологией времен массовой ловли «врагов народа», доносился дымок инквизиторских костров, слышались раскаты прокурорских речей А. Вышинского на процессах конца 30-х годов.

Союз композиторов возник в 1948 году на волне постановления об опере «Великая дружба», где советской музыке по пятибалльной системе ставился кол, ее состояние определялось как «крайне неудовлетворительное». Удар безошибочно наносился по лучшим нашим композиторам — Н. Мясковскому, Д. Шостаковичу, С. Прокофьеву, А. Хачатуряну. Они, как выяснилось, создавали антинародную формалистическую музыку. Для них не нашлось места в правлении нового Союза, насчитывающем свыше шестидесяти человек...

В воспоминаниях М. Ромма приводится характерный разговор с С. Дукельским, некогда возглавлявшим кинематографическое ведомство. Музыка, написанная замечательным композитором Анатолием Александровым для фильма «Ленин в 1918 году», С. Дукельскому категорически не понравилась. Обращаясь к Александрову, он спросил: «Вы профессор?

Александров: Да, профессор.

Дукельский: Ага!.. Вы консерваторию кончили?

Александров (удивленно): Я в ней преподаю.

Дукельский: Ну да, преподаете, это понятно, раз вы профессор... а кончили?

Александров: Кончил.

Дукельский: Так... Вот тут у вас один мотив похож на польку...

Александров: Позвольте, какая же это полька, когда здесь счет на три, а полька на два.

Дукельский: Это все равно... Потом вот этот марш царицынский похож у вас на песню «По долинам и по взгорьям».

Александров (очень вежливо): Вы находите? Я не могу обнаружить ни малейшего сходства.

Ромм: Семен Семенович! Побойтесь бога! При чем здесь «По долинам и по взгорьям»?..

Дукельский: А вы помолчите, товарищ Ромм. Я с профессором разговариваю. Скажите, профессор, кто это написал оперу, где летают девы валькирии? Их еще на веревках спускают в театре.

Александров: Вагнер.

Дукельский: Как вы сказали?

Александров: Рихард Вагнер.

Дукельский: Сыграйте мне что-нибудь из Рихарда Вагнера.

Александров: А что же именно?

Дукельский: Что-нибудь подходящее. (Александров играет «Полет валькирий» из оперы «Валькирии» Вагнера.) Ну вот, очень хорошо! Вы так и напишите музыку. Если можно, вот эту самую музыку и напишите!

Александров: Но ведь она уже написана!

Дукельский: Неважно, украдите.

После этого дикого разговора Дукельский вызвал меня к себе и сказал:

— Он профессор, украсть не сможет, чересчур честен, интеллигент. Вы найдите другого композитора, который смог бы украсть. А эту музыку я запрещаю».

Нечего церемониться с профессорами, композиторами, писателями. Впрочем, необязательно только лишь запрещать, громить или учить воровать. Недрогнувшей рукой Сталин начертал резолюцию на горьковской сказке «Девушка и смерть»: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете...», повергнув в изумление, видимо, автора, а также литературоведов всех времен и народов.

Чем выше ранг, тем менее обязательна компетентность, тем больше можно себе позволить, спесиво давая советы, казня либо милуя. Берия втолковывал зеку А. Туполеву, который был арестован до войны, какой необходим бомбардировщик для ударов по Берлину. В 1946 году академик П. Капица отказался дальше участвовать в ядерных работах, которые было поручено возглавлять Берии. Он написал, что оркестром не может руководить дирижер, не умеющий читать партитуру.

Сталин вносил категорическую ясность в проблемы языкознания и, почитая себя абсолютным авторитетом в биологии, равно как и в других науках, поддержал Т. Лысенко против Н. Вавилова. На одном из заседаний в Кремле он прервал Н. Вавилова репликой: «Это вы, профессора, так думаете. Мы, большевики, думаем иначе».

Дилетанты широкого профиля, они бесцеремонно вторгались в любую область, навязывали свою зачастую губительную волю. А. Жданов не довольствовался литературой и музыкой. И. Сталин считал его, как, разумеется, и самого себя, «главным артиллеристом». Вмешательство «главных» привело к тому, что «непосредственно перед нападением гитлеровской Германии производство самых нужных для войны 45- и 76-миллиметровых пушек было прекращено».

Традиции эти не спешили исчерпать себя. Н. Хрущев устроил разнос художникам на выставке в Мане-

СО СТОРОНЫ

же, в непристойном тоне наставлял писателей. М. Суслов учил А. Твардовского редактировать «Новый мир» и, не читая даже, пользуясь шпаргалкой, составленной референтами, решил участь романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба».

Уже в недавние сравнительно времена заместитель министра культуры громогласно отвергал творчество А. Шнитке и других молодых симфонистов; о песнях В. Высоцкого он выразился прямо: «Мутная дребедень».

Ихнего брата, чиновника, надзирающего за искусством, не проведешь. Министерство культуры сражалось с балетом Р. Щедрина «Кармен-сюита», безошибочно распознав в героине М. Плисецкой женщину легкого поведения, что не соответствует национальному характеру испанок.

Это об ихнем брате когда-то сказал Л. Утесов, изменив своему обычному дружелюбию: «Они только и умеют саксофон выпрямлять».

Понадобились годы, дабы фельетонисты, со свойственным им чувством юмора, сообразили, что изречение «Экономика должна быть экономной», украшавшее фасады домов и газетные полосы, содержит не больше смысла, нежели мудрость «Искусство должно быть искусственным», «Ограниченность должна быть ограниченной» и т. д.

Горе не только от самих этих указаний, истин, директив. Но и от надолго затянувшейся их неподсудности, недоступности для критики.

Демьян Бедный мог обмениваться едкими эпиграммами с А. Луначарским. Я лично с трудом воображаю себе шарж или эпиграмму на человека со стороны, занимающего сановное кресло. Он такого не потерпит, оберегая свой авторитет.

В науке, в народном хозяйстве авторитет этот идет на убыль. Но не в сферах искусства, не в литературной жизни, не в издательской практике. Искусство наиболее беззащитно по сути своей и конфликтно по природе. Оно что-то отстаивает и что-то оспаривает. Облеченный чиновничьей властью человек со стороны претендует на роль высшего судьи и от роли этой не отказывается.

Может быть, пришедший «со стороны» поднимется над групповыми страстями и пристрастиями, постарается следить за нравственными правилами?

К сожалению, и эта робкая надежда не оправдалась, и не без его содействия дела в писательском Союзе подчас принимали такой оборот, что давали досадно легкий хлеб для эстрадников и фельетонистов.

Принято считать, что художник мыслит образами. Чиновник мыслит кампаниями, лозунгами, цитатами. Он по сей день верит или, не чуждый цинизма, делает вид, будто верит, что книги пишутся, сообразуясь с его рекомендациями, и коль осуществить, скажем, месячник по борьбе за положительного героя, провести «круглый стол», соответствующую организационную работу, в очередной раз определить любимчиков и постылых, то все перестроится в наилучшем виде. Жизнь и практика его ни в чем не убеждают, опыт он отбрасывает за ненадобностью и не воспринимает очевидных доводов. Привыкший открывать собрания, произносить вступительное слово, встречать зарубежных гостей, возглавлять делегации, он уверен, будто представляет литературу. Ложное положение мешает установить пределы, в которых он впрямь способен приносить, а подчас и приносит пользу. По натуре это зачастую трудяга, необязательно лишенный дружелюбия и благожелательства. Но, будучи продуктом культа личности, он трепетно сберег соответствующие тенденции, перенеся их в годы застоя, самые золотые для него денечки. И появись малейшая возможность вернуть эти денечки, сноровисто и прытко использует ее.

«Я сижу на этом четверть века»,— сказал мне один такой деятель. Сидит, ничем не обогатив за четверть века поэзию и прозу, не написав ни одной дельной статьи, не высказав ни единой собственной мысли. Сидит, отдает распоряжения, определяет, кого хвалить, кого бранить, ведет доверительные телефонные разговоры с другими руководящими человеками со стороны.

Их бросили на литературу, номенклатурная волна вынесла в начальнические кабинеты редакций, издательств, творческих организаций. С тем же успехом могла вынести в торговый главк или еще в какое-нибудь управление.

Крупнейшее в стране Издательство художественной литературы одно время возглавлял бывший работник ГУЛАГа. И это, смею заверить, еще не самый плохой директор. Он хотя бы честно признавался, что в издательском деле не смыслит, и прислушивался к толковым советам подчиненных. Когда пришел час замены, преемником назначили не кого-либо из таких подчиненных, но прислали чиновника, понимавшего гораздо меньше предшественника, однако считавшего себя докой. Новый директор благополучно довел издательство до ручки, получил взыскание, был снят и — заботами других человеков со стороны — получил очередной руководящий пост. Для другой деятельности, кроме как руководящей, он не пригоден.

Про торговый главк я упомянул, не желая кого-то поддеть. У человека со стороны, попавшего в сферу искусства, развивается чувство конъюнктуры, столь желательное в торговле. Не исключаю, что отсутствие индивидуальной трудовой деятельности, где так необходима предприимчивость, умение улавливать спрос, увы, благоприятствовало притоку в окололитературную сферу людей, не видевших, как иначе использовать свои наклонности. Возможно, они подчинились безотчетному импульсу.

С досадой и не без сожаления взирал я на моего собеседника, который четверть века сидит на этом. Из добродушного малого он превратился в неврастеника, не слишком любимого подчиненными и не слишком уважаемого теми, кто вынужден иметь с ним дело. Все видят, не ему бы заниматься этим; от навыков, приобретенных им, от связей, какими обзавелся, это не выиграло ни на грош. Скорее проиграло. И будет проигрывать, покамест он сидит. Это предполагает служение, а он ходит на службу. Нет, не ходит. В урочный час подкатывает черная «Волга», в урочный час кассир почтительно приносит конверт с зарплатой.

Выполняя служебный долг, вчера он соучаствовал в гонениях на Твардовского, сегодня воздает ему хвалу. Тогда — он уверен — правильно было травить, сегодня — хвалить. А завтра? Поживем — увидим, какова будет ситуация.

В этом своем представлении о правильности и правде он неуловимо напоминает опереточную диву, которая поворачивается вокруг собственной оси: «Смотрите здесь, смотрите там. Нравится ли это вам?»

Еще вспоминается мне давняя школьная история. Старшие собратья пришли к первоклассникам. В намерении приобщить малышей к литературе стали читать стихи. Когда чтение закончилось, один первоклассник спросил учительницу: «Что это за народ — флюгеряне?» Учительница растерялась. Малыш, придя к ней на помощь, сказал про непонятную строчку: "На них флюгеряне шумят..."

«Вовочка,— оживилась учительница,— такого народа нет, ты плохо расслышал. Это стихотворение Лермонтова «Воздушный корабль», в нем строчка: «На них флюгера не шумят...»

Вдруг да устами младенца глаголет истина, может, впрямь есть народ флюгеряне?.. Его коренную часть составляют человеки со стороны, уверенные в своей незаменимости, благо, сообразуясь с направлением ветра, поворачивают на столько градусов, на сколько требуется.

Моего собеседника обидели такие сравнения. Он, дескать, не флюгер, а верный солдат. А его кабинет с турецким ковром и японским селектором — надо понимать — солдатский блиндаж. Но чему же он сам верен, по кому периодически велся огонь из этого блиндажа?

По А. Яшину, А. Твардовскому, Э. Казакевичу, Ф. Абрамову, А. Платонову, В. Семину, К. Воробьеву, В. Гроссману... Называю лишь некоторых из до срока ушедших из жизни. Они-то действительно были солдатами...

Человек человеку рознь. Даже если оба со стороны. Семен Давыдов тоже был солдатом, выполнял свою задачу, как рядовой боец. Но не за себя бился без страха и сомнений и пал, скошенный пулеметной очередью...

Мой собеседник в какие-то минуты, вероятно, рисковал. Своим местом, своим благополучием, своим правом удобно сидеть на этом.

Для Твардовского, Платонова, Абрамова литература — смысл и дело жизни. Собственная жизнь воспринималась ими в русле общей народной жизни. Потому и находили в себе силы для неравного единоборства с административной машиной, ее обслугой, отлично сознающей свой социальный интерес.

Перестройка? Да человеки со стороны весь свой век только и перестраивались, подлаживались, угадывали направление ветра. И когда они заверяют сегодня о своей приверженности наступившим переменам, уже само это таит опасность. Их заверения подрывают веру других.

Обладай мой собеседник человеческим достоинством и толикой солдатского мужества, он почувствовал бы сейчас себя сторонним, лишним. Но мысль об отставке не приходит в его седую голову. Он судорожно цепляется за все, что, как надеется, позволит удержаться на плаву. Культура дискуссий? Очень хорошо. Борясь за культуру, глядишь, и прикончим дискуссии. Критика? Пожалуйста. Но без перехода на личности. Гласность? Извольте. Только без «копания» в ошибках и преступлениях прошлого, без выводов, задевающих вполне определенных лиц.

Человек со стороны рано или поздно почти неизбежно превращается в бюрократа. (Не такая ли перспектива побудила М. Шолохова обречь на гибель героя «Поднятой целины»?) Этот объективный закон сохраняет силу, даже когда случаются исключения. Главное условие функционирования человека со стороны — отсутствие демократии, профанация ее.

Бюрократия и демократизм — две вещи несовместные. Равно как администрирование и творчество. Лучше и раньше других это почувствовал А. Фадеев. В письме Сталину в марте 1951 года он настаивал на освобождении его от обязанностей генерального секретаря Союза писателей, поскольку ежедневно совершает «над собой недопустимое, противоестественное насилие».

Зато иные человеки со стороны, не совершая над собой малейшего усилия, балуются ныне литературой. Напишет, скажем, «установочную» статью и незамедлительно зачисляется в отряд публицистов. Сочинит репортажик о кинофестивале и как бы приобщится к критике. Тиснет трехколонник о контрастах капиталистического города и слывет очеркистом.

Он, человек со стороны, наделен властью, но обделен многими качествами, необходимыми для творчества, для самостоятельности в работе. Умеет распекать, поучать, наставлять. Но сам профессионально беспомощен и полагает зазорным учиться у подчиненных, давно переросших его.

Перестройка вынуждает человека со стороны совершать несвойственные ему телодвижения и даже демонстрировать свободомыслие, заниматься сочинительством.

Меня спросят: «Вы не верите, что лично Аполлон может потребовать человека со стороны к священной жертве?»...

Поверю, когда приносящий жертву покинет свой кабинет, отставит столик с многоцветными телефонными аппаратами, бросит на произвол судьбы секретаршу. Когда узнает, сколько труда и сил душевных забирает критическая статья или очерк, скажем, о комбайнах. Когда изведает, насколько тернист путь рукописи к ротационной машине, коль рукопись вышла из-под пера автора, не занимающего административный пост.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

А. Жданов был прав, не слишком полагаясь на М. Горького в проведении надлежащей линии, в распространении на Союз писателей института «человеков со стороны». Не минуло и двух лет со дня I съезда, М. Горький написал в письме: «Союз писателей — тепленькое место, где можно жить удобно и равнодушно. О наличии равнодушия говорит тот факт, что влияние Съезда до сего дня ничем и никак не обнаружилось».

Что бы сказал Алексей Максимович сегодня, когда после пламенных призывов к демократии и соответствующих заверений количество «тепленьких мест», предназначенных для всевозможных администраторов, практически не уменьшилось, административная инерция не ослабела...

Что до традиций Семена Давыдова, то сейчас уже впору говорить не о «двадцатипятитысячниках»; иные масштабы и цифры.

На обочину выруливают «икарусы» со студентами. Из микроавтобусов степенно выходят научные сотрудники. Колонна крытых брезентом грузовиков доставляет стрелковый батальон.

Это горожане отправляются копать картошку на колхозном поле...

Поначалу человек, присланный со стороны, олицетворял собой неверие в самостоятельность людей, в самодеятельные возможности коллектива, в социалистическую демократию. Сейчас примелькавшаяся фигура свидетельствует еще и о том, что неблагополучие, неотвратимое при таком отношении, устраняется не самым надежным образом. И есть основания для тревоги, есть предмет для размышлений.

Жива белютинская студия!

Лариса КАШУК

2 декабря 1962 года в газете «Правда», в статье «Высокое призвание советского искусства — служить народу, делу коммунизма», сообщалось: «Вчера, 1 декабря, руководители партии и правительства посетили Выставку произведений московских художников, устроенную в Центральном выставочном зале и посвященную 30-летию Московского отделения Союза художников...»

На следующий же день после посещения Н. С. Хрущевым выставки все произведения, вызвавшие его бурный гнев, были убраны. Так, экспозиция молодых художников, расположенная на втором этаже Манежа, где особо было «обращено внимание» на А. Воронова-Россаля, Л. Грибкова, Б. Жутовского, А. Колли, Д. Громана, Н. Воробьева, В. Шорца, Л. Рабичева, присутствовавших при встрече с Хрущевым, была закрыта раз и на многие лета. Больше ее уже никто и никогда не видел. Все произведения были «арестованы», далеко не все были возвращены потом их создателям. На Хрущева и Ильичева, а соответственно и на всю правительственную делегацию эта экспозиция произвела ужасающее впечатление. В своих выступлениях Л. Ильичев делился: «Если о достоинствах или недостатках работ П. Никонова, Р. Фалька, А. Васнецова еще как-то можно спорить, то о так называемых «полотнах» молодых абстракционистов, группирующихся вокруг Э. Белютина и именующих себя «искателями», вообще спорить нечего — они вне искусства».

Итак, в советской прессе началась планомерная травля определенного художественного направления. Методы, формулировки и термины, которыми «припечатывались» неугодные творческие деятели, до удивления напоминали знаменитые постановления по вопросам культуры 1946—1948 годов. Помимо общей терминологии, методы борьбы с инакомыслящими в 1962 году во многом основывались на опыте конца 40-х. Так, список участников «абстрактной» выставки (а многие из них были графиками) был разослан по всем крупным издательствам с негласным запретом давать им какую-либо работу, не говоря уже о том, что выставляться они больше не могли. На протяжении десятков лет художники с ярлыком «абстракционист» практически отождествлялись с «врагами народа».

На опасения творческой интеллигенции, что новая политика может привести к восстановлению сталинских методов, ограничению свободы творчества, Леонид Ильичев, возглавлявший Идеологический отдел ЦК партии, отреагировал заявлением, что вопрос о сосуществовании «всех направлений» вторгается в область идеологии, а советская идеология требует неуклонного следования принципам социалистического реализма. Поэтому «поднимавшиеся в таком аспекте на собраниях и дискуссиях творческие вопросы теперь перестанут быть данью моде, а станут исключительно компетенцией партии, так же как понятия реакционности, консерватизма, как и попытки обвинения в догматизме, сектантстве, узости взглядов, нерешительности, сталинизме и т. п. Борьба с последствиями культа личности, за восстановление ленинских норм жизни не имеет ко всему этому никакого отношения. Вопросы творчества также должны быть до конца выяснены. Мы обладаем свободой в том, чтобы своей деятельностью строить коммунизм» (из выступления в 1962 году на встрече ЦК партии с творческой интеллигенцией).

Из всех многочисленных выступлений и постановлений, связанных с выставкой в Манеже, советские читатели так и не смогли уяснить, чтó же на самом деле представляла собой пресловутая группа художников, руководимая Э. Белютиным. А ведь ни одну из тех картин нельзя было отнести к абстрактному, беспредметному направлению. Все произведения практически были сюжетны — пейзажи, портреты, натюрморты, историческая тематика. В них четко прослеживалось фигурное, предметное начало. Правда, в отличие от привычных реалистических работ для передачи напряженного внутреннего состояния форма часто деформировалась, а цвет предельно форсировался.

Но откуда на выставке, посвященной 30-летию МОСХа, появились работы художников, тогда еще не состоявших в профессиональном союзе? А помещены они в Манеже были по решению «сверху». И вот почему: за несколько дней до открытия выставки на Большой Коммунистической улице, в ноябре, состоялся вернисаж «Экспериментальной студии живописи и графики», основанной при горкоме художников книги и графиков под руководством Э. М. Белютина еще в 1954 году. С 1956 года студийцы начинают проводить выставки, которые следуют одна за другой в ЦДРИ, кафе «Молодежное», ЦДЛ, Литературном институте имени А. М. Горького, Доме кино, Доме ученых. Выставка, состоявшаяся в ноябре 1962 года, была наиболее представительной, как бы подводящей итоги. На вернисаж был приглашен широкий круг интеллигенции, а также иностранцы, что по тем временам не поощрялось. Выставка поражала раскрепощенностью художественного сознания, стихией цвета, экспрессивным использованием формы. Чуть ли не на следующий день или через день по западному телевидению был показан фильм «Абстрактное искусство на Большой Коммунистической», снятый американской фирмой, где впервые и прозвучало сообщение о том, что в Советском Союзе есть свои абстракционисты. Весь мир узнал о том, что в России существуют и развиваются новые художественные направления, весьма отличные от привычного соцреалистического метода. Вот потому официальные власти и заинтересовались молодыми художниками. И когда за сутки до открытия юбилейной выставки МОСХа Отдел культуры ЦК партии предложил Белютину присоединить таганскую выставку к общей экспозиции, последствия этого шага были никому не ведомы. Но в целях бóльшей «безопасности» из экспозиции убрали все более или менее абстрактные работы. Однако и это не помогло. Со времени Манежной выставки абстракционизм и стал в нашей стране символом бездарности, ничтожности, шарлатанства, отсутствия профессионализма и т. п.

Больше всех досталось, конечно, самому Белютину, которого обвинили в злостном и прямо-таки массовом обмане наивных художников, которых он, мол, затащил в абстрактные дебри... Конечно, Идеологической комиссии ЦК было трудно поверить, что художник, досконально проработавший все педагогические художественные системы XVIII—XIX веков, может прийти к обучению формализму. Однако это было именно так. К 1946 году Белютин оканчивает художественное отделение при Московском педагогическом институте и поступает там же в творческую аспирантуру по кафедре живописи и рисунка. В институте Белютин учится у таких мастеров, как П. Кузнецов, Л. Бруни, А. Фонвизин, общается с А. Лентуловым и В. Татлиным. Первое обвинение в формализме настигает его в 1948 году в связи с первой персональной выставкой. За это его чуть не «вышибли» из аспирантуры. На первый раз обошлось. В 1950 году он начинает преподавать в Московском товариществе художников. С тех пор Белютин не прерывал преподавания ни на минуту. Преподавал и в Студии инвалидов Отечественной войны, и в Институте повышения квалификации художников-графиков, и в текстильном и полиграфическом институтах. Менять места приходилось из-за постоянных обвинений в формализме. Но основным его детищем становится Экспериментальная студия.

В итоге проработки многочисленных художественных систем Элий Михайлович Белютин создает свою «Теорию контактности», на основе которой строит занятия с несколькими группами художников, которые он, помимо студии при горкоме графиков, ведет в домах моделей, в Московском отделении Союза художников. К 1962 году все эти группы насчитывают около 300 человек. Явление для того да и для нынешнего времени уникальное. В своей «Теории контактности» Белютин пишет: «Смысл моей теории в том, что в основу развития искусства положено не формальное развитие его изобразительных средств, а то воздействие действительности, которое художник получает от окружающего мира. Именно это воздействие, или контакт, заставляет художника менять характер своего искусства и даже само понимание того, что такое живопись, картина или скульптура. И происходит это по законам контактности. Эти законы основаны на том, что человек под воздействием окружающей его жизни испытывает определенную дискомфортность. Это нарушение внутреннего равновесия — эмоционального, интеллектуального или духовного — человек стремится восстановить для своего нормального существования. Но восстановить его он может, только контактируя с искусством (...или точнее — потребляя его)».

Метод работы, преподаваемый Белютиным, был связан прежде всего с работой на натуре. Реальный мир представлялся как объект искусства, но объект живой, постоянно изменяющийся вместе с человеком и обстоятельствами.

Вот как протекали занятия по воспоминаниям А. Россаля: «Перед началом занятий ставилась задача, которую все записывали. Задачи варьировались во множестве. Но прежде всего студийцы должны были увидеть мир предметов в новой категории, одухотворить виденное». Белютин призывал выразить прекрасное в знаке. Всегда задания были сложны и интересны. Например, студийцы прослеживали путь растворения предмета на плоскости, его излучение в окружающее пространство. Надо было рисовать не форму, а искать слепок сущности идеи...

Начиная с 1957 года летом многочисленные группы объединялись на выездных практиках. Особенно массовыми и «трудовыми» были поездки по Волге на специально зафрахтованных, еще дореволюционных

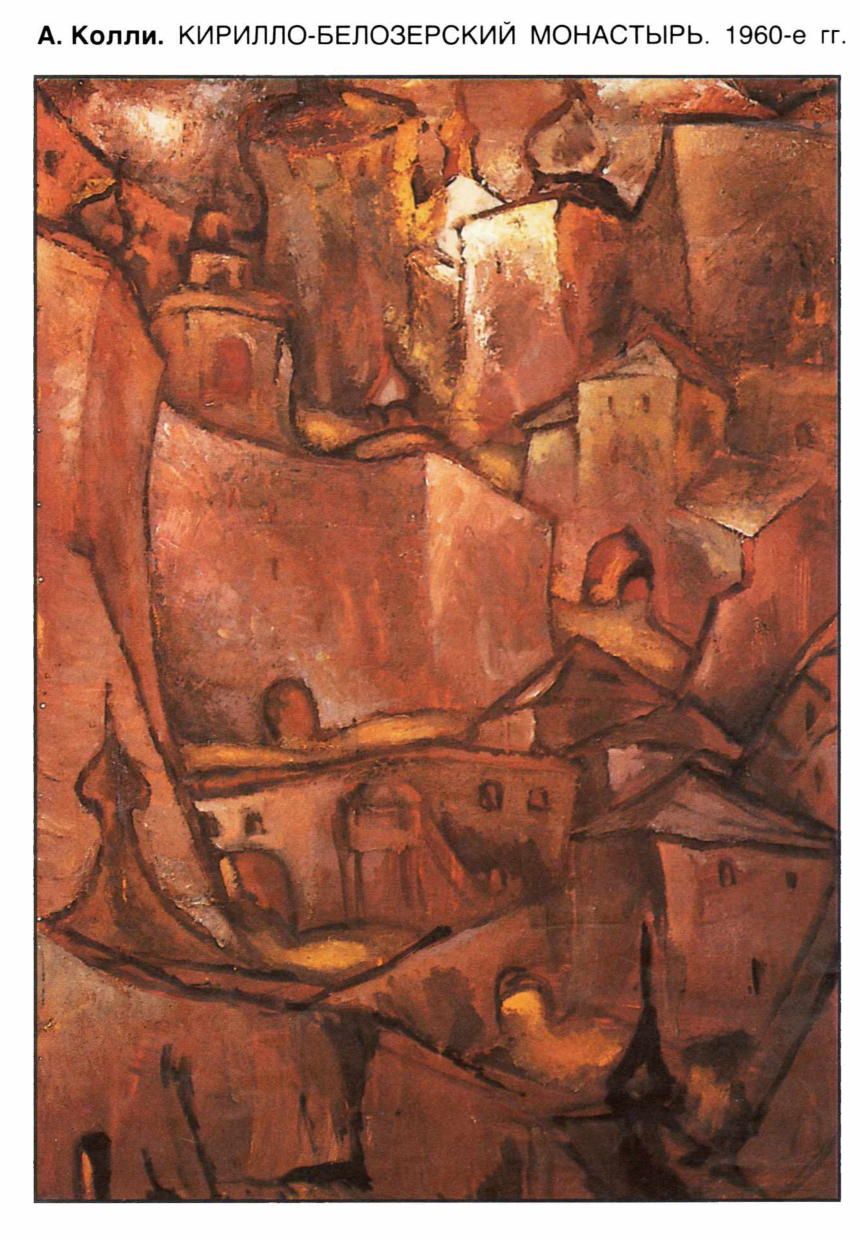
Л. Рабичев. «ДОМ ПАВЛОВА». 1962.

пароходах. В них принимало участие до 250 человек. Ночью пароход плыл, а на рассвете причаливал к каким-либо пристаням, и толпы художников скатывались по трапу с этюдниками на натурные зарисовки. Специального выбора тем не было — писали все, что видели: домик Ленина в Ульяновске, древние церкви в Угличе, развалившиеся домики в Плесе, портовые краны в крупных городах. К вечеру все возвращались на пароход и представляли на общее обсуждение, и прежде всего Белютина, свои работы. По каждой делались замечания, и на следующий день давалось новое задание. Все работали на износ, но зато в Москву привозилось много произведений, из которых потом формировалась очередная отчетная выставка. Вот так «мазали ослиными хвостами» (по выражению Н. Хрущева) художники из студии Белютина.

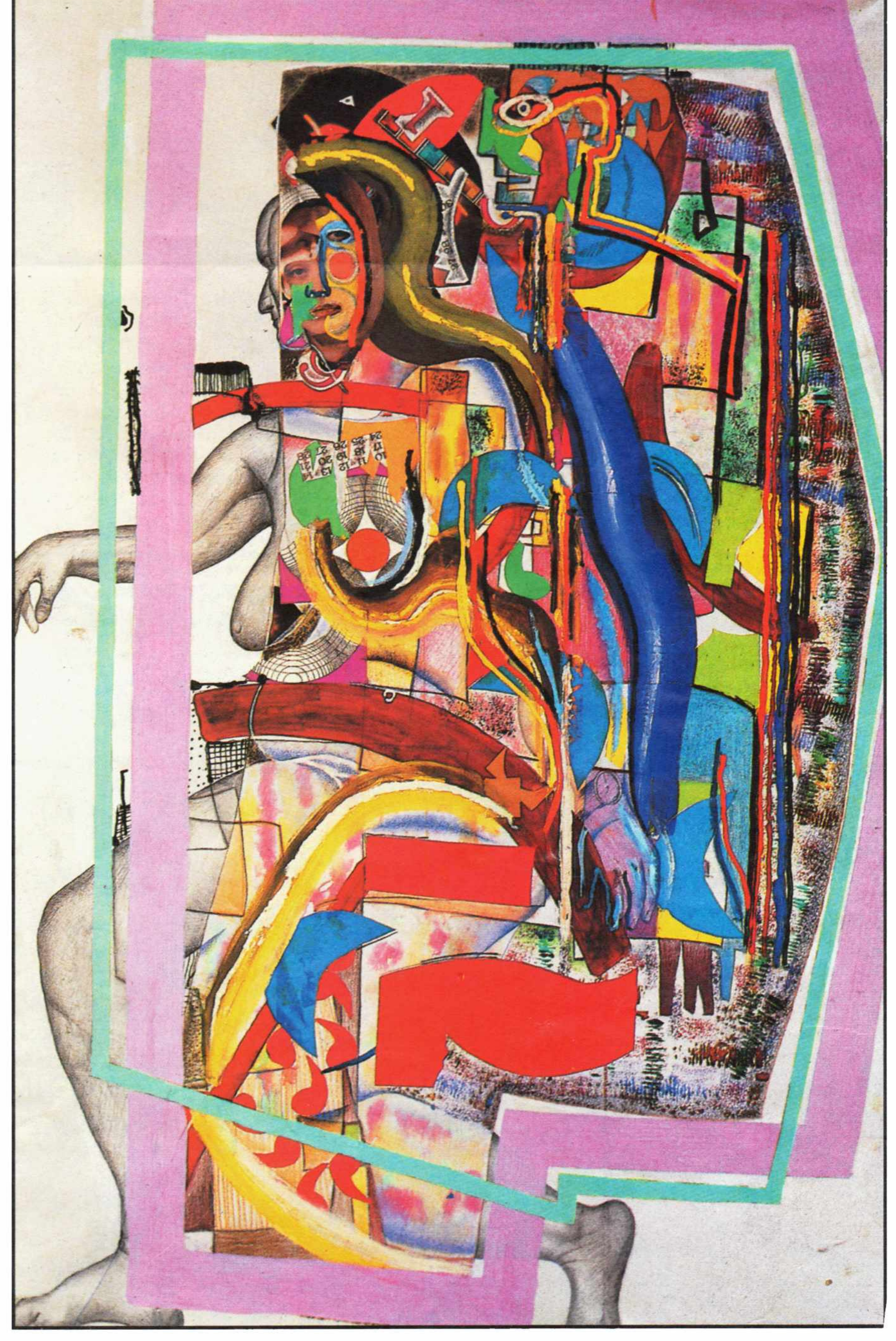
Разгром выставки вызвал у многих студийцев страх и уныние. В студии начался раскол, и часть художников прекратила свои занятия. Но сам Белютин отнюдь не собирался сдаваться, хотя официально студия осталась в полной изоляции. Огромная мастерская, которая арендовалась для студии горкомом графиков, была отнята, все выставки запрещены. Белютин решает построить мастерскую в Абрамцеве, на дачном участке. Строительство начинается в 1964 году. За год большая стеклянная мастерская была построена, а в феврале 1966 года она рухнула. Как выяснилось потом, какие-то «доброжелатели» ночью подпилили столбы-устои... В марте студийцы приступают к строительству каменной мастерской, в которой они будут работать на протяжении 20 лет, до сегодняшних дней.

От старого «таганско-манежного» состава остаются В. Преображенская, бессменный староста студии В. Окороков, Е. Радкевич, Н. Левянт, В. Грищенко, Т. Тер-Гевондян, М. Филиппова, И. Шмелева и дру-

А. Колли. КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ. 1960-е гг.

В. Преображенская. УСТАЛОСТЬ. 1987.

В. Шумилина. В ПОРТУ. ВОЛГА. 1962.

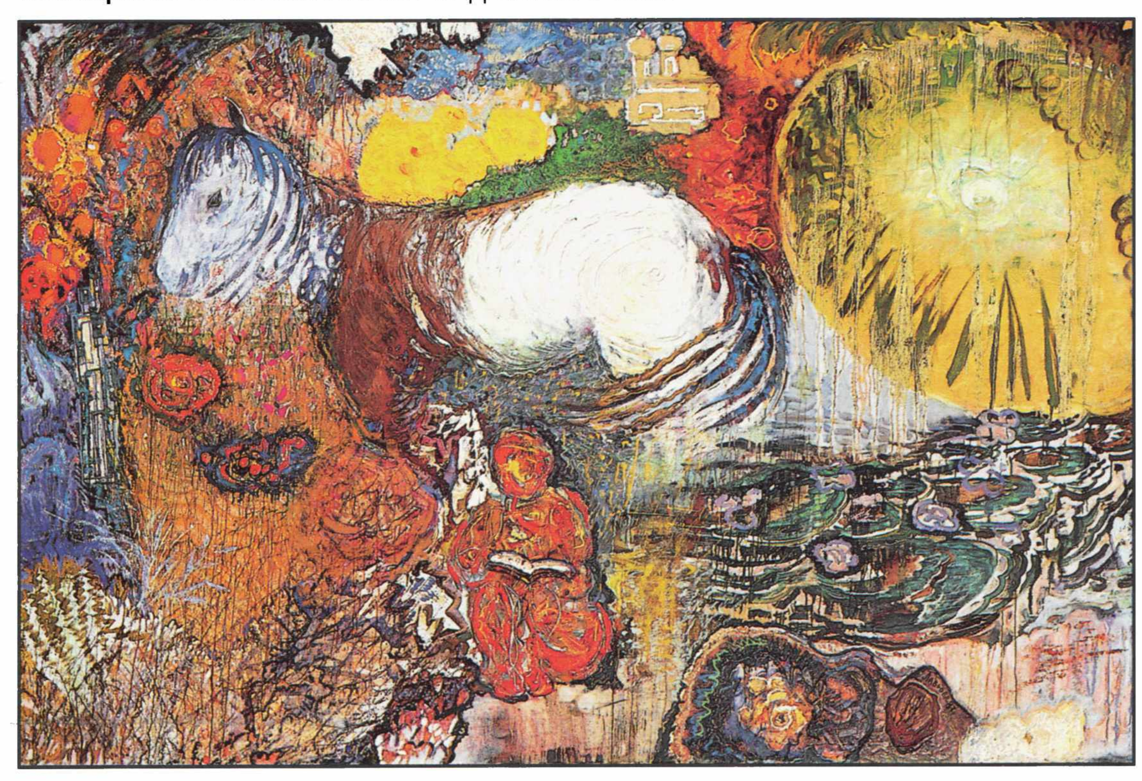
гие. Но к концу 60-х — началу 70-х годов студия значительно обновляется за счет притока молодых сил. В это время в студию вливаются А. Крюков, В. Зубарев, В. Булдаков, О. Жигалкина, С. Некрасова, Ю. Мустерман, А. Панкин, Б. Миронов, Ю. Скопов, А. Строчилин и другие. Почти все они уже имели высшее художественное образование — архитекторы, художники-текстильщики, керамисты, полиграфисты. К Белютину шли «доучиваться», познавать современный пластический язык. В конце 60-х — 70-х годов он продолжал вести группы по повышению квалификации на комбинате имени Свердлова и Трехгорке, в областном отделении СХ и ВИАлегпроме. Последняя попытка устроить выставку в Москве, в подвальной мастерской Л. Грибкова во Всполоном переулке, окончилась весьма драматически. В тот же день она была закрыта милицией и сотрудниками госбезопасности. А у Люциана Грибкова, ветерана Великой Отечественной войны, мастерская была отнята раз и навсегда. Но ежегодно с конца 60-х до настоящего времени в Абрамцеве белютинцы устраивают отчетные весенне-осенние выставки.

70-е годы для студийцев характеризовались переходом от камерных произведений к огромным монументальным полотнам, которые писались как самостоятельно, так иногда и совместно: «Автопортрет студийцев», «Жизнь», «Революция» и «Отечественная война», «Реквием». Для этих произведений и многих других характерно решение сложных живописно-пространственных задач, использование всевозможных техник вплоть до металла, острота и значительность тем, напряженность композиций.

Такова история одного из интереснейших художественных явлений нашего многострадального советского искусства. Экспериментальная студия под руководством Э. Белютина, накопившая в своей мастерской более 2000 произведений, не считая того, что находится у самих художников, жила и живет, и никакие запреты и замалчивания не смогут уничтожить живой художественный организм. Как русский авангард пережил страшное лихолетье 30—40-х годов, так выжило и советское нонконформистское искусство. Его еще увидят. Кстати, уже давно пора. Пора! Ведь прошло более 25 лет.

А. Лаврова. ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ. 1987.

ТЕПЕРЬ ВАМ НЕ СТЫДНО, ПОЛКОВНИК КАРПОВИЧ?

Есть разные учителя, но наиболее почитаемы те, кого выбирают и признают сами ученики. Полковника КГБ СССР Ярослава Васильевича Карповича между собой мы — его ученики — звали Ярослав Мудрый. Это было не только признание возраста и звания. За его плечами был фронт, Сталинград, опыт работы в следственных органах в пятидесятых. После удачно проведенной чекистской операции против НТС ему через ступень присвоили звание полковника, наградили орденом Красного Знамени, знаком почетного чекиста. И даже прочитав в «Огоньке» поразившую нас статью за его подписью «Стыдно молчать», мы по-прежнему отдаем должное сделанному им.

Но помним мы и то, как Ярослав Васильевич, будучи руководителем высокого ранга, умело направлял усилия своих подчиненных на остром, ныне осуждаемом им участке борьбы с «идеологической диверсией противника». При этом он заражал нас собственным примером, прямо указывал, с кем, как и каким способом бороться. По сути, он являл собой своего рода прочный приводной ремень политики, проводившейся в те годы. Несокрушимые и логичные доводы, оперативная смекалка, классовое обоснование необходимости нашего труда, которые он в то время декларировал, невольно вызывали уважение не только у молодых сотрудников КГБ, но и у коллег его возраста.

Через его руки прошли многие молодые офицеры. Им он передавал знания, опыт, больше того, под его прямым влиянием формировались наши мировоззренческие позиции.

Прочитав в «Огоньке» статью Ярослава Васильевича, мы, еще вчера считавшие себя его учениками, вдруг столкнулись с какой-то новой формой «мимикрии», по терминологии самого Я. Карповича. Что же заставило мужественного и заслуженного человека походя подстраивать свою жизненную концепцию, в истинности которой он всегда убеждал и нас, под ложно-покаянную исповедальность и стирать из памяти свои прошлые убеждения — его гордость, свидетельство «бескомпромиссности»?

Человеческая память — ненадежный инструмент. Но на помощь памяти приходят архивы. Хранят они и тайны Я. Карповича, неотъемлемо принадлежащие своему времени.

Мы обратились к этим документам, чтобы разобраться в этом мгновенном перерождении человека, избравшего покаяние не делом, а звонкой фразой.

Читая статью Я. Карповича, невольно задаешься вопросом: тот ли это блестящий полемист, знаток законов, который мог умело объяснить все даже своему противнику, дать точную оценку явлению и личности?

Увы, сегодня обычная логичность изменяет ему. Рассказывая о деятельности чекистов в семидесятые годы, Карпович даже не пытается рассмотреть их в контексте того печального периода нашей истории, ныне зовущегося застойным.

Изменяет память ветерану ЧК. Не было его товарищей за спиной тех, кто сидел за рычагами бульдозеров, сносивших выставку на Профсоюзной. Мы лишь видели, как безответственные люди толкали молодежь на крайние шаги. Потому-то именно чекисты как парламентеры вели долгие переговоры с оппонентами по обе стороны искусственно воздвигнутых идейно-эстетических баррикад: с самодеятельными художниками, с одной стороны, и органами культуры и СХ СССР — с другой. Пытались не столько примирить, сколько снизить экстремизм одних и непробиваемый консерватизм других. И как это ни странно звучит, но именно наша позиция в результате сыграла не последнюю роль в образовании секции живописи при Объединенном комитете художников-графиков.

Именно потому, что нередко вопреки устоявшемуся мнению чекисты видели бедственное положение молодых актеров, режиссеров, литераторов, они «бомбардировали» инстанции тревожными сообщениями, которые впоследствии легли в основу принятого постановления ЦК КПСС о работе с творческой молодежью.

А «дурно пахнущая» история с альманахом «Метрополь»? Лукавит Ярослав Васильевич. Ведь он прекрасно знает, чьими усилиями явление литературной жизни было превращено в политический скандал. Достаточно вспомнить, как Василий Аксенов переправил рукопись альманаха на Запад задолго до того, как с ней ознакомились в Союзе писателей и о чем в полном неведении были многие участники «Метрополя». Нет, не чекисты, как пишет автор, «выпустили из бутылки джинна хулиганства и пошлости» и не под давлением органов госбезопасности давалась оценка этому литературному событию. И уж тем более смехотворно заявление, будто чекисты виноваты в разлуке писателя с Родиной.

Знает об этом Я. Карпович, но почему-то молчит, хотя молчать стыдно... Забыл он о своих прошлых оценках деятельности писателя и о своем глубочайшем облегчении в связи с выездом В. Аксенова. Как же расходится прежняя позиция Карповича с тем, что декларирует он в «Огоньке»! Впрочем, не только об Аксенове речь. Еще вчера не был для Карповича «национальной гордостью» и Александр Солженицын. За семью печатями хранил он в сейфе рукописи писателя, дабы не дай бог подчиненные не ознакомились...

И отнюдь не за Цветаеву и Гумилева Ярослав Васильевич лично приложил руку к аресту незадачливого подпольного издателя, забыв, что этой акцией руководил непосредственно сам и судили этого человека не за «идейно чуждую» литературу, а за незаконный промысел по соответствующей статье закона. И суд был, и прокурор был, и адвокат. И приговор вступил в законную силу. Как и многие другие приговоры того времени, вынесенные на основе действовавшего тогда УК РСФСР.

А уж если касаться проблемы «отказников», которой, кстати, занимался сам Я. Карпович, то уместно ему напомнить, что борьба-то шла не с ними, а с теми действиями, к которым их побуждали, с одной стороны, зарубежные доброхоты, а с другой — наши отечественные бюрократы. И, между прочим, многие из них смогли выехать лишь после нашего вмешательства.

Мы много говорим о правовом государстве, вкладывая свой собственный смысл в это словосочетание. Но именно неотвратимость наказания за совершенное преступление — основа этой категории. Вспомним формулу римского права: «Закон суров, но он закон». И пока существует закон, он должен действовать. Другое дело, что существовавшие в те годы законы обслуживали интересы административно-командной системы, что признано сегодня не одним Карповичем.

Много было всякого в те годы. Чекистские органы, как и сегодня, представляли срез нашего общества, отражая весь спектр противоречий. Почему же так отстраненно смотрит сейчас Я. Карпович на жизнь органов КГБ?

И не таким уж «держимордам», как ему теперь кажется, подчинялся Карпович. До недавнего времени он отзывался о них иначе. Да и его уважали, не оставляя без внимания и благодарности его успехи в борьбе с идеологическим противником. Успехи, на достижение которых он направлял весь свой опыт, всю силу имевшегося в его подчинении оперативного аппарата. Именно направлял, если верить Я. Карповичу вчерашнему, с полной ответственностью и глубочайшей убежденностью в собственной правоте.

Нам хочется сегодня возразить ему: нет, не «набрали органы в рот воды», по его выражению. Всей душой поддерживая перестройку, мы стремимся к строгой переоценке своей работы в прошлом и настоящем. Чтобы никогда больше не повторилась уродливая ситуация, когда КГБ ставили на защиту местнических интересов, не имевших ничего общего с обеспечением государственной безопасности.

Мы — за гласность! Но за гласность с высокой степенью моральной ответственности за свои слова и их последствия. И здесь не место домыслам и сплетням, полустершимся в памяти, лишенным исторического фона и вырванным из контекста времени. У правды одна основа — факты во всей их противоречивости.

Так когда же был искренним полковник Я. Карпович перед нами? Тогда или сейчас? Где же вы были раньше?..

...Грустно видеть, как раскаяние приходит к человеку, лишь когда в тепле, на покое, при неплохой пенсии и денежном содержании он пытается добиться дешевой популярности вот таким, малопочтенным способом.

В. ВЛАСОВ, А. МИХАЙЛОВ, Н. КОВАЛЕВ, М. ОВЧИННИКОВ — всего 20 подписей, сотрудники УКГБ СССР по г. Москве и Московской области.

ПАМЯТЬ ПОДВЕЛА...

В последнее время об органах госбезопасности много говорят и пишут. Полковник КГБ в отставке Я. В. Карпович утверждает в статье «Стыдно молчать» («Огонек» № 29, 1989 г.), что и сейчас «КГБ молчит и по-прежнему тихо делает свое дело». Не хочу вступать в дискуссию по этому поводу, так как мало знаю о работе органов госбезопасности в настоящее время.

Позволю себе высказать только личное мнение о статье Я. В. Карповича и коснуться лишь тех событий и фактов прошлого, о которых хорошо знаю, будучи в то время (до июня 1967 года) на партийной работе в Москве.

Складывается мнение, что Я. В. Карпович решился написать статью, движимый не чувством совести или запоздалого раскаяния, а скорее всего в страхе, понимая, что пришло время держать ответ за допущенные лично им беззакония.

Ведь именно автор занимался писателем Аксеновым, принимал участие в выдворении из страны А. И. Солженицына, и уж совсем не случайно, когда у «высокого начальства» решался вопрос о выезде в Израиль Э. Лазебниковой и Д. Маркиша — жены и сына Переца Маркиша, там присутствовал автор статьи. В КГБ посторонних людей едва ли допускают на такие совещания.

Возникает и такой вопрос: а как же к автору попали фотографии Петра Якира и священника Д. Дудко или листовка, которые, надо понимать, в то время были оперативными материалами, и вряд ли в КГБ их раздавали направо и налево?

Автор пишет: «Мне кажется, что очень большое влияние на то, что госбезопасность с середины пятидесятых годов и до восьмидесятых (может быть, и до сего дня) занималась не свойственными ей функциями и делами, оказали кадровые изменения. Изгнанные «специалисты» были заменены партийными и комсомольскими функционерами, которые внесли в жизнь органов повальную некомпетентность...»

Да, в ходе реабилитации жертв сталинизма стало очевидно, что надо незамедлительно вносить кадровые изменения в состав органов КГБ, очищая их от тех «специалистов заплечных дел», о которых печется автор статьи «Стыдно молчать».

Нам известно и то, что работников, которых партия направила на укрепление органов госбезопасности, кадровые специалисты КГБ встречали в то время плохо, создавали им всяческие трудности, а порой и невыносимые условия для работы, распространяли о них всякого рода слухи и небылицы вроде тех анекдотов, о которых автор рассказывает в своей статье. Что-что, а уж в этих методах «специалисты» времен культа и беззаконий поднаторели основательно, в чем я мог убедиться, так как принимал непосредственное участие в партийной реабилитации не одной тысячи невинно пострадавших коммунистов.

Как видно, и автор статьи хорошо был осведомлен об этих негодных методах. Полковник в отставке Я. В. Карпович в своей статье привел «случай», свидетелем которого он якобы был в конце шестидесятых годов, когда бывший секретарь МГК КПСС позвонил, мол, начальнику управления КГБ Москвы и потребовал очистить приемную ЦК КПСС от группы рабочих, строителей Москвы, а зачинщиков похода в ЦК КПСС арестовать.

Я утверждаю, что такого случая не было и быть не могло. Более того, в бытность мою на посту секретаря Бауманского РК КПСС (IX.1954—V.1960 гг.) и на посту секретаря МГК КПСС (II.1961—VI.1967 гг.) не было ни одного случая, чтобы я лично или руководимый мною партийный орган давал КГБ или другим правоохранительным органам указания об арестах какихлибо лиц. Прием, которым пользуется бывший полковник КГБ Я. В. Карпович, дурно пахнет. Во времена культа по ложным доносам и клевете посылали в лагеря или расстреливали неповинных людей, а теперь автор статьи «Стыдно молчать» таким грязным приемом пытается отмыть себя, а грязью этой публично облить других.

Пишу потому, что среди миллионов читателей журнала какая-то часть может принять слова автора за правду.

Н. ЕГОРЫЧЕВ, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в отставке, член КПСС с 1942 г.

Нина ЧУГУНОВА

Фото Евгения СТЕЦКО

Оптина, завязь...

Какое средство употреблять против помыслов, сильно влекущих меня к осуждению ближняго, и особенно того, который меня чувствительно оскорбляет, которого поступки кажутся несообразными званию о Христе и дерзкими. Не в состоянии быть мирным, а не быть покойным в духе, значит носить душевную тяжесть?

— При появлении помыслов, побуждающих тебя к осуждению ближняго за нанесенную им тебе обиду, когда рассвирепевшая буря мысли устремится к взаимному отмщению, сообрази состояние скорби твоей с бывшим состоянием скорби Спасителя мира. Того, напротив, который наносит нам оскорбления, мы должны почитать благодетелем нашим: он не другое что, как орудие, коим Бог устраивает наше спасение.

Мир будет просвещать разум подвижника, заря кротости духовной простерт свои лучи на ум. Когда же разум не будет мрачен, он удобнее может отразить зло.

— Каким образом согревается охладевшая душа?..

Из ВОПРОСОВ УЧЕНИКА И ОТВЕТОВ СТАРЦА «Исторического описания Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящего при ней Скита Св. Иоанна Предтечи» Леонида Кавелина. С.-Петербург, 1847.

* * *

Оптина пустынь, светоч Русской православной церкви, пожала судьбу монастырей, церквей, крестов, колоколов российских. «Золотая чаша, в которую сливалось все лучшее духовное вино России» (М. Концевич), была выплеснута и разбита. Говорят, что когда колокол снимали, чтобы увезти и переплавить, а через семь десятилетий разыскивать взамен хотя бы и малые колокола, в приходах вымаливая, то девятисотпудовый, с бархатным, повсюду слышным голосом колокол не проходил в проем колокольни, так что сначала был разломан проем, а вслед брошен («нечаянно обронен») и разбит на сотни кусочков колокол. И последние оптины богомольцы, блуждая по земле, вмявшейся от удара, собирали кусочки, чтобы хотя так сохранить память.

Потом об этих событиях писали кратко: «После Октябрьской революции монастырь прекратил свое существование». Но колокол снимали, наверное, в двадцать втором году, и Оптина была еще жива...

Пятый отдел Наркомюста, призванный провести в жизнь Декрет Совнаркома «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», назывался ликвидационным. Декрет издан в январе 18-го.

В начале 18-го на станции Вятка изрублен шашками епископ Дионий Измаильский. В том же году в Елабуге убит вслед за тремя сыновьями протоиерей о. Павел Дернов; в Петрограде красногвардейцы пытались проникнуть в Александро-Невскую Лавру, с увещеванием к ним обратился протоиерей о. Петр Скипетров — убит; в Туле и Харькове расстреляны крестные ходы; расстрел толпы верующих при ревизии церковного имущества в Пермской епархии; убит митрополит Владимир Киевский и Галицкий (Богоявленский); убит протоиерей Иоанн Восторгов, служивший в Покровском (Василия Блаженного) соборе; после трехдневных истязаний зверски убит священник Михаил Лисицин станицы Усть-Лабинская Кубанской епархии; расстрелян настоятель Санкт-Петербургского собора протоиерей Алексей Ставровский, заменивший собой молодого священника, на которого пал жребий репрессии после убийства Урицкого... К 22-му году по суду расстреляно белого духовенства 2691 человек, монашествующих мужчин 1962, монахинь и послушниц 3447, без суда расстреляно не менее пятнадцати тысяч, ликвидировано более семисот монастырей. Соловецкий, как известно, тогда же превращен в первый концлагерь.

Оптина подвергалась уничтожению постепенно.

Сначала были конфискованы мельницы, затем кирпичный и лесопильный заводы. После был отобран лес, принадлежавшие монастырю и кормившие его рыбные ловли, луга, огороды, сады, скот, пасека, скит. В скиту, куда не один раз устремлялся получавший, однако, благословение поселиться поодаль Лев Николаевич Толстой, где бывали Достоевский... впрочем, о чем я? — в скиту должен был быть устроен дом отдыха. Наконец, «основанный в XIV в. предводителем шайки разбойников Оптою (Макарием) монастырь и центр старчества, сплотивший вокруг себя ортодоксально мыслящих представителей интеллигенции с целью поддержать мистический дух и противодействовать всему новому (цитирую «Атеистический словарь».— **Н. Ч.**) — т. е. развитию науки и материалистической философии...» п р е к р а т и л с у щ е с т в о в а н и е.

Из оставшихся трудоспособных монахов была организована иноческая сельскохозяйственная артель. В храмах обители пока еще совершались службы. 30 июля 1922 года, проболев немного более года, окончил свое земное бытие старец иеромонах Анатолий (Потапов). Осиротевшие духовные дети старца перешли под руководство к отцу Нектарию. Вся оставшаяся братия монастырская и большинство сестер Шамординской обители * (бывшего прибежища не одних лишь духовных сестер, но множества бесприютных сирот) еще держались вместе под видом артелей, кормя себя трудом на небольших огородах. Зимой того же года старца Нектария арестовали. Больного, его увезли в санях.

Из молодых монахов до конца оставался в Оптиной послушник Илья Жирнов, впоследствии иеромонах Иоанн (скончался в ссылке), но немолодые монахи держались тверже, жили в обители под страхом изгнания, ареста.

* Сегодня это место запущенное, ничье.— **Н. Ч.**

Когда храмы, кладбище, трапезная, скит и семьдесят гектаров монастырского леса перешли в ведение государства и государственного музея, а монастырские здания занял детский дом, из братии было позволено остаться лишь двадцати монахам в качестве рабочих и сторожей, остальные покинули Оптину с великой скорбью, но остались поблизости в Козельске. По настойчивой просьбе крестьян из деревни Стенино в Оптиной был оставлен для богослужения Казанский собор, и в нем отныне почти ежедневно совершал службу вместе с иеродиаконом Серафимом иеромонах Никон, ученик и келейник старца Варсонофия и автор записей «Дневник иеромонаха Никона Беляева»

(последним он покинул обитель).

В июне 1924 года двери Казанского храма были заколочены досками, но о. Никон продолжал еще жить в Оптиной и принимать верующих для беседы и служил всенощные бдения в больничной кухне. Последняя всенощная, совершенная в Оптиной о. Никоном, была 15 июня двадцать четвертого года.

К этому времени в Козельске собралось очень много монашествующих. В козельской газете писали, что «по вечерам из каждого переулка и из-за каждого угла выползают черные вороны».

Отец Никон (Беляев) умер от туберкулеза в ссылке в «Архангельской области» (на Соловках?) в 1931 году. 15 мая 1932 года декретом правительства за подписью Сталина была объявлена «безбожная пятилетка», поставившая целью: к 1 мая 1937 года «имя Бога должно быть забыто». Когда перед завершением пятилетки был проведен опрос, результаты его оказались конфузными, о чем писала в «Известия» Н. К. Крупская: «...массы были смущены параграфом опросного листа, касающимся религии». Перепись показала, что две трети сельского населения и треть городского откровенно веруют. Пятилетка была перенесена, и новый подсчет должен был состояться в сорок втором году. Страшно вымолвить: война остановила истязание.

* * *

Через шестьдесят пять лет после последней всенощной мученика за веру о. Никона в щебечущем солнечном лесу за Козельском я встретила на тропинке двух девушек, повязанных платочками, и спросила дорогу на Оптину. Они указали, напоследок обернулись.

— Господь доведет,— сказала одна.

И мне открылся купол в строительных лесах.

Перед монастырскими воротами стояли вразброд сельхозмашины под желтой вывеской «СПТУ». На дороге остановились «Жигули», оттуда выбрался мужчина в цветных полотняных трусах и женщина... В монастыре ударили к трапезе.

В трапезной молились, после разом сели, а кто-то стал читать Писание, громко, стоя перед как бы пюпитром с книгой.

— Ешь,— сказала веселая москвичка Людмила, черпая фасоль.

— Для вас читают,— озлилась паломница в крепдешине довоенном. У этой старушки все зубы были металлические.

— Можно молчать во славу Господа, можно и говорить во славу Господа,— быстро и радостно сказала Людмила.

Все в трапезной громко стучали ложками. Потом встали и запели. И я встала, как на собрании. Потом убрали посуду и, когда спускались с тарелками из трапезной, посторонились, давая дорогу послушникам, инокам, ризопросфорным, мантийным — в облачении...

Но вообще странное чувство было разлито во всем воздухе Оптиной, прежде не виданной мною никогда... Не одно лишь благолепие, а если и благолепие, то все же с шумом некоторым, с гамом строительным, с запахом стружки и бензина. И широко шагал через весь двор молодой и чернобородый отец-эконом Мелхиседек, да и прямо спор слышался от строительной площадки, где бегали мальчишки, стучали топоры.

Возвращенная обитель живет в молитвах и трудах.

Из записи беседы с корреспондентом наместника Свято-Введенского монастыря отца Евлогия (Смирнова).

— ...все-таки многие, очень многие жили тогда так: завтра — не быть России. Кто же вселял надежду? Это сделала православная церковь. Именно церковь обратилась к народу в опаснейшее для его духа время. Мне ветераны рассказывали: мы сидели в окопах и не было в нас веры в победу, и вдруг!... Да, обращение церкви было благотворно.

— И это совершилось не медля, а вскоре.

— Да! Никто не ожидал! На второй, на третий день войны. Отзывчивой показала себя церковь.

— Отец Евлогий, были священники, благословлявшие оккупантов.

— Ах, знаете...

— Невозможно же говорить, что они «не знали официальной точки зрения». Разумеется, благословение было искренним.

— Но вы представьте себе: оккупанты шли — и открывали закрытые прежде храмы. Вернулось то, что было когда-то...

— ...удавлено, чего не делалось и при Орде.

— Да, Орда не запрещала богослужение в православных храмах.

— Мы говорили с вами о «списке врагов народа». Что же, с церкви началось избиение народа? Мне непонятно столь быстрое пробуждение жестокости в народе. Мне непонятна эта физкультурная быстрота, с какой милость сердца уступила крепости сердца, одна вера — другой. Бог — божеству.

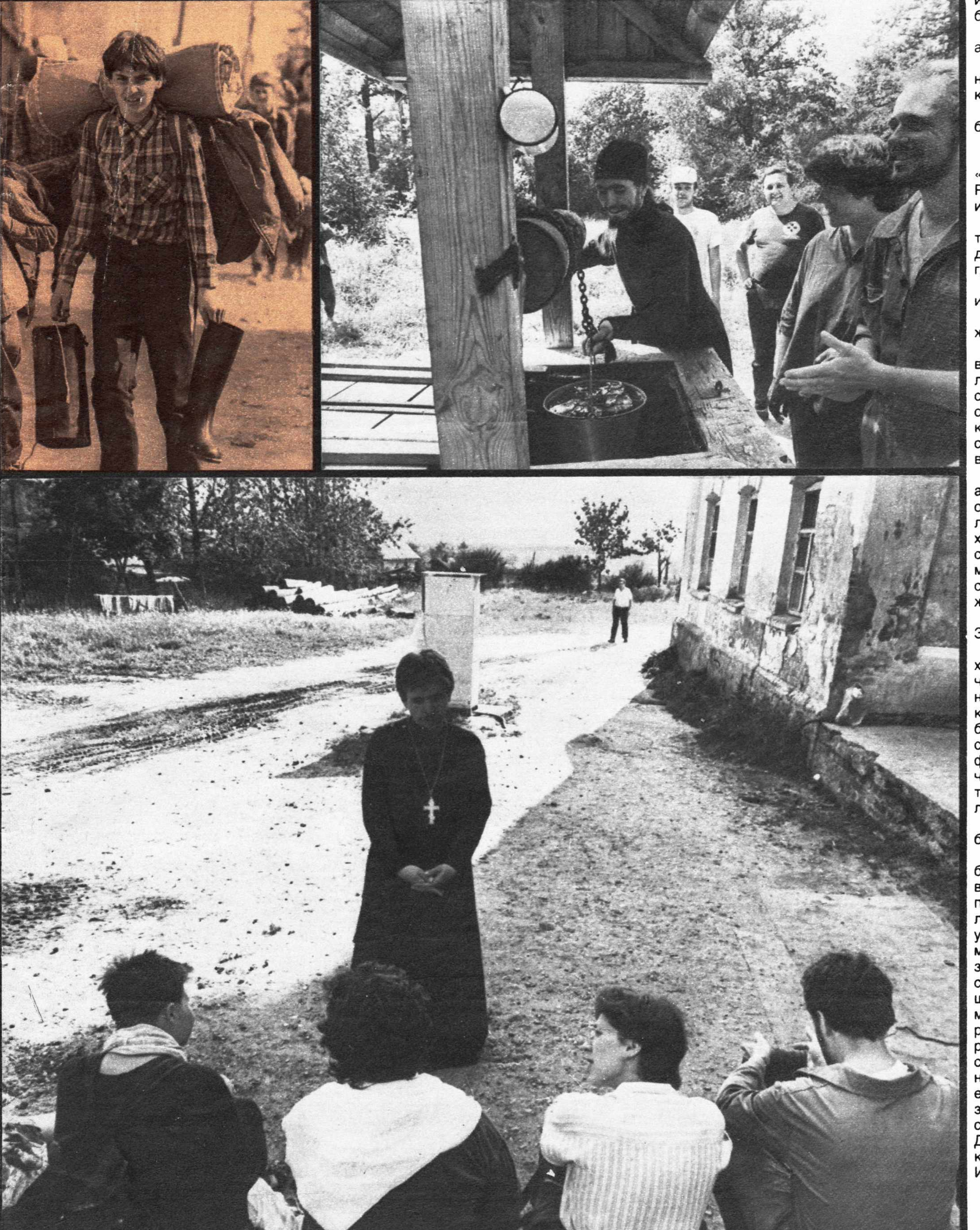
— ...Да, я рассказывал об иноческой артели, образованной после закрытия обители. Бедная была артель. Собирали даже травы... Недавно! Ко мне приходят паломники, семейство, и приносят — вот, возьмите эту травку. Они мне ее приносят и говорят: батюшка, скажите, что это? Теперь вы мне скажите: что это?

— Не знаю, отец Евлогий, не знаю. Запах странный, чудный.

— Таволга! (смеясь счастливым тихим смехом). Таволга! Исконный русский чай. Эти люди мне сказали: вы сидите на сокровище. Вам за нее пошла бы копеечка на кирпичики. Да... а здесь был дом отдыха, и лагерь был пионерский. Один старожил московский, профессор, узнал, что я в Оптину назначен, сказал: а вы знаете, куда вы едете? Туда, где я до войны был в пионерлагере. Как? — сказал я. Вот так.

— В те годы в пионерских отрядах был лозунг «Режим — основа лагеря!».

— В прошлом году детдом, который был здесь довольно долго, устроил встречу своих воспитанников. Встреча происходила в скиту. Люди все пожилые, благородные, интеллигентные, ученые. Съехались со всех краев и земель страны. Увидев меня, они даже забыли, зачем собрались. Мне дали слово. Я рассказал о монастыре, о наших намерениях. Меня с большим вниманием выслушали. По окончании моей речи двое пожелали ответить — интересно, что у них совпало желание. Они сказали: вы приехали на восстановление и встретились с таким разрушением. А мы здесь когда-то живали и знаем здесь каждый кирпич. В трудных обстоятельствах, в каких оказался наш Дом, нам пришлось печи сооружать из кирпичей крепостных стен, башен. И в этом мы перед вами виноваты и хо-

тим принести вам наши извинения. Глубокое извинение в том, что мы не так хранили вашу обитель, как следовало бы.

Вот какое они нашли слово...

— Послевоенные дети невинны. Оптина пустынь была вычеркнута из справочников, учебников. Соберись они сами узнавать — узнали бы, что был центр реакционного старчества.

— Оптина прославилась своим знаменитым старчеством. Но слово «реакционное» можно найти только в таком справочнике... атеиста. Прославилась она особливым старчеством. Можно сказать, неповторимым. Хотя история старчества древняя, восходит к Востоку, к греческому монашеству. Но если на Востоке старчество процветало в кругу монашествующих затворников, то у нас оно было открыто в народ. Все шли в Оптину... Ну, начиналось еще с крещения Руси. Сергий преподобный открыл двери людям.

— И укреплял слабый дух князя...

— ...И Серафим Саровский. Ну, а Амвросий привлек к себе не только простых верующих, но и интеллигентов. И эти люди, оставляя проблемы внешние, говорили с ним о проблемах внутренних, общих. Шли знаменитости! Философы, писатели, композиторы, поэты... Перед старцем они представали людьми, у которых есть масса вопросов. Было очень высокодуховное общение. И об Оптиной говорили, что она выделяется не своим, скажем, ансамблем...

— А были такие?

— Конечно. Тихонова пустынь. А здесь не было роскоши архитектурной. Единственно, чем выделилась обитель,— своим служением людям. Что такое старчество? Это вера. Это глубокая, серьезная просвещенность. Это опыт. Ведь их вопрошали, не они. К ним шли. У Амвросия, у его кельи люди простаивали по нескольку дней, а то и по неделям. Представьте себе: несколько сотен человек, и все ждут...

— Наши справочники упрекают институт старчества в реакционности одного из главнейших принципов — принципа безусловного подчинения при послушании.

— В том состоит подвиг человека, что он отказывается от себя и от своей воли и вверяет себя отеческой воле старца. Настоящее обладание собой человек находит в добровольном подчинении!.. Человек в отличие от животного от рождения наделен некоторым стремлением к свободе. Но не к произволу. Если человек свободно подчиняется высшей воле...

— Я все думаю о том, что в предшествующие десятилетия многие люди совершенно добровольно подчиняли себя чужой воле. Страшно, как страшно, что с равной сладостью человек подчиняется и равно ликует, что отныне своей воле не принадлежит, а между тем, думая, что Ученик, он всего лишь низкий раб...

— Отличие религии в том и состоит, что подчинение не низкое, рабское, а сыновнее. Как в семье.

Славная Оптина пустынь, разграбленная в Смутное время, восстановленная в семнадцатом веке, закрытая Петром в 1724 году распоряжением о малочисленных монастырях, восстановленная усилиями вкладчиков, до конца восемнадцатого века бывшая в тени и имевшая в штате всего-навсего семь монахов, вдруг воссиявшая и возвысившаяся духом монашеской жизни, к началу двадцатого столетия имевшая тридцать три тысячи томов в своей библиотеке и вновь подвергшаяся... разорению? разграблению? разрушению?

Один раз, и другой, и третий отец Евлогий услышал свое имя в связи с Оптиной. Он изумился слухам. Они подтвердились. Он был назначен. Тогда он прочел записки отца Моисея и узнал, что храмы можно строить и без средств. О. Евлогий поразился — и поверил. Оптина юридически перешла во владение Патриархии 17 ноября 1987 года, но фактически несколько иноков Данилова монастыря переселились сюда уже в октябре, «как некий десант», если пользоваться выражением наместника Пустыни архимандрита о. Евлогия. К тому времени на протяжении семнадцати лет государство выделяло на реставрацию зданий бывшей Оптиной пустыни какие-то малые средства: ведь одному из храмов Пустыни в этом году исполняется триста лет! Малыми силами «Росреставрации» из руин все же была поднята маленькая Башня Святых Врат. В ней-то и совершилось первое богослужение, о котором реставраторы, паломники и, несомненно, братия вспоминают с восторгом. Там же вскоре прошли первые постриги, рукоположения в священнические степени.

Так, молитвой провозгласив возрождение обители, надо было трезво оглянуться вокруг.

Монахи в Оптину поступали, кроме Данилова монастыря, из Троице-Сергиевой лавры, из духовных школ. К концу 88-го их было двадцать. Несколько раз отслужил в возрожденной обители митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир. Он же рукополагал иноков, передал в дар икону Богоматери —Иверскую. От фундамента начались работы по «восстановлению» колокольни, полностью снесенной.

Наброски, сделанные в кабинете во время производственного совещания.

— Батюшка (говорит архитектор), у нас появился новый объект, часовня Пафнутьевская. Проведены раскопки.

(О. Евлогий): 14 мая день Пафнутия Боровского, и мы подчиняем богослужебный чин правилу хождения на Пафнутьевский колодец. 28 сентября праздник Воздвижения креста Господня. К этому дню надо бы иметь возможность совершить проход к колодцу и молебствование.

(Решительный голос, мирской): Там воды никогда не будет!

(Другой голос): Там воды будет столько, сколько пожелает наместник.

(О. Евлогий): Ведь когда прикрыли Пафнутьев, открылся другой? Мы там были позавчера и даже... окунулись.

(Решительный голос — другому голосу): Вы даете гарантии?

— Даю триста процентов гарантии, что вода в Пафнутьеве будет!

— ...Отец Евлогий, надо бы возродить в Оптиной целебные травы. Государь Петр потчевал таволжным чаем немецких баронов, я знаю, мой род ведет себя от 1613 года. Если позволите...

— Ах, вот ты кто (решительный голос)! Сажать тебя, оказывается, надо!

— Это вы так шутите.

— Братья, наше время кончается. Какие вопросы?

— Надо бы паломников приобщать.

— (Решительный голос): А вот к нам иностранцы ездят. Может, это... просить у них. Мол: а подарите грузовик, а? Что смешного я сказал?

— Беда — телефон. Батюшка, они нам говорят: радиотелефон! Но ведь он от грома и от молнии отключается. И вот мы отрезаны от мира...

Как выглядит Оптина сегодня, через год после начала богослужения в ней (первое было проведено с особенной исторической трогательностью, поскольку временные Золотые Ворота были изготовлены из фанеры, а молящиеся все поместились в крохотной Надвратной)?

Оптина по-прежнему выглядит, как обитель, где несколько десятилетий кряду был либо склад, либо дом отдыха... Для храма все равно, танцуют в нем или хранят цемент — одинаково разрушаются его стены. Можно в храме даже устроить, о чем я недавно прочитала в газете, комсомольский «храм милосердия» вроде клуба. И даже концертный зал. Храму — ему едино. В храме должно молиться верующим. Неверующие, маловеры — пусть отойдут. Итак, давайте отступим благоговейно.

Да, Оптина все еще выглядит разрушенною, и все копается в моторе «Жигулей» тот дачник или отпускник, встретившийся мне.

Но чист, светел и бел, но сияет золотом, огнем лампады и образами сохраняющий леса по-над иконостасом первый из восстановленных храмов обители, где можно отслужить молебен не теснясь.

Колокола его, привезенные из разных мест, звонят. Их края кое-где обиты.

— Раньше, до войны, в пору моего детства,— сказала старушка паломница, поддерживаемая под локоть сыном,— храмы стояли иначе.

Нет. Храмы стояли именно так. Так стояли и когда Николай Васильевич Гоголь написал: «...за несколько верст, подъезжая к обители, уже слышишь ее благоухание, все становится приветливее, поклоны все ниже, участие к человеку все больше».

— Как сильно все пострадало в войну,— сказала она.

— В какую? — спросили ее.

— Война у нас, детки, была одна,— заплакав, сказала она.

Один человек, похвалявшийся мне, что перепробовал все вина на свете, знавший, что такое любовь любимой женщины и дружба друзей, внезапно оставил их всех и, в чем был, оборванцем, покинул мир, судьба привела его в Оптину пустынь, и вот он исполняет при монастыре всякую работу в очевидном для всех и, как мне показалось, пока бесплодном ожидании благословения на послушание.

Другой человек занимал высокий административный пост. Пришел в его жизни и такой день, когда его, не спавшего ночь, встретили на пороге его кабинета люди, которые вчера были его друзьями по дому и по партии, и сказали ему, что ему все простится и будет оставлен ему его кабинет, будет оставлено право пользоваться служебной машиной и пакетами с почти дармовой вкусной пищей, если он пообещает больше никогда не ходить в церковь. Он выслушал их, повернулся и ушел. Это было шестнадцать лет назад. Теперь он здесь.

Другие были: архитектор, физик, врач, студент... В обители около сорока человек братии. Большинство моложе тридцати. Самому молодому двадцать один. Недавно пришел просивший благословения, но отец наместник, выслушав его, сказал: подумайте год...

Я шла монастырским двором, вдруг меня тронули за рукав, и бледное личико молоденькой сестрицы келейника глянуло на меня.

— Гордыня в тебе,— сказала она и обняла меня зачем-то.

А я шла в библиотеку, вошла и увидела голые полки, и примерно триста новеньких томов отразили бледный свет из окна, как личико сестры.

«Оптина — завязь новой культуры. Она есть узел, не проектируемый только, а живущий вот уже сотню лет, который на самом деле осуществляет ту среду, где воспитывается духовная дисциплина...» — писал Павел Флоренский.

Какое мне средство употребить против помыслов, сильно влекущих меня к осуждению ближняго.

Было 33 тысячи томов. Была своя типография, знаменитейшие переводчики. Имелся 201 список творений отцов церкви и аскетических сборников, 107 списков житийной литературы, 73 списка богослужебных текстов, 68 списков разного исторического содержания. Оптина завязь новой культуры...

Стало около трехсот книг. Имущество Оптиной все еще держит у себя Ленинская библиотека. Недавно оттуда передали... брошюры. И то спасибо: за брошюры сочли издания до шестидесяти страниц, а не до сорока, как принято. Приобретение!

В пустой библиотеке библиотекарь инок Сергий долго говорил мне о Боге. Жизнь отца Сергия пройдет в молитве и в чтении. Он добр. Монастырский сторож стращал меня двенадцатью греховными поколениями моих предков, а отец Сергий говорил о любви. Он, правда, сказал, что надо любить и злодеев, даже Сталина, даже Берия, и я сказала: нет, никогда. А он улыбнулся. Он сказал, что нельзя стараться сравниться со злодеями в ненависти к ним, и я согласилась.

Инок Сергий причастен чуду. Он его видел и поверил ему.

В тот день отец Евлогий работал в своем кабинете, как вдруг вбежали к нему с странной вестью: икона Божьей матери, накануне привезенная во храм, источает росу. Взволнованный, не решающийся об этом помыслить чтолибо заранее, о. Евлогий устремился в храм. У иконы уже собралась небольшая толпа. Она расступилась, и о. Евлогий прошел к иконе. Он приблизился к ней, не смея обыскивать икону взором, но, проговорив молитву, тотчас увидел крупную росу, капли которой, казалось, готовы вот-вот сорваться. Он тронул влагу ладонью, собрав ее всю, и провел ладонями по своему лицу, почувствовав на ладонях миро. Но влага стала выступать вновь. Он призвал инока и велел ему собирать влагу на клочок ваты. Инок Сергий стоял пред образом Богоматери всю ночь и к утру принес о. Евлогию много клочков ваты, насквозь пропитанных благовонным миро.

«Какой день, какой день сегодня?» — думал о. Евлогий, проводя ладонями по лицу.

То был день возрождения Оптиной, ее новая годовщина, день чуда, о котором десятилетия не смели молиться, и вот оно совершается на наших глазах, во славу Господню!

Так мне рассказывали.

Я покинула Оптину рано утром в дождь. На пустой дороге передо мной возник человек из ниоткуда.

— Что вы там делали, кто вас пустил, гнать вас надо,— сказал он мне.

Некоторое время он раскованно ругал меня за уничтожение нравственных устоев русского народа посредством репродукций в журнале. Я слушала его, пытаясь понять, откуда мне знакомы эти интонации, эта неприятная ненависть. Где-то со мной уже так говорили. И мне уже бывало страшно, каюсь. Однажды мне позвонили по телефону и тоже так говорили, меня не слушая. Этот человек называл себя истинным верующим и исконным русским.

— А ведь ты майор,— вдруг осенило меня.— Благодетель мой!

— Так точно,— откликнулся он, как на кличку пес.— Два срока. Откуда знаете?

— Сиживали за столами,— сказала я, отгоняя наваждение.

Он ушел туда, к воротам, он прибыл молиться в святой день Богородицы Боголюбской, а я пошла в Козельск, и дождь все усиливался. И дорога была долго пуста.

Никогда со мной не творилось такого одиночества.

Никогда такой озябшей не была душа моя.

ПРИМЕЧАНИЕ:

Монашество—первоначально уединенная жизнь ревнителей той или иной веры, связавших себя добровольными обетами нестяжания, аскетизма, безбрачия и т. п. М. зародилось как форма пассивного протеста против бесчеловечных условий жизни в рабовладельческом и феодальном обществах, как жест отчаяния... В М. много нарочитого, показного, рассчитанного на чисто внешний эффект и предназначенного для возбуждения у верующих религиозной экзальтации; для него характерен разрыв между строгими обетами и довольно привольной реальной жизнью монашествующих, что давно уже сделало М. синонимом ханжества и лицемерия. В настоящее время М. повсеместно переживает и духовный, и организационный кризис.

(«Атеистический словарь», Политиздат, 1983.)

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

«АНТИСПИД»: ПЕРВАЯ КОНТРАТАКА

60 000 одноразовых шприцев из Японии — уже в Москве, в республиканской детской больнице, в которой лечатся дети со всей страны.

Это подарок фонду «АнтиСПИД» при журнале «Огонек».
Фирма-изготовитель — «МИСАВА».
Фирма — организатор благородной акции — «КЁХО ЦУСЁ КАЙСЯ».

Мы благодарим японских друзей,
и прежде всего главу представительства фирмы — господина А. Сасэ, инициатора акции,
от имени маленьких пациентов и их родителей,
от имени всех читателей и журналистов «Огонька».

Номер валютного благотворительного счета «АнтиСПИД» во Внешэкономбанке СССР — 70000015.

ПОЛУРАСПАД

Начало на стр. 6.

ВОПРОС: — Не вышло ли так, что люди за пределами 30-километровой Зоны, где, как выясняется, произошло значительное загрязнение среды, эти люди, будучи не эвакуированными, получили большую дозу облучения?

БУЛДАКОВ: — Неправильно! Нами подсчитано, что неэвакуированные по нормативам могли получить за первый год 10 бэр, а реально получили 5. Аналогичное соотношение за второй год 5—3. За третий: 3—2,5. То есть доза «сэкономлена» рядом мероприятий. Она была меньшей, чем у припятчан.

ИЗРАЭЛЬ: —Логика тут такая,— я хочу помочь моему коллеге — отселялись люди из тех зон, где они в первый год после аварии наверняка бы получили больше 10 бэр. Такой была первая норма, установленная Минздравом.

БУЛДАКОВ: — Кратковременное облучение в 2—10 раз эффективнее по вызыванию отрицательных ощущений, чем растянутое во времени. В тех же самых дозах. То есть я хочу сказать, что кратковременное облучение опаснее в 5 раз!

ИЗРАЭЛЬ: — Что касается Припяти, то, к счастью, ветер был направлен на запад и на север. Город как бы оказался в углу этих двух зон. Подуй ветер прямо на Припять — люди могли бы получить огромную дозу. Поэтому в апреле 1986 года сложилось мнение, что жители Припяти должны быть эвакуированы при любых обстоятельствах.

ВОПРОС: —Простите, но в таком случае хотелось бы от вас обоих получить как можно более определенный ответ на вопрос: нуждаются ли в данный момент жители Брянской области, областей Белоруссии и Украины, тех районов, где выпали радиоактивные осадки, в эвакуации или нет?

ИЗРАЭЛЬ: — Если обеспечить людей чистым питанием на протяжении всей жизни, запретить использование сельхозпродукции, которую они получают на подворьях, можно было бы обеспечить дозу в 35 бэр (это новая, относительно безопасная доза, утвержденная Минздравом СССР). Кроме нескольких населенных пунктов. Однако вопрос, который ставит, например, Белоруссия: срочно отселять людей из районов, где плотность загрязнения превышает 60 и даже 40 кюри на квадратный километр, совершенно справедлив.

БУЛДАКОВ: — Люди недовольны, они боятся. Значит, их здоровыми считать нельзя. Я помню, как в Челябинске-40 была авария, люди были очень возбуждены, но одни уехали, другие остались. Надо помочь и тут людям уехать, но они должны знать, что *мы не связываем эвакуацию с радиологическими последствиями.*

ИЗРАЭЛЬ: — Да, *предполагаемое отселение не связано с радиологической необходимостью.* Тут комбинация нескольких факторов, их надо учитывать. Однако если уровни радиации плотностью по крайней мере 40 кюри на квадратный километр беспокоят людей, отселение необходимо осуществлять. (Выделено мной. — *А. Г.*)

И мы пожали друг другу руки. И, увы, разными взглядами окинули развешанные карты. Я думал о грядущей судьбе более чем 500 тысяч человек, проживающих только на территории Белорусской зоны. А также об упорном нежелании академиков связывать возможную эвакуацию с радиационным фоном. Дома я снова включил диктофон и прослушал это импровизированное интервью. Формально оба академика вроде бы не против отселения. А повышенный радиологический фон как бы и ни при чем.

Я уж не говорю о том, что сами академики не разъезжали с дозиметрами по районам загрязнения, что им могли «солгать во благо», и данные, обозначенные на картах, почему-то расходятся с теми, которыми располагают белорусские ученые. Складывалось ощущение, будто Израэлю и Булдакову, широко известным, уважаемым и достаточно независимым людям, кто-то строго-настрого наказал: «Воздержитесь от резких оценок! Объясните прессе и общественности, что особой опасности нет. Хотят люди покинуть дома — пусть уезжают!».

Этот «кто-то», видимо, прекрасно понимает, что сама по себе перемена места жительства охраняется Конституцией. А если — под эгидой государства? Тут уж дело пахнет не миллионами — миллиардами!

Объяснимся окончательно: как бы ни думалось академику АМН СССР Л. Ильину, кстати, председателю Национального комитета по радиационной защите, что в Белоруссии и на Брянщине «раздувается духовный Чернобыль», все-таки и автор этих заметок, и журнал «Огонек» склонны всецело поддержать гуманную и добропорядочную концепцию белорусских ученых. Они-то считают, что человек важнее самых дорогостоящих атомных реакторов. Его жизнь бесценна. И если он до сих пор живет там, где нельзя пить молоко, есть овощи, то надо мужественно посмотреть правде в глаза: несмотря ни на какие затраты, государство **обязано** взять на себя заботу о своих гражданах, если их здоровье в опасности!

«ОГЛУШЕННАЯ ЗОНА»

Мы вечно спешим и потому путаемся в точках отсчета. Нам кажется не столь уж важным, что изобретен атомный реактор, который может взорваться, о чем осведомлены конструкторы, но газеты выходят с аншлагами: «Мирный атом служит человеку!» Пассажир авиалайнера, который знает, что его предприятие гонит брак, мысли допустить не может, что такой же брак допустили на авиационном заводе. А самолеты-то иногда падают...

Апрель 1985 года стал еще одной «точкой отсчета» в отечественной истории, но исторические периоды не заканчиваются согласно воле одной, пусть даже выдающейся личности. И не начинаются новые. Исторические периоды обладают свойством инерции. Можно, конечно, понять желание, горячее стремление прогрессивных лидеров нашей страны как можно скорее вывести государство из тупика, в который его окончательно загнала брежневщина. Но желания не всегда бывают адекватны реалиям, а сила действия, как гласит закон, равна силе противодействия.

Трагедия Чернобыля удесятерилась из-за того, что произошла на стыке двух времен, я бы сказал, в тот

Фото Л. ГЕЛЬДЕРМАНА

Фото А. КНЯЗЕВА

Фото И. ГАВРИЛОВА

именно год, когда все мы и без катаклизмов ощущали наступление консервативных сил. Чернобыль оглушил **нас** неслыханным горем, а **их** почти лишил надежды на то, что возможен «обратный ход». Во всяком случае,— лишил надолго, потому что взорвал ситуацию в стране; газеты перестали писать насчет того, что «все мы в одной лодке»,— тогда и двинулась вперед, все еще скрипя всеми колесами, перестройка.

В общем, мы прославились на весь мир политической трусостью и диковинными «сообщениями ТАСС» ровно через год после апрельского (1985 года) Пленума ЦК КПСС, через год после того, как была намечена новая программа. Но по закону инерции «новое мышление» не возобладало над многими умами. Брежневское время еще длилось, показушная смена кадров в 1986-м ничего практически не дала. Она бы не явилась эффективной даже в том случае, если б мы решились на 100-процентное обновление во всех без исключения эшелонах власти и сферах влияния. Непривычные новые задачи, поставленные XXVII партийным съездом, пришлось выполнять насупленным людям, которые «еще и не такое видали на своем веку». Которые еще не так давно рукоплескали иным словам, иной политике, и каждый норовил лизнуть в дряблую, старческую щеку «выдающегося государственного и партийного деятеля». Можно ли было вполне рассчитывать на этих людей?

Им требовалось во что бы то ни стало показать, на что они способны «в эпоху перестройки». Ведь иначе — маячило отстранение от кормила власти и пенсионные почести. И они показывали! Это мы им должны сегодня поклониться в пояс за то, что уже после политического переворота (или поворота?) долгие месяцы шла война в Афганистане... За разнузданную «антиалкогольную кампанию», которая не поубавила армию алкоголиков, зато успешно перекачала миллиарды рублей из государственного кармана в карманы спекулянтов... Это они мертвой хваткой вцепились в «колхозный строй», в прогнившую систему «агропрома», не давая развиваться фермерскому и арендному хозяйству, и добились того, что мы на четвертом году перестройки имеем пустые прилавки и развитую талонную систему...

Легендарная Нина Андреева еще не обмакнула перо в чернильницу, последователи Суслова еще только готовились к проектированию новых идеологических капканов для «инакомыслящих». Еще многие миллионы людей не были втянуты в неслыханно активную политическую кампанию по выборам в Верховный Совет, еще никто не топал ногами и не захлопывал академика А. Д. Сахарова, не помышляли о забастовках шахтеры, не было Карабаха, Еревана, Баку, Сумгаита, Тбилиси, Ферганы, Сухуми... Но уже был Чернобыль!

Так стоит ли удивляться, что уже во время ликвидации аварии на ЧАЭС, в первые же ее дни столкнулись мнения, подходы, концепции, системы нравственности? Ложь не просто вредила — убивала, но лгали! Любое промедление наносило непоправимый ущерб здоровью ни в чем не повинных людей, а также детей, внуков — но медлили же!

Ведь не кто иной, как руководитель Минздрава, пребывал в растерянности, когда требовалось принять решение об эвакуации припятчан. Не кто иной, как академик А. П. Александров, возглавлявший Институт атомной энергии и АН СССР, доказывавший в свое время абсолютную безопасность РБМК и имевший самое непосредственное отношение к созданию этого реактора, возглавил после аварии «Чернобыльский совет».

Советы, возглавляемые академиками, заседают по 5—6 часов, не щадя себя, обсуждают, конечно, интереснейшие вещи (вроде проблемы радиоактивного радона в городских квартирах). Но не менее актуальные задачи, связанные с Чернобылем, не решаются, не принимается четких экстренных мер, пока не начинается давление общественности. Нет поэтому и единого хозяина у 30-километровой Зоны.

Не случайно ликвидаторы учредили союз «Чернобыль». Его первым президентом стал главный конструктор Института геохимии и аналитической химии имени Вернадского АН СССР, лауреат Ленинской премии Лев Михайлович Хитров. Для чего же создан союз, почему появилась необходимость в нем?

В нормальном демократическом государстве эта неформальная организация стала бы чем-то вроде французского Почетного Легиона — устраивала бы вечера воспоминаний, обменивалась бы делегациями с атомщиками других стран, учредила бы свои награды. Однако союзу «Чернобыль» придется взять на себя то, с чем никак не могут справиться государственные учреждения,— профессиональный контроль над АЭС и другими атомными объектами повышенной опасности, обобщение практического опыта ЛПА, социальную защиту семей ликвидаторов, которые находятся в бедственном положении. Цель союза «Чернобыль», расположившегося пока в помещении Музея гражданской обороны в Москве,— милосердие, забота о людях, их защита перед бюрократией. Л. М. Хитров сказал, что «Чернобыль» намерен создать независимую медицинскую экспертизу с привлечением медиков из других стран, помогать ликвидаторам и населению, обеспечить людей компактными и эффективными дозиметрами широкого спектра, а 26 апреля — объявить Всесоюзным (а возможно, и Всемирным?) Днем Предостережения.

* * *

Сам убедился: Зона не отпускает. Внешне она даже красива, внутри — уродлива. В глухих ее чащах блуждают одичавшие свиньи, коровы, резвятся на загрязненных перелесках лошади, давшие потомство, напоминающее мустангов. Спасшиеся от пули деревенские дворняги успели сыграть свадьбы с полесскими волками — эти агрессивные помеси волкособак носятся стаями, наводя ужас на тех немногих смельчаков-самоселов, которые рискнули вернуться в родные дома. Исправно ловят мышей упитанные радиоактивные коты.

А люди? Женщины, поработавшие здесь, страдавшие ранее бесплодием, потом, на Чистой Земле, беременеют и рожают детей... Мужчины вместо импотенции обретают гиперсексуальность. Живут здесь и те, на кого Зона подействовала непредсказуемо, превращая человека в некое подобие сталкера. Их работа опасна и изнурительна, подчас она напоминает труд умалишенных. Где еще увидишь покосы трав, «грязных», как реактор четвертого блока, которые сушат, собирают и сжигают в специальных печах, а золу хоронят в могильниках? Или то, как снимают с ветхих строений соломенную кровлю, сжигают, захоранивают, вроде пожарных из повести Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту»?..

Несмотря на усилия милиции, мародерство в Зоне приняло фантастические масштабы, особенно в окрестных деревнях. За пределы ухитряются вывозить старинную утварь, иконы, телевизоры, холодильники, ковры — все это дезактивировать невозможно. А украденное появляется порой в комиссионных магазинах наших городов... Варварски разгромлена изнутри и ограблена Вознесенская церковь в Толстом лесу (построена в 1778 году, охраняется государством!).

...По улице, название которой уже не имеет значения, мимо домов с заколоченными ставнями, мимо заборов, за которыми падали неправдоподобно крупные яблоки, мимо колодцев, в которых отражалась луна, вдоль по улице, постепенно зарастающей рыжей травою, четвертой травой, начиная с горестной весны 1986-го, по Чернобылю, в который уже проникло разрушение, вел меня знакомый, Саша Салмыгин, сотрудник отдела информации и международных связей ЧАЭС, фотограф, сталкер, фанат Зоны. Он только что вернулся из отпуска, который провел в больнице. Медкомиссию прошел еще до этого.

— А если б не прошел, куда б я потом?..— говорил Саша вкрадчивым и тихим голосом, будто здесь, в Зоне, нас и впрямь мог кто-то подслушать.— Киев на работу не возьмет, злятся на припятчан: «Мы столько лет за квартирами в очереди стояли, а тут вы понаехали!» Говорят еще и почище: «Вас-то потом переселят в Славутич (это ликвидаторов), а нас — в «грязные киевские квартиры»?» Предрассудков у людей хоть отбавляй!.. Так что ты в полном смысле слова изгой общества. Ты не реактор, не светишься, но на тебя все равно смотрят, как на светящуюся болванку, которую не знают, куда деть! Лучше избавиться — вот какая логика!.. Это безвыходная ситуация, поверь мне, для тебя остается только Зона, здесь ты человек, хотя на самом деле ты уже недочеловек, ты сталкер, которого затягивает, как в болото. Для тех, кто сюда серьезно вошел, назад дороги нет.

По пути мы с Сашей зашли к Елене Дементьевне Конецкой, выселенной из Чернобыля в 1986-м, которая тайными, одной ей известными партизанскими тропами пробралась в Зону, настояла на том, чтоб приняли ее на работу, дезактивировала, отмыла, отчистила «от заразы» свой дом. Она одна из нескольких десятков самосёлов, которые, будучи отрезанными от жизни, все громче и настойчивей требуют о себе заботы. Чтобы утвердиться окончательно

в Чернобыле, Елена Дементьевна вывесила над ставнями плакат, текст которого придумала лично. Вот он: «МЫ — ХОЗЯЕВА ЭТОГО ДОМА И ЖИВЕМ В ДОМЕ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ, И НИКТО НЕ СМОЖЕТ НАМ ЗАПРЕТИТЬ ВЫЙТИ ИЗ НАШЕГО РОДНОГО ДОМА, КАК ВЫГОНЯЛИ РАНЬШЕ! ЖИЗНЬ В ЧЕРНОБЫЛЕ БЫЛА И БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ ДО 2000 ГОДА, А ПОТОМ ВРЕМЯ ПОКАЖЕТ!»

В синей глубине некоторых дворов мерцал свет, играла негромкая музыка, похохатывали девушки, несло дешевым вином или брагою; иногда вдруг отворялась калитка и парочка вахтовиков, он и она, в полувоенной форме цвета хаки, обнявшись, нетороплиbo пересекали улицу наискосок, отправляясь на ночлег в другое дезактивированное для этой цели жилище.

В Сашином доме горел свет; ликвидатор, один из последних добровольцев, оставшихся в Чернобыле с 1986 года, Сергей Самотесов жарил «радиологически чистую» картошку на огромной сковороде, резал девственные малосольные огурчики; в кастрюльке дымилась юшка из пойманной Серегой рыбы (разумеется, не в пруду-охладителе); он балагурил, то и дело выставляя за двери рыжую дворнягу «послевоенного» года рождения по кличке Блок. Гуляла по рукам потрепанная Серегина гитара, а потом и он, поэт, бард Зоны, сочиняющий песни про то, что видел и пережил сам, ударил по струнам:

Когда набат Чернобыля дошел до слуха каждого,
госбанки, сговорившись, открыли вечный счет,
и первые пожарные ошибки чьи-то правили,
и в рай Володю Правика бег смерти унесет.

Чужой беды приемля боль, в ком честь
не для показа,
спросил себя: «Не я, так кто?» — и сделал
в Зону шаг.
Не каждому достойному отыщется награда,
но в жертвах их и мужестве рождался Саркофаг.

И мы сидели рядышком в этой комнате, в этом чужом дезактивированном доме, в этом городе, от которого осталось многозначительное и пугающее мир название, и дом, качаясь, плыл в ночном пространстве. Дом теперь существовал как бы сам по себе, вне нашего удивительного и жестокого времени, времени полураспада чьих-то душ. И назойливо, неотвязчиво казалось, что именно здесь, в Зоне, наиболее отчетливо звучит некий привет из иных беспечных лет, когда все мы будто бы ничего не представляли, ничего не видели вокруг себя, кроме рыхлой, равнодушной жизни в хорошо охраняемом пространстве.

Сегодняшний Чернобыль — это тоже привет оттуда, из «оглушённой зоны», когда мы, «новая историческая общность», шествовали вперед, к новым победам, под знаменами цвета собственной крови. Это все оттуда, где кремлевскому «отцу» (безо всяких признаков шизофрении!) мерещились враги внутри и снаружи, кто позволил огромной стране втянуться в неслыханную гонку вооружений, по указанию которого, как грибы, стали расти «соцгорода» с ядерною начинкою.

Нас долго убеждали: все, что ни делается, ни строится, ни придумывается — от ГУЛАГа до атомных электростанций,— все на благо человека. Но лучше, если б этот человек поменьше рассуждал, поменьше задумывался о том, кто он и откуда родом, какой национальности, каких исторических корней, какого рода «рог изобилия» ждет его впереди. Все на наше благо — от геркулесовых усилий Минводхоза, загубившего Россию, до Крымской АЭС, поистине царского подарка нашим южным курортным берегам! И сегодня продолжают убеждать: какая радиация, какие лучевые болезни? Это, дескать, мелочи по сравнению с идеями, перенесенными в наши бесшабашные головы мудрыми кабинетными мечтателями! Народ велик, идеи овладевают массами, а ты, серенький, сиди да помалкивай на своей вахте у саркофага, в рубке атомной подлодки, в отравленной деревушке, куда пока еще возвращаются удивленные аисты...

Так какие там сады мерцают впереди, каковы окажутся на вкус райские яблочки, сколько там кюри на квадратный километр будущего? Какой там будет вода, за хребтом XX столетия, свежесть или смерть принесут леса Отчизны?

По цезию-137 выброс из разрушенного реактора четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС был равен 300 Хиросимам.

Полураспад радиоактивного йода — несколько дней.

Стронция и цезия — тридцать лет.

Плутония — десятки тысяч...

Дозиметр включен, и показания шкалы рассекречены.

Чернобыль — Москва.

Самолет Ту-160, который вы видите на обложке этого номера журнала,— новый сверхзвуковой, стратегический. «Оружие нации» — как отзываются о нем военные специалисты. Недавно довелось увидеть его на одном из аэродромов базирования дальней авиации во время показательных полетов, специально организованных для советских журналистов.

...Не первый раз приходит в голову мысль о том, что во всей противоречивости жизни как-то больно задевает сознание такой парадоксальный и в чем-то трагичный по своей философской сути постулат: чем страшнее и смертоноснее оружие, которое сегодня изобретает человек, тем более высокую эстетику старается он ему придать, чем разрушительнее сила такого оружия, тем великолепнее и изящнее его доведенные до совершенства формы. В этом смысле Ту-160 поистине безупречен. Правда, авиационные конструкторы любят повторять, что хорошо летает только красивый самолет. Но ведь новый воздушный крейсер, которому НАТОвские стратеги поспешили дать кличку «Блэк Джек», не просто корабль — это еще и сверхмощная ракетная установка, способная поражать цель в глубоком тылу. Практически, как говорят военные, он может делать все.

Помнится... Яркое летнее утро, жесткая трава на летном поле, и мы, пишущие и фотографирующие, рассыпавшиеся вдоль взлетной полосы, с которой вот-вот должен стартовать стратегический ракетоносец. Сначала вдалеке видно оранжевое облачко, затем в обрамлении двух сильных огней на нас стремительно несется клювообразный нос самолета, в следующее мгновение ощущаем сильную воздушную струю — Ту-160 с оглушительным грохотом отрывается от бетонки и по крутой спирали уходит вверх, в не замутненную облаками небесную лазурь. Не скроем, торжествен этот величественный миг, словно апофеоз многотрудному созидательному творению рук человеческих.

Так привычен нам этот радостно-восхитительный бравурный тон, пестрящий самыми превосходными эпитетами, так не хочется возвращаться с громовых заоблачных высот на пахнущую горькой полынью матушку-землю, но куда деваться от них, чертовски неприятных, грустных реалий, которыми пронизан сегодняшний день и которые не просят, но требуют осмыслить нашу жизнь с позиций жестокой и обнаженной действительности. Слишком долго мы были в плену бездумных и сладких иллюзий, чтобы не понимать, как невыгодно для нас это престижное, но крайне разорительное для бюджета соревнование, кто кого сильнее в небе и на земле.

Американские налогоплательщики и конгрессмены чуть что поднимают скандал по поводу дорогостоящих проектов новой военной техники, известие о том, что строительство «Стелса» — сверхсекретного бомбардировщика В-2 — обходится в 600 миллионов долларов, вызвало шок в США, а мы десятилетиями пребываем в счастливом неведении — обсуждать подобные проблемы с народом до последней поры было не принято, издавна главенствовало в нашем сознании непререкаемое мнение, что государство не может быть скупым, когда речь идет о его защите и безопасности.

Все это так, цель оправдывает средства, и вряд ли конкретно можно кому-то предъявить претензии, тем более проект Ту-160 закладывался сравнительно давно как вынужденная, хотя и дорогостоящая ответная мера на создание в США стратегических бомбардировщиков В-1В, и могу сказать, что наши конструкторы в грязь лицом постарались не ударить.

Армия, как и все общество в целом, переживает сейчас нелегкую пору духовного и нравственного перерождения. Командиров и политработников волнует немало проблем, и в частности падение престижа такой элитарной военной профессии, какой во все времена была профессия военного летчика. Что-то не торопится в последнее время молодежь в училища, открывающие дорогу под славные знамена легионов, звонко именуемых в народе «Крылья Родины», да и многие офицеры, отслужившие свой срок, уходят в запас, унося «на гражданку» накопленный опыт и знания классного специалиста. Говорят об этом сейчас откровенно, и это уже, наверное, хорошо, потому что только трезвая и честная оценка обстановки, сложившейся нынче в дальней авиации, будет способствовать продолжению ее славных боевых традиций.

А причины, очевидно, не следует искать далеко — они на поверхности. И как в капле воды отражают все перекосы и искривления, деформировавшие и экономику, и наше мышление на протяжении многих лет. Деньги, предназначенные для создания сверхсовременных летательных аппаратов, считать было не принято, а все остальное, касавшееся обслуги этих самолетов и быта тех, кто на них летает, формировалось по пресловутому остаточному принципу, не только оскорбительному для человеческого достоинства, но, главное, заводившему, как показывает опыт, в тупик.

Есть что-то трогательное и героическое в суровой аскетичности военных гарнизонов. В один из них мы прилетели в тот памятный день и сразу отметили про себя две достопримечательности — поднятый на пьедестал у полкового музея отлетавший свое один из первых советских бомбардировщиков дальнего действия, Ту-16, и кирпичную трубу местной пекарни — тоже своеобразный символ бесхитростного бытия, как бы смущенно констатирующий, что, мол, не только небом единым сыт авиатор.

Потом мы разговаривали с летчиками, лазили по машинам, трогали руками приборы и ручки и воочию убеждались, как непрост и нелегок всетаки хлеб этих людей. Даже страшно подумать, что вот отсюда каждый день уходят в многочасовые учебно-боевые полеты самолеты дальней авиации, чье рабочее место над Арктикой и океанскими территориями, в непосредственном контакте с НАТОвскими авианосцами и истребителями-перехватчиками. У этих парней действительно изнурительная мужская работа в небе, и каждый из них вправе рассчитывать на более благоприятные и комфортные условия жизни на земле.

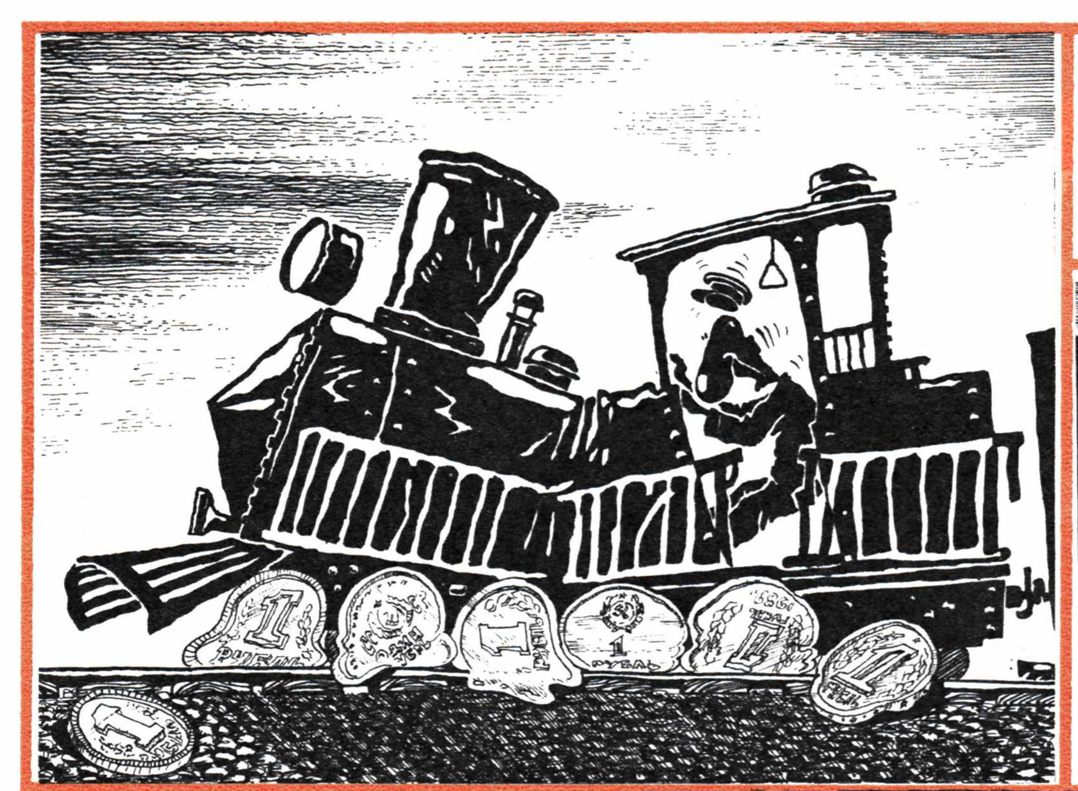
Выступая на первой сессии Верховного Совета СССР по итогам визитов в Великобританию, ФРГ и во Францию и об участии в совещании ПКК государств — участников Варшавского Договора, М. С. Горбачев отметил, что в «Европе сейчас очень сильно всеобщее ощущение, что угроза ядерной войны отодвигается в прошлое. Надежда, возникшая некоторое время тому назад, превращается в уверенность, что мир можно спасти, что возможны нормальные, цивилизованные отношения между странами Востока и Запада». Такая перспектива и обусловливает принятие нашим правительством решения о сокращении военных расходов, в результате чего общая экономия затрат на оборону в предстоящие два года составит почти 30 миллиардов рублей.

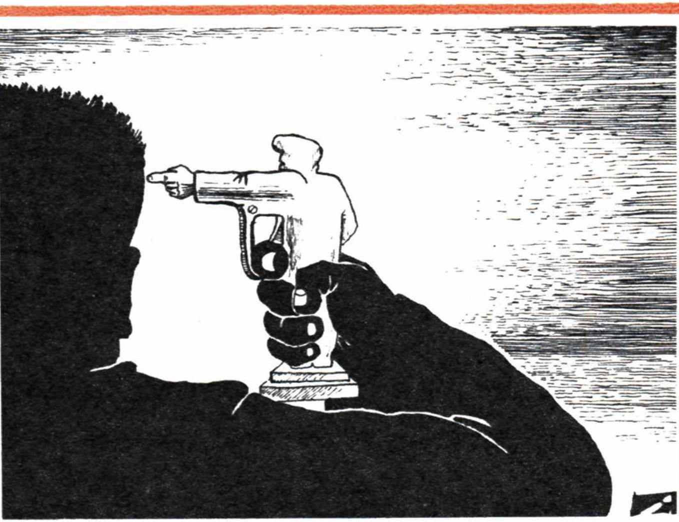
А пока сообщение о полете нового самолета, Ту-160, чья цена в денежном исчислении составляет многие миллионы рублей, совпало еще с одним известием: в Ленинграде, Куйбышеве, а затем в Москве впервые за всю нашу историю открылись бесплатные столовые для бедных.

...Как тяжело сопоставлять эти факты!

Александр БОЛОТИН

НЕТ ПРОБЛЕМ?

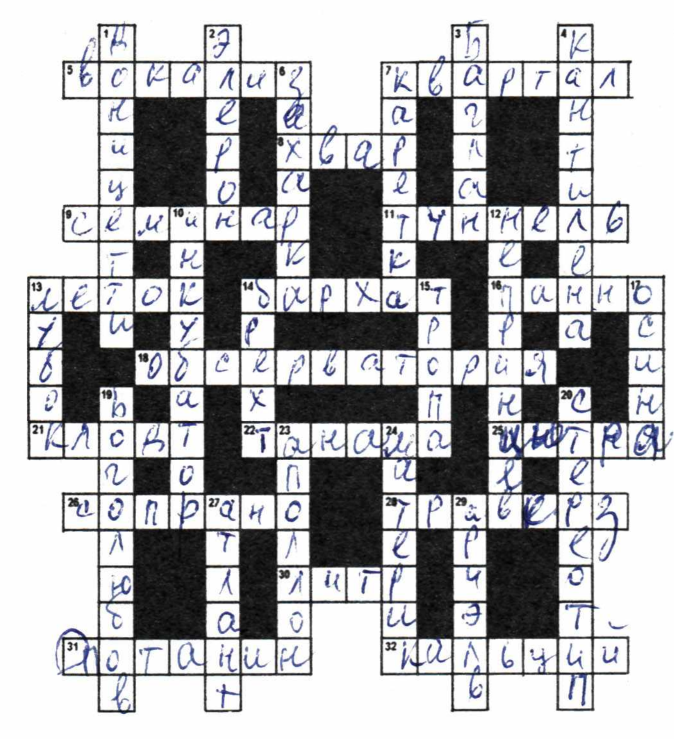

Рисунки Алексея МЕРИНОВА

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Упражнение для голоса, исполняемое без текста. 7. Четверть года. 8. Один из Долматинских островов. 9. Вид учебных занятий. 11. Подземное сооружение для движения транспорта. 13. Отверстие в улье. 14. Ткань с густым ворсом. 16. Обрамленная орнаментом часть стены, потолка. 18. Научное учреждение для проведения астрономических исследований. 21. Скульптор, автор конных групп на Аничковом мосту в Ленинграде. 22. Приток Енисея. 25. Струнный музыкальный инструмент. 26. Самый высокий женский голос. 28. Направление, перпендикулярное курсу судна. 30. Мера емкости жидкости. 31. Русский исследователь Центральной Азии и Сибири. 32. Химический элемент, металл.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Итальянский композитор XIX века. 2. Подвижная часть крыла самолета. 3. Город в Афганистане. 4. Напевная, плавная мелодия. 6. Картина А. Г. Венецианова. 7. Подвижная часть пишущей машинки. 10. Аппарат для искусственного выведения птенцов. 12. Живописец и график, народный художник СССР. 13. Вид графики, народная картинка. 14. Немецкий писатель и режиссер, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 15. Узкая дорожка. 17. Лиственное дерево. 19. Математик и физик-теоретик, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 20. Копия печатной формы. 23. Малая планета. 24. Континент. 27. Мужская статуя, поддерживающая перекрытие здания. 29. Спутник Урана.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Барышева. 8. Черемуха. 9. Артмане. 12. Тампере. 13. Шпиндель. 14. Калуга. 16. Ястреб. 18. Кругосветлов. 19. Корректность. 22. Монета. 24. Ювелир. 26. Достаток. 27. Антенна. 28. Алексей. 29. Асептика. 30. Штангист.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Оберек. 2. Тремоло. 3. Депеша. 4. «Братья». 5. Суппорт. 6. Загреб. 10. Виолончелист. 11. Деятельность. 15. Горизонт. 17. Столетов. 20. Интерес. 21. Эликсир. 22. Монтаж. 23. Адажио. 24. Юкатан. 25. Реестр.

Замысел коллекции южнорусского сценического костюма возник у москвички Светланы Петровны Исенко еще во время ее учебы в институте культуры на кафедре русского народного хора.

Она захотела собрать наиболее типичные и выразительные в художественном отношении крестьянские одежды, сохранившие яркие этнографические признаки — крой, материал, художественную отделку, самобытный колорит...

В ее коллекции оказались сшитые по музейным образцам и находкам фольклорных экспедиций десятки женских костюмов, мужские и детские рубахи Тульской, Орловской, Курской, Воронежской и Рязанской областей.

Подлинный расцвет культуры, считает Светлана Петровна, невозможен без сохранения традиций поколений. Она видит одну из главных своих задач в том, чтобы доказать неоспоримое преимущество подлинно русской национальной одежды перед сложившимся стереотипом сценических «лжерусских» костюмов, в которых выступают на сценах фольклорные коллективы. По мнению Исенко, именно такие ансамбли должны стать пропагандистами настоящего народного костюма.

Михаил САВИН, фото автора

40 коп.
Индекс 70663